

Евгений НАВАХОВ

Сборник стихов разных лет

Тем, кого люблю

Евгений НАВАХОВ

ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ

Сборник стихов разных лет

ИЗРАИЛЬ • 2008

Навахов Е.А.

Тем, кого люблю: сборник стихов разных лет /Евгений Навахов; авторская редакция [обложка Э.Алиев] - Израиль: издательский дом «Мирвори», 2008, - 304 с.:ил.

В книгу вошли стихи поэта Навахова Евгения Алексеевича, написанные в разные годы и посвящённые его новой родине – Израилю, любимым городам Дербенту и Сдероту, родным и близким, а также философская лирика.

© Издательский дом «Мирвори», 2008

© Навахов Е.А., 2008

МУНИЦИПАЛИТЕТ СДЕРОТА

Уважаемый Евгений Алексеевич!

От всего сердца хочу поздравить Вас с выходом в свет сборника Ваших стихов.

Это огромное событие не только для Вас лично, но и для всего города Сдерот. Мы все гордимся Вашим талантом, приветствуем Ваше стремление, как истинного поэта, делиться своими чувствами, мыслями и шагать в ногу со временем.

Со своей стороны хочу заверить Вас и в дальнейшей поддержке. В нашем маленьком городе немало талантов, и мне очень важно и почетно помогать им реализовать себя.

Для меня большая честь поздравить Вас лично, пожелать Вам дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья и осуществления намеченных планов.

С уважением,
Заместитель мэра города Сдерот
Таль (Анатолий) Нахшонов.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Об этом человеке, у которого жизнь прошла, как в легенде, много интересного можно рассказать. Несмотря на свой пенсионный возраст, Евгений Алексеевич Навахов выглядит бодро и намного моложе своих лет. Он полон сил и остается всегда в строю с теми, кто знает его жизнерадостным, готовым всегда прийти на помощь любому человеку словом и делом. Родословная Наваховых известна по всей республике и за ее пределами. А жили они в Чечено-Ингушетии, в казачьих станицах. У его отца Алексея Ханукаевича было прозвище «Буденновец», служил он в Армии Буденно-

го, прошел гражданскую, финскую и отечественную войну, освобождал Чехословакию, Румынию, Польшу, участвовал в освобождении Берлина. Евгений Алексеевич пошел по стопам своих родных.

Вот один из Наваховых, дядя Данил, был повешен белогвардейцами, другой дядя, Шори, был схвачен вместе с комиссаром С. Лазо, которого сожгли тогда в паровозной топке. А кто не знает в нашей республике и за его пределами Авшора Навахова, бывшего председателя колхоза Кагановича, который на свои сбережения купил для фронта танк? Мы не будем отвлекаться и говорить о Наваховых, о них можно написать целую книгу. Вот именно все эти черты характера, мужество и смелость передались молодому Евгению.

В 16 лет он начал свою трудовую деятельность на железной дороге в качестве старшего, а затем главного кондуктора. Однажды ранним утром, это было на станции Уй-таш, мальчик через насыпь гнал на пастбище отару овец, в это время засвистел протяжный сигнал скорого поезда Москва-Баку. Произошла бы большая трагедия, если бы не Евгений, который бросился на рельсы и молниеносно схватил мальчика, спас его от смерти, а сам при броске поранился. Этот подвиг особо был отмечен наркомом путей сообщения, вознаграждением и благодарностью. Родители мальчика и по сей день не забывают спасителя своего сына.

Два других подвига он совершил на станции Белиджи. Под секретным шрифтом на этой станции были отцеплены три вагона с пулеметами, взрывчаткой; стрелочник перепутал и направил эти вагоны на другую линию. В это время Евгений находился там, он успел несколькими «башмаками» остановить взрывоопасные вагоны. И здесь он предотвратил трагедию. Рискуя жизнью, он спас на этой же станции Белиджи вагон-клуб, в котором находились люди. При маневрах не успели прицепить вагон, который пошел под уклон. И здесь Навахов, не думая о риске, на ходу зацепил вагон к маневровому паровозу, правда, помогла и смекалка машиниста. Вот так заслуженно от наркома путей сообщения Евгений получает трижды премии, благодарности за проявленные мужество и смелость.

Подошло то время, когда Евгений сменил форму железнодорожника на форму моряка Черноморского флота. Он не забывал, что знатный род Наваховых всегда совершал подвиги. Однажды на учебных занятиях Евгений Алексеевич запеленговал вражескую подводную лодку, за что был особо отмечен благодарностью и внеочередным отпуском на Родину лично командующим Черноморским флотом Горшковым. Навахову было присвоено звание мичмана.

С юношеских лет у Евгения было призвание сочинять стихи и прозу. В день смерти Сталина он написал в стихах некролог в Севастопольскую газету «Флаг Родины», стихотворение имело большой успех, о нем были только положительные отзывы. Четыре года службы во флоте на Черном море пролетели быстро.

— Я решил свою трудовую деятельность посвятить механизации, мне нравилось работать за штурвалом трактора, бульдозера, подъемного крана, комбайна. Поэтому я окончил Огнинское училище механизации с отличием. Сразу после окончания училища я, по призыву ЦК ВЛКСМ, отправился восстанавливать «голодные» степи. Вот тут мы, молодые, проявили свою трудоспособность в восстановлении «голодных» степей Узбекистана. Нами, механизаторами, здесь в «голодных» степях, был построен город Яинчир, что означает «Новая земля». Сейчас в этом городе проживает более 100 тыс. жителей.

Дальше судьба меня, безотказного механизатора, бросала из одного края в другой. На этот раз мы вместе с друзьями-механизаторами сформировали бригаду и по призыву комсомола поехали поднимать целину. За три года работы на целине мне приходилось работать на комбайне, экскаваторе, бульдозере и других агрегатах. Мне однажды просто выпало счастье принимать здесь участие в съемках художественного фильма «Иван Бровкин на целине». Многие механизаторы мне просто завидо-

вали, как мог я попасть на съемки фильма, который в то время получил мировую славу.

По призыву партии я поехал после целины на Крайний Север в Заполярье, в г. Кировск Мурманской области на строительство самого крупного в мире апатитно-нифилинового комбината. Нам, механизаторам, пришлось в Хибинских горах открывать залежи апатито-нифилиновой руды. Интересно то, что на границе Финляндии на Кольском полуострове были найдены богатые залежи этой руды вдоль границы, только на нашей стороне. Итак, 8 лет на разработках апатита в Заполярье.

Где бы ни работал Евгений Алексеевич, он не расставался со своим призванием поэта. Его стихи и поэмы все чаще и чаще появлялись на страницах центральных, республиканских и местной печати, а также в различных журналах. Широкий отклик получили в народе стихи Навахова о трагедии в Чернобыле, об афганцах, их жизни в стране, о стеклоарах Дагестанских Огней, о тружениках совхозов. Много писал молодой поэт. Большинство из них, разных по тематике, интересных произведений, были опубликованы в Альманахах. О таланте Навахова говорят порученные им почетные грамоты, а также то, что он занесен в книгу почета Госкомитета Республики Дагестан. Евгений Навахов — частый гость различных собраний ветеранов войны и труда, редко какой праздник обходится без него, ведь он по сути жизни человек из легенды.

А знаете ли вы о том, что первый ковш с землей при закладке коньячного комбината был поднят экскаваторщиком Наваховым? Активное участие в строительстве более десяти школ принимал Евгений Алексеевич. Со своим колесным экскаватором он копал траншеи для укладки труб с Кайтага до Дербента с питьевой водой, чем многие горожане и по сей день пользуются. А сколько мостов построено с участием Навахова. Итак, за 26 лет работы в винсовхозе им. Ильича он принял участие в строительстве винзавода, со своим экскаватором заложил фундамент множества домов в поселке Огни. Он оставил огромный след на земле, не только как механизатор, но и как талантливый народный поэт. Мы благодарим судьбу да и его родителей, Алексея Ханукаевича и мать Прасковью Михайловну, за то, что воспитали такого честного, трудолюбивого и талантливого человека. Евгений Алексеевич — интернационалист. Как татский народный поэт Е. Навахов также не мыслит свою жизнь без людей, простых тружеников.

Из книги Александра Рафаилова «Живой родник моего народа». 1995 г.

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Уважаемый товарищ

НОВАХОВ Ев.Ал.

Ваше имя

занесено, 20 марта 1985 года

в КНИГУ ПОЧЕТА

Республики

Желаем Вам и в дальнейшем

больших трудовых, творческих

успехов и крепкого здоровья.

Председатель
Госкомитета ДАССР

М.Х. Гамидов Гамидов М.Х.

Бакинский нефтяник

Ты, извлекая нефть из недров,
Прославил город на века.
От неудач потратил нервы,
Помял в горах свои бока.

Недосыпая даже ночью,
Бурил ты скважину свою.
Фонтан горячего воочию,
Вновь грезил видеть наяву.

А как увидел нефтяную,
Струю под оводом голубым.
Окрасил голову седую,
Ты отдал как будто молодым.

А кто-то крикнул: «Вот задача,
Недавно мастер был седой».
«Я после скважины удачной,
Всегда бывай молод!»

1957 г.

Блюститель порядка

Я не пойму, к чему такая злоба,
У неких лиц к милиции своей.
Они трясутся, словно от озноба,
При виде формы только лишь моей.

Но трезво кто, мозгами пораскинув,
Поймет, что строгий только я для тех,
Кто богохульно рты свои разинув,
Слабей себя всегда берет на смех.

Я не прошу любви к своей осанке,
Пусть даже я опрятней, чем другой.
Ты вспомни, кто на темном полустанке
Стал на защиту грудью пред тобой.

Тебя убрать дружки твои хотели
За трезвый, честный образ бытия.
Я подоспел к неравной той дуэли,
У черной смерти выхватил тебя.

Твоим лобзаньем вовсе не нуждаюсь,
И личной благодарности не жду..
Своей я службой только наслаждаюсь
И рад, что для порядка я живу!

10 ноября 1960 г.

Боги с нами
(или гимн врачам)

Нет человека на земле,
Кто мог оказать: «Я видал бога!»
Хотя бы днем или во мгле.
Ему поверил бы немного.

Но все ж я верую «богам»,
Совсем не тем, кто что по старинке.
Веками гнули нас к ногам,
Кто нам играл на божьей скрипке.

И, восхваляя небеса,
Надев церковные рубахи.
Не веря сами в чудеса,
Дурили нас попы, монахи.

Я преклоняюсь тем «богам»,
Полжизни кто провел в палатах.
И низко кланяюсь ж ногам,
Тем людям в беленьких халатах.

И буду чтить таких «богов».
Им поклонюсь неоднократно:
То был великий Пирогов,
И верным и клятве Гиппократ!

1984 г.

В гостях хорошо, а дома лучше

*Эту вещь я пишу от имени братских
и сочувствующих народов России
к Великому Еврейскому народу.*

Нам кажется, нет разницы вам в том,
Где будет процветать ваш отчий дом!
И была б решена проблема эта,
Коль вам хватало б здесь покоя, света.

Ведь жили вы в России все в достатке,
И вам хватало и еды и платьев
И здесь работая в колхозах и заводах
Вы позабыли о давних всех невзгодах.

Скитаний предков, узников войны.
Что не дожили до радостной весны.
И тех, кто заживо сожженных,
И неубитых погребенных.

Еще хотелось напомнить вам о том,
Как покидая обжитый новый дом.
Где ваши предки сотни лет назад,
Меняли часто свой уклад.

Бросая все свои пожитки,
Кому попало все до нитки.
Они, к возврату не стремясь,
Чего-то каждый день боясь.

Вот так вы жили век за веком,
Считаясь умным человеком.
И до чего вы докатились,
Как на помойке очутились.

Теперь не только с севера,
Востока тает община от этого оттока.
И вот оставшись малой горсткой,
Уходят и евреи горские.

И таты, и те, кто с ними породнился,
И тот в Израиль удалился.
А обвиняетесь вы в том,
Что наделил вас бог умом.

Что вы умнее всех на свете,
И вот за это вы в ответе.
Чернобыль рухнул — разумеет,
Но не по воле же евреев.

Вас так с проектом торопили,
Про безопасность позабыли.
И оправдаться, чтоб скорей,
Кричат: виновен тут еврей.

Торгуют вами, как хотят,
Не только враг, но и российский брат.
Открыто вам не говорят,
Намеком вымолвить хотят.

Мол, уезжайте вы отсюда,
Пока что живы все «иуды».
А то гремит у «Вольфа» гром,
Устроит бедным вам погром.

Мы вас, конечно, защитили б,
Но нас самих тут разобшили.
Ведь нет уж Ленина — царя,
И Джугашвили - богатыря.

Осталась нам лишь только грязь,
Националистическая мразь.
Беспалых, метками прошитых,
Да и фашистов не добытых.

К кому мы с жалобой пойдем,
Коль весь разрушен братский дом.
Так что евреи извините,
На земли предков уходите.

Быть может, там, в конце концов,
Осталась мудрость всех отцов.
Найдется вам покой, уют,
И поколениям приют!

1991 г.

г. Сдерот. Мое 70-летие

Век воли не видать

Зек шикует разгульно на воле,
Словно день он последний живёт.
И не мыслит другой себе доли,
Пока снова в тюрьму попадёт.

Рвёт он волосы, локти кусает,
Как ворота закроют за ним.
И по новой о воле мечтает,
На свободе он будет другим.

Так проходят и дни, и недели,
Да и годы летят, как стрела.
Оглянуться назад не успеет,
Как седая уже голова.

Станет взвешивать ходки былые,
Сожалея, что время ушло.
И за ум уж берутся седые,
Годы вспять повернуть не дано.

Я сказал бы о людях подобных,
Что родитель виновен во всём.
Коль воспитан в условиях злобных,
Значит паспорт уж волчий при нём.

1959 г.

Ветеранам

Спасибо нашим ветеранам
Мне повторять всю жизнь не лень,
За ваши доблестные раны,
За тот победный, светлый день.

За наш кусочек хлеба — мизер,
Что получали мы в тылу.
За то, что не дали унижить
Народ в жестокую войну.

Пусть нету тех перед глазами,
Кого взяла с собой война,
Что в обелисках перед нами.
Зато в сердцах те имена.

Вас каждый год в эту минуту.
Все не хватает среди нас.
И все мы ищем почему-то
Того, чей пробил уже час.

Да будет всем живым известно,
Доколе им придется жить:
В сердцах вы наших вечно, тесно,
Мы вас не сможем позабыть.

Пока все люди будут живы,
Им не забыть те имена.
А мы приложим свои силы,
Чтобы не вспыхнула война.

1985 г.

Ветеранам Великой Отечественной

Вы долгие годы страдали,
И жгли, и бросали вас в брод.
Вы даже фамилии меняли,
Чтоб лишь уцелел наш народ.

В борьбе с оголтелым нацизмом
И ночи и дни напролёт,
Стараясь покончить с фашизмом,
Вы шли за победу вперёд.

И мало в живых кто остались,
Но всё же настал этот день,
Чтоб дети и внуки рождались,
И жизнь расцвела, как сирень.

Но вот позади эти муки,
И вы свой покой обрели.
И в ваши усталые руки
Награды державы легли.

Мы жили в России с рожденья,
По-братски с народом страны.
Но, как, потерпев униженья,
Решили в Израиль уйти.

Давайте же скажем без лести:
«Виват той великой стране!»
За то, что собрала нас вместе
Оставшихся в этой войне.

Мы эту страну уважаем.
Спасибо её скажем все мы.
И чтоб процветал Ерушалаим,
И не было больше войны!

2002 г., г. Сдерот

В защиту мира

Чтоб мир на земле сохранился,
Большого не надо труда.
Тех лиц, кто войною грозитя,
Доставить в Герой-города.

И пусть им могилы покажут,
Чем Гитлер народ наделил.
И дома всем близким расскажут,
О тех, кто до них не дожил.

И пусть они в роли побудут,
В которой побыли мы тут.
Детишек своих не забудут,
С собой в крематорий возьмут.

На западе все воротилы,
Наверно, забыли о том.
Сколько людей покосили,
Военным, позорным жнивьем.

Спустя сорок лет не забытых,
Еще раз напомним о том,
Что двадцать миллионов убитых,
Об этом пусть думает Бонн.

Мы помним, как Гитлер в те годы,
Подписывал наш договор,
Что будем делить все невзгоды,
А сам оказался, как вор.

Так пусть же запомнят другие,
Вильгельма, Адольфа урок.
Что взял Бонапарт, Муссолини,
Другим мы оставили в прок.

1972 г.

Взгляд в будущее

Стою я в зале новогоднем,
В волнении слышу сердца пульс.
Со старым будто и немодным,
Я с этим годом расстаюсь.

И расставаясь с этим годом,
Хочу одно я подчеркнуть:
Не только годы, даже моды,
И горе, радость не вернуть.

И так пройдут года былые,
И люди, точно как года -
Заменят старых молодые,
Но жизнь не станет никогда.

Нас тоже сменят дети, внуки,
Мы их любовью наградим.
В доброжелательные руки,
Земли богатство отдадим.

Пройдут года так величаво,
О них лишь будем видеть сны.
Мы проложили им начало,
Чтоб жить потомкам без войны.

1970 г.

Военные осколки

Мне сегодня под вечер должны позвонить,
Как прошла операция деда.
Вынуть то, что сумел он с войны сохранить,
Те осколки у самой победы.

Я расхаживал дома, считая шаги,
Вдруг услышал я крик непонятный.
Босоногий мальчишка соседа Шагы,
Показал мне предмет неприятный.

Это был тот осколок, что лет пятьдесят,
Просидел он под сердцем на малость.
Я подумал тогда, вот как долго хранят,
Наши деды, отцы эту гадость.

Они лица друзей позабыли давно,
Лишь фамилии их вспоминают.
А когда извлекут из них это дерьмо,
Сознают, чем людей убивают.

Это было тогда в мировую войну,
Ну а нынче за что убивает?
Не возьму себе в толк и никак не пойму,
Что людей на убийство толкает.

Никому не поверю, что нету еды,
Да и крова, одежды нехватка.
Ведь еще сохранились, кто жаждет войны,
А глупцы у таких на подхвате.

Я б немедля созвал ведь бывалый народ,
И просил бы, в глаза ему глядя.
Может быть, он меня по-другому поймет,
Чтобы в кучу вложил все награды.

И спросил бы у них, не стесняясь седин,
Глядя с ними на грудь металла.
Где портреты вождей, адмиралов седых,
И за что их страна награждала?

Ну конечно, за то, чтобы люди могли;
Жить без войн, по-братски и дружно.
Неужели их дети и внуки смогли,
Позабывать то, что не было нужно.

Все ж я верю и думаю в мыслях о том;
Что народ все поймет, осознает.
Чтобы не было стыдно за это потом
Вот за то, что они вытворяют.

Ведь добро побеждало во все времена,
Будь то в сказке, былине и в жизни.
Никому не была родна, злая война,
И тем более жить при фашизме!!!

1972 г.

Фото сделано 1 мая, а 9 мая Овшоло не стало

Возвращение к любимой

Лежал уж снег тогда глубокий,
В полярном круге в октябре.
А ты с родной земли далекой,
Звонила с сыном на заре.

И говорила мне без лести:
«Пора бы выбрать путь иной,
А то живем как будто вместе,
Лишь под холодную луной.

Не вижу выхода я просто,
Осталась тут одна с детьми.
Что за семья в далеких верстах,
Какими вырастут они?

Порою долго я рыдаю,
На сына, глядя твоего.
Он деда папой называет,
Не знает даже своего.

Печальной речью о разлуке,
Как будто плетью был огрет.
Но чувством близости по трубке,
До пота жаркого согрет.

И тут, недолго собираясь,
Летел под сводом голубым.
На крыльях радости помчался,
Со счастьем встретиться своим.

Над синим морем, и глубоким,
Летел как будто целый век.
На островок родной, далекий,
Где ждал любимый человек.

И вот, вернувшись, я старался,
Чтоб залечить тот раны след.
Зачем я столько лет скитался?
Какой был глупый человек!

Любовь разбитую, как плитку,
Я жизнью радостной слепил.
Плотней жемчужиной улитки,
Очаг семейный укрепил.

И вот построил я укромный,
Дворец такой, что не сносить.
Зажег костер любви огромный,
Который нечем погасить!!!

1964 г.

Супруга Зина, сын Дима, дочь Анжелика. 1966 г. Дербент

Возврат к прошлому

Мы царьков возрождать стали снова,
И князей той былой старины.
Я не против здоровой основы,
Лишь бы не было братской войны.

Не хотелось бы снова вернуться,
К той анархии царской, гнилой.
Хоть бы детям могла улыбнуться,
Часть той жизни от нашей былой.

Но ведь что же теперь получилось:
Процветают мечети, церква.
Синагоги, куда устремились
Все молиться, а сеять пора.

Обратят, коли к богу все руки,
И начнут на него уповать.
Кто наполнит молящим желудки?
Кто же землю им будет пахать?

Ну снесём одного, пожирнее,
для попов и для церкви гуся.
Да десяток яиц посвежее,
Оторвав от детей, от себя.

Там отмолят грехи нам у бога,
И святою водицей снабдив.
Да смеяться начнут за порогом,
Попы, брюхо свое насладив.

Вот к чему возвращаемся снова,
К богохульной той жизни былой.
Они бога берут за основу,
Надсмехаясь за нашей спиной.

Заострять не хочу эту тему,
Отрицать боговерность в себе.
Но житейскую нашу проблему,
Не наладит всевышний в мольбе.

Знать работать всем надо упорно,
Чтобы каждый из нас был у дел.
Не решить нам проблемы в покорной,
Той молебне, в пространство глядев.

1968 г.

Наверное, лишь словами Расула Гамзатова можно выразить суть новых стихов Евгения Алексеевича Навахова. Автор выступает с резкой критикой против повального увлечения религией, точнее — богохульством. Ведь известно, что человек с чистой совестью, даже если он атеист, более богоугоден, чем монах, замаливающий свои грехи.

Трудно с этим не согласиться, потому что, как я понимаю, Бог должен быть, прежде всего, в душе человека, и только лишь тогда наступит мир и благоденствие. Ведь как гласит народная поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай». Думаю, в таком ракурсе и надо понимать эти стихи Е. Навахова.

Аликрам, газета «Дагестанские огни», 1992 год.

Война в Афганистане (или зачем нам чужая война)

Ми строим шли у самого Кабула,
Четыре сотни с лишним было нас.
Вдруг из расщелин горного аула,
Залп орудийный все вокруг потряс.

Мы не успели вскинуть автоматы,
Как нас осталось ровно ничего.
Подразделение молодых ребяток,
Как в сенокосе будто полегло.

И погребен чужой земли лавиной,
Я пролежал там день, а может два.
Истерзанный я найден был своими,
Доставлен в часть, в чем мама родила.

Спустя неделю, чудом оклемался,
И к командиру еле похромал.
Меня живым увидев, испугался,
И на глазах пакет он разорвал.

В котором было ложное посланье,
Как будто я в суровом пал бою.
Ведь нас к душманам гнали в оправданье,
Мы вроде шли за родину свою.

Кому угодно это все так было?
Не знал ни я, тем более солдат.
В страну чужую совать овинное рыло,
Чтоб нас в крови топили, как котят.

Погибших там» всех щедро награждали.
Придумав строки лестные для прикрас.
За что же там нещадно убивали,
И лжегероем называя нас.

Мы как на бойне выглядели стадом,
Пусть цель была соседей охранять.
Не уж-то нас для вражеских снарядов,
Рожала и воспитывала мать?

Вот так у нас в союзе изуверов,
Чужое горе ставят за падло.
Других не жаль, пусть лезут в пекло первым,
Ну, а своих поближе, где тепло.

Так пусть бы сами эти генералы,
Своих детей в атаку повели.
Ведь их нельзя, у них другие мамы,
Как будто нами в мире не одни.

Им надо вспомнить ту войну былую,
Когда был Сталин у руля страны.
Он не посмел кровиночку родную,
Спасти сынка, ведь дети все равны.

Теперь его и в этом упрекают,
Что он садист и даже изувер.
Но ведь народ к нему любовь питает,
Такую, что вот этим не в пример.

Тогда все люди, в бой, идя, кричали:
Лишь первым словом Родиной было.
Ну а вторым кричали уже Сталин,
Теперь никто не окажет ничего!

1978 г. Цхалтубо,
санаторий «Тбилиси»

Война не вечна, вечны герои!

К 20-летию Победы

Её «коричневой чумою» называли,
Как из Рейхстага вырвалась она.
СД, ССы обуздали
На мир обрушилась война.

Крушила всё и с воздуха, и с моря,
Сжигая сёла наши, города.
И мир постигло такое горе,
Вселенная не знала никогда.

В экстазе зверства фашисты позабыли,
Что они тоже являются людьми.
И, невзирая на расы, убивали
Детей и старых как могли.

С полторы тысяч дней и ночи,
Что длилась зверская война,
Мы не сомкнули свои очи
Там, где свирепствовала она.

Прошла она от запада к востоку
И, кровью поливая все поля,
Фашизм стоял у её истоков,
Опутавшие свастикой себя.

И эпопея всё же завершилась.
Не многие вернулись с той войны.
И те, кому лишь счастье улыбнулась,
Сейчас сединой усыпаны они.

И вы отцы и наши деды
Долго-долго жить должны
За тот великий День победы
В мире счастье и любви.

1965 г.

Вопрос к шибко грамотным

Хочу я спросить через прессу
Людей, говорящих в эфир:
А им хоть самим-то известно,
Глаголют о чём на весь мир?

Тогда передайте другому,
Сердечно вас очень прошу,
Чтоб «умный» оратор «простому»
Не вешал на уши лапшу.

Ведь мы не учились с вами,
Сказать, в Академгородках,
Чтоб не засыпали словами,
Которых не внять впопыхах.

И каждый оратор, порою
Желающий что-то сказать,
Но люди простые, не скрою,
Без БСЭ вас не могут понять.

В словах не от нашей природы
Вы прячете мысли свои.
Ведь вы — депутаты народа,
А мы вас понять не могли.

Мы кормим вас беленьким хлебом
И поим парным молоком.
А труд по наследству от дедов
Познали от них с языком.

А вы в нас с экрана в насмешку
Кидаете сленгом таким,
Что русский словарь вперемешку
Смешали с каким-то другим.

И коли вы так уж хотите
Культурными быть на виду,
Так будьте в работе и быте,
Но не в словесном бреду!

1982 г.

Воспоминание

Я вспомнил детство озорное,
Мы все в безопасности росли.
Оно ушло, как все бывшее,
О жизнь, за спешку нас прости.

Мы торопились стать большими,
Порой играли в пап и мам.
И в этом радость находили,
И целовались по углам.

Когда мы юношами стали,
Нам стыдно было за игру.
Мы вспоминали все детали,
Уже призывались на войну.

Никто не думал о морщинах,
Никто не смог нам подсказать:
- Не торопитесь стать большими,
Еще успеете познать!

И вопреки своим желаньям,
Мы стали взрослыми давно.
О детстве думать перестали,
Уже стучали в домино.

1966 г.

Встреча на Эльбе

Куда же делись те солдаты,
Что дружбой вечной всерьез
Клялись на Эльбе нам когда-то
И руки жали нам до слез?

Я вспомнил фильм, почти забытый,
Но грезил им все сорок лет.
На Эльбе встречи именной,
Для нас он был как амулет.

Не верю я, что время может
Стереть ту клятву на века.
Неужто совесть их не гложет?
Может, сваяли дурака?

Давая клятву дружбы вечной,
А сами - камень про запас,
Носив с улыбкою сердечной.
А мы надеялись на вас,

Что войны вам все будут чужды,
Лишь будет мир для вас удел,
Вам показать всем фильм тот нужно!
Как никогда я захотел!

Он вам напомним долгожданный
Тот день на Эльбе давних лет.
Быть может, станет он желанным
Как память дружбы, амулет.

1974 г.

Герасим и Муму

Зачем Герасим утопил Муму?
Известно Богу одному.
Видать, не поняли друг друга
В беседе с ней в часы досуга.

Она не лаяла при том,
Когда обвязывал с камнём.
Затем её он окрестил —
В путине чёрной утопил.

Печально стало жить ему
Без верной псины, одному.
И на судьбу он обозлился,
В сарае с горя удавился.

И так закончилась у них
Судьба от бога на двоих.
Я не желаю никому
Конца такого, как Муму!

1998 г. Сдерот

Герой с синяком

В одном полку бывалый взводный,
Большой на выправку мастак.
Ходил всегда и где угодно,
Как на плацу, чеканя шаг.

Однажды он, вернувшись с боя,
Где вражью свору разгромив.
Зайдя в блиндаж, он с диким воем,
К больным на нары угодил.

Набив себе большую шишку,
Запомнил раз и навсегда.
Потом как в цирке бурый мишка,
Он поклонялся иногда.

А после крупного сраженья,
К награде был представлен он.
Дремая в полном снаряжении,
Сквозь сон услышал телефон.

Поднявши трубку аппарата,
Слегка на вытяжку стоял.
Узнал по голосу комбата,
Что вызывает генерал.

Приехав в штаб на своем рысом,
Войдя к комдиву в кабинет.
Как в блиндаже, нагнулся низко,
И за поклон держал ответ.

Прошу прошенья, что нагнулся,
Я думал, что зашел в блиндаж.
А генерал тут улыбнулся:
- И что, набил, себе бандаж?

Так точно! - крикнул, стоя смирно,
Фингал светился на виду.
А генерал с улыбкой мирной,
Ему прикалывал Звезду.

1959 г.

Героям павшим и живым

С мемориала, что у нас;
В дербентском доме пионеров,
Где Исмаила сын Абас.
Глядит на нас глазами веры.

Он верил, что когда-нибудь,
Вернувшись в отчий дом родимый,
Как нежно, ласково на грудь,
Прижмет он голову любимой.

Устроит пир своим друзьям,
Домашним, радуясь обедом,
Заглушит взрывы все к чертям
Шампанским выстрелом победным.

Но не сбылась мечта его,
У Исрафилова Абаса.
И вместо этого всего,
Осколков вражьих нахватался.

Из восьмерых, что там лежат,
Никто домой сам не вернулся.
Шагами доблестных солдат,
Порогов отчих не коснулся.

Как жаль отцов и матерей.
Что деток милых не дождались.
Я бы карал вот тех людей,
Что их судьбой распоряжались.

А в оправдания свои,
И не скупясь на побрякушки,
Они с таких ребят полки,
Формировали там на Кушке.

Мы не смогли улиuezреть
Тот день возврата на Отчизну,
Кого послали умереть,
Отдать бесцельно свои жизни.

И вот в конце таки концов,
Правитель наш, уже гуманный,
Из этих юных мертвецов,
Назвал героя в оправданье.

А мне так кажется порой,
Мы повторяем все сначала.
Солдат становится герой,
Когда его уже не стало.

А не пора ли нам, живым,
Подумать всем над общим горем.
Солдат живой, хоть без войны,
Уже является героем!

1985 г.

Годы берут свое

Я начал бриться по утрам,
Не сразу понял это сам,
Когда сказали мне такое.
Колючий ты ну как алоэ.

Воспринял критику мгновенно,
Когда родилась внучка Лена.
И по утрам, я вам скажу,
Из дома бритым выхожу.

И было все не так давно,
А четверть века лишь прошло.
Теперь со мной прибор попутчик,
С утра хожу ну как огурчик.

А мне восьмой десяток лет,
Еще не стар, ну как атлет.
И не сутул, не лысоват,
Да и тем более не горбат.

Хотят мне сделать комплимент,
Что с виду словно джентльмен.
И этим самым я горжусь,
Лишь в молодые не гожусь.

Пусть буду статен сам собою,
Ходить с поднятой головою.
Походка, резвость, все мое,
А годы, все ж, берут свое!

2002 г. Сдерот

Голодная степь

Прилежно мы учились делу,
Но тут призыв по всей стране:
Кто может, что-нибудь хоть делать,
Отдай свой труд на целине.

И с удовольствием покинув,
Свои родные очаги.
Палатки, рты свои разинув,
Нас ждали, также рычаги.

Одновременно гул моторный,
Покой целинный оборвал,
Мы - Дагестан в степи голодной,
Правофланговый запевал.

Приумножая славу дедов,
На поле вышли, как один.
Нас даже звонами к обеду,
Никак дозваться не могли.

И мы, пораньше поднимаясь,
До солнцепека бы успеть.
Пешком к работе добирались,
Чтоб от лучей не обгореть.

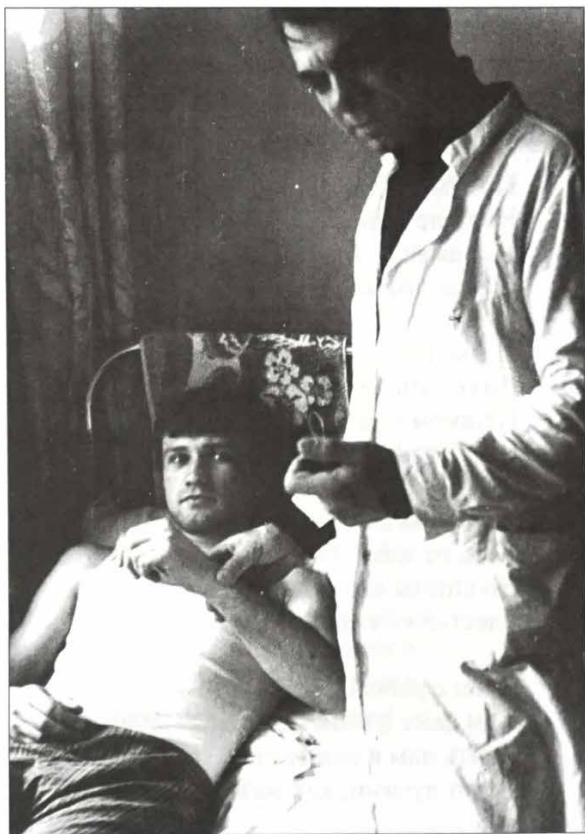
И как мы только ни старались,
Себя от зноя уберечь,
Но спины все же обгорали,
Блестели словно, как картечь.

Идем с работы полшестого,
Нам даже в этом не везло.
Опять нам в спину шар багровый,
Печет лучами, как назло.

Туда мы шли, хоть песни пели,
Оттуда высох голосок.
И так за лето подгорели,
Как тыквы жареный кусок.

Но все работали на славу,
Кто на канал, а кто в карьер.
Не уронили честь и славу,
Построив город ЯНГИЕР.

1957 г.

Гонимый народ

Я Израиль не видел ни разу,
Он мне даже не снился во сне.
О нем знаю я лишь по рассказам,
Будто грезят все там о войне.

Но листая историю нашу,
Не поверил пустой болтовне,
Ведь кто с кровью и потом ел кашу,
Тот не будет мечтать о войне.

Я уверен, хоть чтоб ни сказали,
Что еврей не воюет ни с кем.
Потому, что его вечно гнали,
Из обжитых и собственных стен.

Из которых гоним был веками,
Оскорбленный да в сердце раним,
Обливаясь он кровью, слезами,
Грезил только по землям своим.

А теперь, после долгих молчаний,
Вновь поднялся зловещий вопрос.
И пошли нам чинить злодеянья,
Чтобы черт нас в Израиль унес.

Ведь мы сами об этом мечтали
Убежали б как дочь под венец,
Не пускали нас Ленин и Сталин,
Что без нас всей державе конец.

Пусть себя и других я унижу,
Вспомнив, что говорил мне отец.
Коли крысы на берег все двинут,
Кораблю значит, будет конец.

Ведь начертано в нашем писанье,
И в Коране, изрек это жрец,
Коль евреев в Израиль погнали,
Значит, миру приходит конец.

Не по воле всевышнего двинул,
Сам в Израиль еврейский народ.
А за то, чтобы корень не сгинул,
Он меняет подпочвенный сброд.

Но поймут всю причину потомки,
С благодарностью, вспомнив о них,
Что, собрав по крупичкам осколки,
От тиранов спасали своих.

А спустя очень долгие годы,
Сей осудят нелепый мотив.
Те потомки Российских народов,
За грубейшие козни своих.

1991 г.

Город Огни

Я знаком еще с детства с Огнями,
В дни жестокие прошлой войны.
Мы сюда приезжали не сами,
От фашистской позорной чумы.

Вот осенней ненастной погодой,
Отцепив наш побитый вагон.
У одной принимали там роды,
А в углу шел, отпев похорон.

А конечной стоянкою было;
Город древний Дербент, говорят.
И в потёмках толпа повалила,
Неизвестно куда, наугад.

Подошли мы к огромным воротам,
А на улице нет ни души.
Я открыл, и тут выкрикнул кто-то:
- Вот и беженцы наши пришли.

Наш отец, как и все, был на фронте,
И войну знали мы по нутру.
Но, а здесь не было самолетов,
Что бомбили всегда по утру.

Время шло, пролетали недели,
Мы росли ну, как будто грибы.
Ведь тогда мы не знали безделья
И работали там, где могли.

На колхозные нивы водили,
Подбирать колоски на земле.
Как лошадок, ярмом наделили,
Разговор только шёл о войне.

«Все для фронта», - тогда говорили,
Ощутили не мало мы бед.
И траншеи копать нас водили,
Приближая минуты побед.

Мы ходили по нижней дороге,
Трассы не было в те времена.
И побитые детские ноги,
От усталости ныли тогда.

А Огни был тогда, как в долине,
Туда шли мы работать за мир.
Но, а трубы его исполины,
Нам служили, ну как ориентир.

Жил народ там семьёю единой,
Местом сбора служил им завод.
В возведении участие Калинин,
Принимал, в тот неистовый год.

Прозябали там люди в бараках,
Тяжело там народу жилось.
Горе, радость, как братья родные,
Им в войну разделить довелось.

Время шло, возрождался посёлок,
К нему шли из аулов и гор,
Где герои рождались с пеленок,
О победе тут шел разговор.

Жили люди семьёю единой,
Что ковалось, как в кузне деталь,
Ветераны покрылись сединой,
И народ закалялся, как сталь.

Здесь совхозы, заводы рождались,
Населенье росло, как грибы.
И спустя полувека дождались
Званье город присвоили мы!

Пусть цветет да и крепнет отныне,
Древо братства, пусть крепнут года.
Потому, что Великий Калинин,
Посадил его здесь навсегда.

1958 г.

Грязнуля

Грязнуля хвастал в самолете,
Его нет чище на земле,
А что снаружи грязь, не в счете,
Я чище всех внутри вдвойне.

Он вынул пару мандаринов,
А стал их чистить на виду.
Из рук упала половина,
И тут хвастун попал в беду.

Куда же выбросить кусочек?
Кругом глазами он водил.
Зажмурив их, он на чуточек,
Закинул в рот и проглотил.

1971 г.

Гуманизм — это жизнь

У человека есть один гуманный
Порыв души, чтоб помощь оказать.
Подумаешь там, лишний рубль в кармане,
Который в силе мы друг другу дать.

А если все, собравшись дружно вместе,
Отложим рубль, а, может, и трояк
Без лишних слов, а также и без лести
Ведь мы поможем ближнему вот так.

И пусть идут те средства аксакалам
И инвалидам воин и труда.
Мы от гуманных этих капиталов
Не обеднеем в жизни никогда.

Наоборот, богаче станут люди,
Да и роднее, как в одной семье.
А коли мы гуманными не будем,
Так кто ж протянет руку нам в беде?

1990 г.

Две матери

*Посвящаю новобранцам,
нашим сыновьям, уходящим в Армию
на защиту наших рубежей.*

Вчера ты бел еще рабочий,
Сегодня ты- уже солдат.
И покидая дом свой отчий,
Служить Отчизне своей рад.

Не рад разлуке лишь одной,
Оставив дом, родную мать.
Но счастлив в том, что молодой,
Идешь Отчизну охранять.

Не отчий дом хранить досталось,
Покой отца и мать свою,
А всю страну до самой малости
В присяге примешь ты в строю.

Ты должен соколом быть ясным,
Чтоб зорко землю охранять.
В жару и в холод, и в ненастье
Как сохраняла тебя мать.

И мать другую вы не в силе,
Теперь уж больше полюбить.
Вам обе матери отныне,
Теплей, родней не может быть!

1974 г.

900 дней блокады Ленинграда

Сто двадцать пять тех граммов хлеба надо
Сравнивать лишь только с золотым песком,
Но жил народ и не отдал Ленинграда!
Наделенный тем мизерным куском.

И хлеб в ту пору был подобен крови,
А можно и с дыханием сравнить.
И нет людей выносливее боле,
Не давших город Ленина сломить.

Там накалялись люди, как в горниле,
Ничем нельзя которых остудить,
Быть может, лежа в собственной могиле,
Не дали бы врагу по ней ходить.

И вся страна от мала до велика
Тянула руки помощи к нему.
Ведь он носил имя то великое,
Которое досталось одному.

А он стоял с огромной силой воли,
Голоден, бос, коль честно говоря.
Ведь каждый шёл, не зная страха, боли,
К великой колыбели Октября.

И оба вместе Ленин-Сталин-грады,
Что ставшие символом войны.
Не павших от разрухи и блокады,
Вошли в историю героями они!

1983 г.

Дембель

И вот вернулся внук домой,
Отдавши долг своей страны.
Сначала был он рядовой,
И дослужил до старшины.

Познал он в армии все то,
Что невозможно на гражданке.
И автоматы и авто,
И подниматься спозаранку.

Себя в учении закалить,
Чтоб защитить свою страну.
От террористов оградить,
Народ и мамочку свою.

Познав науку от войны,
Вернулся он для мирной жизни.
Лишь потому, что мы должны,
Стать на защиту всей Отчизны!

День Победы

К 25-летию Победы

Пусть потускнели старые медали,
Что за отвагу были вручены,
Но в День Победы ярче заблистали,
Оставшиеся в память с той войны.

Нашу победу кто-то ненавидит,
И эти «кто-то» до сих пор живут.
И думают, что: «Поживем, увидим»,
Как будто они прошлое вернут.

Уж столько лет в трущобах, словно черни,
Живущие мечтою лишь одной,
Безмозглые фельдмаршалы, как черви,
Сдыхая, грезят ядерной войной.

Они, свою заразу размножая,
Забыв про Курск и даже Сталинград,
Своих детей реваншем заражая,
Упущенное жаждут наверстать.

Но я скажу: никто не сможет сроду
Поток реки свернуть обратно вспять.
И день Победы — торжество народов
Никто не смог, не сможет растоптать!

1970 г. Дербент

День Победы

К 50-летию Победы

Мы, празднуя свой День победы,
Мысленно помним о тех
Погибших отцов, да и дедов,
Отдавшие жизни за всех.

За тех, кто живёт и поныне,
Не знавших в ту пору войны,
И тех, кто тогда молодыми
Сражаться с фашизмом пошли.

Пропавших без вести мы помним
И тех, кто сражался в тылу,
И тех, кто ряды их заполнил
В жестокую эту войну.

Хоть время летит неустанно,
И тают Солдатов ряды,
Заботу о всех постоянно,
О них проявлять мы должны.

Мы всех никогда не забудем,
Ведь память о них глубока.
Беречь мы оставшихся будем —
Им очень цена высока.

И вы, отцы и наши деды,
Вы долго-долго жить должны
За великий День победы
В мире, счастье и любви!

Добро и зло

Добро и зло живут на свете,
Они соперники вдвоём.
И злиться стало зло при этом,
Мол, верх возьму я над добром.

Зло долго злилось и зверело,
Хотело, чтобы перед ним:
Все мерзло, гнило и горело.
Чтоб зло осталось за ним.

И не желая быть на равных,
Со злобой рядом где-то жить.
Из побуждений лишь гуманных,
Добру хотелось зло изжить.

-Какое выбрать нам оружие,
Чтоб силу гнева показать?
Нам огнестрельное не нужно,
Давай холодным воевать.

Со злобой зло кричит: «Давай!
Коль мы с тобою не ужились.
Гляди ты в оба «не зевай»,
И, сделав паузу, сразились.

Я добрый, добрая, добрейший,
И спорить даже не хочу.
Коль разделить добро на злейших,
Добро в итоге получу.

Но если зло кому придется,
Одно умножить на добро.
Оно в добро воё обернется,
Итог получим мы добро.

Без зла, без злобы жить всем надо,
Не злиться попусту порой.
Добром, по доброму и ладом,
Судить, решать вопрос любой.

1967 г.

Добрый джин

Я жизнь прожив, отдал свои все силы,
Из стажа мог сплести большой венец.
Как занемог, спросил своей любимой:
- Неужто мне пришел уже конец?

Она тут, вспомнив разговоры с ближним,
Им не поверив, высказав - не лги,
Как будто есть один источник жизни,
В каком-то маленьком селении Талги.

Туда все едут, даже с Заполярья,
Где от морозов дерево трещит.
И исцеляясь испанское «Воляре»,
Танцует все, как музыка звучит.

И я недолго в путь свой собирался,
Решил проверить на своем горбу.
Который мне лишь от труда достался,
Что исправляют в собственном гробу.

И вот в беседе, врач о нем поведал,
Как нужно нам в воде себя вести,
И через день, ныряя да обеда,
Я смог немного форму обрести.

Минут я тридцать ванну принял,
Заметил вдруг, что нету хромоты,
И свой костыль в музейный угол кинул,
И я от радости назвал ручей на «Ты».

1976 г.

Дойч

Я немецкий язык изучать не хотел,
Из-за злобы к фашистской доктрине.
И за прихоти этой я всем надоел,
Да и каверзы делал Полине.

Вот однажды у нас разразилась гроза,
Между мной и сестрою родимой.
Она яростно тычет мне Дойч в глаза,
Что из всех языков он посильный.

Я доказывал ей, что вовек не смогу
Изучить ненавистные речи.
А сестра мне в ответ: «Я тебе помогу»,
И взвалила мне «фрица» на плечи.

Вразумительно мне объясняла она,
Кто устроил ту бойню людскую.
А Полина с уроков гоняла меня,
Что сидел я на них вхолостую.

Вот однажды урок начинался с того,
Как в таблице у нас умножении.
Изучать месяца, даже более того,
И количество дней, воскресений.

Интерес мой от этого сразу возрос,
И начал я зубрить, что попало.
И поэтому был удостоен, как пес,
Кличкой «фриц», так меня величали.

Эту кличку свою я не мог выносить,
Как не люб был язык иностранный.
Ну а время текло, я уж мог говорить,
«Розе мунда» я пел на вульгарном.

И немецкий язык я легко так познал,
Хоть боялся его, как холеру.
Я о нации грубо ничто не сказал,
Но с войны потерял к нему веру.

И сейчас у меня волос дыбом встает,
Когда слышу язык я немецкий.
Предо мною война, как в экране встает,
Это злоба от ужасов в детстве.

Повидал я бомбежки с мальчишеских лет,
Что от страха стоял волос дыбом.
Когда тысячи трупов и даже скелет,
Я в окопах увидел, как глыбы.

Не скажу я дурного о немке своей,
Очень нежной и доброй Полине.
Не она же войной, шла к России моей,
Чей язык мне враждебен поныне.

1959 г.

Дом без ворот

Я взял такую себе тему,
Припомнив ужасы тех лет,
И стал писать свою поэму,
Хоть не прославленный поэт.

Хочу я вспомнить все сначала,
О том, как началась война.
Поднялись все: большой и малый,
В защиту целая Страна.

Фашист бомбил, кричали люди,
А мы под утро крепко спали.
И залпы множества орудий,
Меня с постели не подняли.

Я, как убитый, спал на печке,
Сестра и мать прижались к ней.
Бой разгорался возле речки:
Кричала мать: «Проснись скорей!»

И громко в радио вещали,
Советы диктор все давал.
Под стол, кровати, одеяла,
Как может, сам себя спасал.

Меня с той печки с одеялом,
Сестра и мать поволокли.
Под стол, пихнули в одеяле,
А сами где-то залегли.

Не знала мать от страха гулов,
Куда бы голову приткнуть.
И оказалась под стулом,
Лишь голова и только грудь.

Бомбежка кончилась и гулы,
И диктор объявил отбой.
А мать лежала «все под стулом,
Не зная, что над головой.

Она кричала нам: «Ребята!
Зажгите лампу или свет...»
В потемках влезла я куда-то,
От тесноты спасенья нет.

Затем сестра, добравшись к свету,
По хате начала искать.
Меня нашла, а мамы нету,
И тут полезла под кровать.

Увидев что-то, закатилась,
Со смехом плачет пополам.
Мать на корячках волочилась,
От кухни лезла задом к нам.

Она так странно выползала,
С собою стуло волоча.
И все на свете проклинала,
Застряла в ножках до плеча.

В ловушке мать была по плечи.
Ей стул подняться не давал.
Она почти лишилась речи,
Слезы комок в груди стоял.

Мы улыбались со слезою,
Теперь уж тишины боясь.
Как краб, вцепившись меж собою,
Сидели, плача и смеясь.

Чуть свет мы вышли все из хаты,
И, широко разинув рот,
Соседний дом стоял горбатый,
А у нас не было ворот.

1956 г.

Дорогие мои старики

Нынче модную песню сложили,
Про старейшин на нашей земле.
Лишь немногие с ней подружили,
С тех, кто был на великой войне.

Они с богом ушли безвозвратно,
Отдав жизни за наших людей.
Тем, кому до сих пор непонятно,
Для каких это светлых идей.

И не внять нам вовеки наверно,
Что к гибели их привело.
Только пусть сохраняют непременно,
Имена, что войной унесло.

Может, жили б они и не долго,
Те, кто рано из жизни ушел.
Есть для всех свои сроки у бога,
И для тех, кто еще не пришел.

Но, а тем, кто живет и. поныне,
Незаслуженно больно до слез!
И зачем их бесславно забыли,
Кто нам жизнь и свободу принес.

Но, спустя очень долгие годы,
Будто времени не было нам.
Вышел новый закон, словно мода,
Нашим славным отцам, матерям.

С опозданием, пусть неуместным,
В конце прожитых доблестных дней.
Окрылили их праздником лестным,
С днем заслуженных, старых людей.

Хоть не всем нынче сладко живется,
Переменам таким вопреки.
Пусть вам радостно жизнь улыбнется,
Дорогие вы нам, старики!

1987 г.

Елка в Израиле

Мы собрались в этом скромном зале,
Как в России встретить Новый год.
Чтобы все под елочкой играли,
Может к нам и мошиях придет.

Будем мы и весело, и дружно,
Все под этой елочкой плясать.
Потому что всем детишкам нужно,
В мире на планете созидать.

Может злые люди в целом свете,
Все же поразмыслят наперед:
Что же лучше: террорист для смерти,
Иль дарит подарки в Новый год?

Мы попросим взрослых на планете,
Чтоб собрались дружно, как и мы.
Не планировать детишкам смерти,
А зарыть навек топор войны.

Мы же знаем: всех нас любят мамы,
Это уж доказано житьем.
Мы не верим, что есть в мире мамы,
Жаждающих убить свое дите.

А еще мы очень просим взрослых:
Стройте школы и университет.
А не арсеналы смертоносных,
Разных бомб и ядерных ракет!

1999 г. Сдерот

Елки Израиля

У меня под окном растет елочка,
Что когда-то рассадой была.
За три года она трехметровочка,
И немало нам тени дала.

Я лелеял ее как ребенка,
Поливать рано утром вставал.
Обогнала мой рост и не только,
Перед ней я, как карлик стоял.

И высокою стала та елочка,
Приблизительно метров уж пять.
Великаном мне стала дюймовочка,
Что макушку в прыжке не достать.

Пусть растут иудейские елки,
Защищая людей от жары.
Чтобы здесь не водились «волки»,
Не плодились бы в них комары.

Я слышал много злобных сказаний,
Что Израиль пустует, как степь.
Будто здесь лишь песок да и камни,
Пусть приедут сюда посмотреть.

Тут немало пустынных угодий,
С ними вечно живет «Мошиях».
И Святая земля плодородна,
Здесь и фрукты растут на камнях.

Неспособные злые те люди,
Одну истину только понять.
Если добрыми люди все будут,
На камнях будет все прорасть!

2004 г. Сдерот

Елка Кремля

На земле есть елок столько,
Что вовек не сосчитать.
Лишь к одной нас тянет только,
Новый, Новый год встречать.

И к тебе, что краше нету,
Елка Ленинской Земли,
Всё дыхание планеты,
Дети мира привезли.

Ты одна для всех сверкаешь,
Что под сводами Кремля.
Всех детей объединяешь,
Лаской матери маня.

В хоровод так дружно стали,
Дети мира, как цветы.
Наша дружба крепче стала,
Потому, что в центре ты.

И стоишь ты величаво,
Свет звезды твоей манит.
Здесь берет своё начало,
Мир, что войны победит.

1967 г.

Журавли на еврейский лад

Здесь под небом родным
Я, как гость, долгожданный.
Вижу лица друзей,
Улыбнувшихся мне.

Ах, как сердце стучит
Тут спокойно и гладко.
Не печалюся я,
Что приехал сюда.

Прилетели сюда
Мы из разных сторон,
Продолжать свою жизнь
И растить тут детей.

А вернуться опять
Никому не позволю,
Накажу всем детям
Родословной своей.

Будь что будет, со мной
И с моими братьями,
Да и с родом моим,
Прилетевшим сюда.

Я хочу лишь одно:
Чтобы мы не мечтали
Возвращаться опять
В те былые края.

Хоть родился я там
И воспитан тем духом,
Но для всех я там был
Одним словом - «Жидом».

Тут схоронят меня,
И земля будет пу ом.
Ведь святая Земля
Нам всегда отчий дом.

Здесь нашел я Страну,
Где ярко Солнце сияет,
Золотятся хлеба,
Зеленеют поля.

Тут есть право на труд
И покой охраняют.
Здесь родимый мой край
И отчизна моя!

1997 г., Сдерот

Выборы в муниципалитет. Список Давида Бускилы

Желаю сто лет жизни!

Никаких не питаю иллюзий,
Что сто двадцать я лет проживу.
Хоть бы сто мне прожить без конфузий,
В мир иной я спокойно уйду.

Не желаю дряхлеть понапрасну,
Стать обузою близким моим.
До серьезной болезни согласен,
Я дойти только ходом своим.

Не терплю костылей и колясок,
И тем более чтоб был поводырь.
Пусть до смерти мой пыл не угаснет,
И живет во мне лишь богатырь.

А с болезнями был я не дружен,
Не любил и лекарства глотать.
Лишь порой стоматолог был нужен,
Чтобы дырку в зубах залатать.

Или травмой какой на работе,
Был прикован к постели своей.
Чтоб водил меня за руку кто-то,
Не бывало то в жизни моей.

Хоть прожил я не мало ни много,
А восьмой лишь десяток пошел.
 Попрошу я «тридцатник» у Б-га,
Чтобы срок мой до сотни довел.

Для чего это нужно, о Боже?
Чтобы мог я людям написать.
Что на свете жить просто негоже,
Да и детям хоть что-то отдать.

Завещание

Я всегда и везде жизнерадостный,
Хоть несладко прошла моя жизнь.
Не могу я пройти мимо пакостей,
Раз заденешь меня, так держись.

Для тебя посвятил я поэмы,
Для тебя написал я стихи.
Никакой я необыкновенный,
Как и все, я имею грехи.

Не совсем я уж грешник огромный,
Люблю труд, танцевать и гулять.
Поднесут мне бокал вина полный,
Перед ним не смогу устоять.

После чарки начну анекдоты,
И пошел я людей веселить.
А в развар перебьет меня кто-то,
 Попрошу я штрафную налить.

Так прошли мои годы полвека,
Как ручей, протекли все года.
Хоть уйду на тот свет не калека,
Но за вас, я болел завсегда.

Вот и жизнь почти вся на исходе,
Извини, коль не так я прожил.
И плохого не делал я вроде,
Для семьи я всю жизнь положил.

Я оставил тебе кучу деток,
Вместе с ними немало хлопот.
Допустил коли промах я где-то,
Но я был не жадюга, не мот.

Может, был я хозяином в доме,
Может, сделал тебе уголок.
Если первым умру, будешь в доли,
В той, что я для детей приберег.

А тебе пожелаю здоровья,
И как будешь меня хоронить.
Ты налей на мое изголовье,
Что вчера не успел я допить.

Хоть не будет оно мне похмелю
И не сможет с могилы поднять.
Два часа посвятил я безделью,
Да еще не хочу умирать.

5 декабря 1982

Запрет на все

Раньше было страшно про Израиль,
Меж собою где-то говорить.
Помню даже, как мы все боялись,
Слово это вслух произносить.

Были также жесткие запреты,
Для короткой радио волны.
Рыскали под окнами агенты,
Засекут — не миновать беды.

А про голос, скажем, с Вашингтона,
Нечего вообще и говорить.
Как поймают — высылка готова,
Будешь в Магадане лес рубить.

С Лондона вещала передача,
С кодовым названием «Би-Би-Си».
Засекут — и снова неудача,
Из дому сухарики проси.

Анекдотов мы вообще боялись,
Услыхал и сразу наутек.
Чтобы нас в компании не видали,
А иначе намотают срок.

А попробуй песенку блатную,
На гулянии где-нибудь пропеть.
Запоешь ты «Долю воровскую»,
Хоть не вор, а будешь ты сидеть.

А в анкетах, скажем, комсомола,
Самая зловещая графа.
Есть ли за границей кто из рода?
А судимость? Коли есть — пока.

Словом было множество запретов,
И на джаз, на Лещенко Петра.
Коль найдешь рентгена пленку где-то,
Упиваясь, слушал до утра.

А теперь в России стало вот что:
Хлещут водку, гонят самогон.
Убивают все друг друга просто,
Наплевать на власти и закон.

И предела нету там разгулу,
Национальной розни и войны.
Даже мирной жизни по аулу,
До зубов там все вооружены.

Прячутся народы где попало,
Мусульманин — в Турцию, Иран.
А еврей, конечно же, в Израиль,
Остальным пиши уже — пропал.

А приехав, я в страну родную,
Где полно и водки и вина.
Не увидишь «харю» тут хмельную,
Под забором спящим, как свинья.

Нету здесь, в Израиле, запретов,
Пей и пой, хоть с пляской до утра.
Полной жизнью ты живешь конкретно,
Наравне с тобою детвора.

Ты живи ни воин, бед не зная,
И цветы на жизненном пути.
Но страну великую Израиль,
Чтобы мог достойно защитить.

Зачем жить под страхом

Ну, кто захочет жить под страхом,
Пусть даже ты живешь в раю?
И вечно ждать, что одним махом
Перечеркнут всю жизнь твою?

И в ожидании бояться,
Когда тебя один маньяк
Начнет, уродуя, смеяться,
Как будто надо было так.

Знавал я лозунг некрасивый,
Он популярным был тогда,
Где «Бей жидов, спасай Россию»
В лицо кричали иногда.

Пусть кто-то скажет в оправданье,
Что это враки, все не так.
Ведь нам вчера лишь показали
В экран огромный кулак.

Мол, пусть уходят все евреи,
Иначе мы их уберем.
А чья была эта затея
В телеэкране голубом?

И прокурор с лицом наивным
Все эти факты отрицал,
А экстремист в геройстве мнимом
В экран евреям угрожал.

Откуда это все исходит,
Коль не берется с потолка?
Но в телецентры лишь проходят
Команды только из ЦКа.

Мы сотни лет живем в России,
А нам готовится погром,
Ведь мы ей верою служили,
Культурой, музой и умом.

Все наши деды и прадеды
Погребены на сей Земле,
Кто все невзгоды и победы
Делили с вами на войне.

Мы даже случая не знаем,
Чтобы еврейский в целом род,
Лишь только жизнь свою спасая,
Он предавал другой народ.

Была ведь дружба крепче стали,
По всей России у людей.
Нам и обряды не мешали
Многоязычностью своей.

Так пусть ответят экстремисты -
Мы хоть кому-нибудь должны?
А может, хватит, что фашисты,
Нас миллионами пожгли,

Пусть каждый это твердо знает,
Что ни «хохол», «чучмек», ни «жид»,
Быть оскорбленным не желает,
Он, как и всякий, в праве жить!

Иль пусть откроют нам границу,
Мы ведь как будто не должны.
Со всеми можем мы ужиться,
Коли России не нужны!

1990 г., Дербент

Звонок из Америки

Мне позвонили брат и друг с Нью-Йорка,
И поздравляли с ангелом моим.
А слезы сами, словно у ребенка,
Вдруг полились по всем щекам моим.

А время было ровно пол-второго,
Я лишь успел легонечко вздремнуть.
Услышав глас брательника родного,
Пришлось с постели тепленькой спорхнуть.

Я не в обиде был за ту тревогу,
Наоборот, внимал его любя.
И ото сна придя в себя немного,
Почувствовал молоденьким себя.

Я вспомнил вдруг совместных похождения,
Когда вдвоем с брательником другим
С рогов хрустальных за Алика рожденье,
В Далинске пили под небом голубым.

А также Яго с Михой Лобжанидзе,
У голубятни собравшихся весной
На радостях пришлось повеселиться,
Что встретились за много лет гурьбой.

Один звонок с Нью-Йорка до Сдерота,
Напомнил вдруг всю молодость мою.
Полжизни он перелопатил только,
А я пред вами какой уж есть стою.

И пусть вам всем родные улыбнется,
Большое счастье на земле родной.
А кто вдали, по-доброму икнется,
Люблю я всех огромнейшей душой.

Мне очень жаль, что нет сегодня с нами,
Наших братьев и дядек молодых.
Которых мы омыли там слезами,
В чужой земле оставили одних.

Они дополнили бы наше тут веселье,
И песней, шуткой и самим собой.
И отмечали бы мы рождение,
Которых не хватает нам порой.

Они мечтали низко поклониться,
Святой земле и предкам дорогим.
Но не пиршлось им этим насладиться,
Уйдя от нас в ту землю молодым.

Но я доволен жизнью той прожитой,
Хотя в ней было много уж всего.
Был голод, холод и пять войны прожито,
Барух а шем, мы славим все «Его».

И будем славить за то, что нынче вместе,
И делим радость и горе пополам.
И дай вам Б-г огромнейшего счастья,
Прожить сто двадцать назло врагам.

Зеленый чай

Все говорят, что чай полезный,
И удивительный на вкус.
Есть люди даже о нем грезят,
А я в судейство не гожусь.

Слышал я много толкований,
Что в южных он живет местах.
В Цейлоне, в Грузии, в Танзаньи,
И что растет он на кустах.

Но есть один среди них лечебный,
Для организма без помех.
Хотя на вид немного бледный,
Один его я пью из всех.

Случилось так: в пятидесятых,
Работал я на целине.
Погода там не из приятных,
Мираж от солнца на земле.

Не знали мы куда деваться,
От зноя этого вокруг.
И тени не было спастись,
И жарил нас «небесный круг».

И на ночь простынь мы мочили,
И спали прямо на меже.
Минуты только проходили,
Ну, как сухарь она уже.

Из носа кровь порой валила,
От перегрева на жаре.
И так все лето с нами было,
В пятьдесят шестом на целине.

Я рыл траншеи водяные,
Жарища там, упаси бог.
С арыка прямо воду пили,
Никто напиться так не мог.

Но вот мудрец один нашелся,
Меня он пальцем поманив,
И под навес со мной прошелся,
В пиалу жидкости налил.

Я удивленно кинул взглядом,
А он смеется мне в глаза.
«Поешь лепешку, винограда,
И муть та будет как слеза».

Поблагодарив за хлеб и дыню,
Спросил аксакала невзначай:
«Скажи мне дядя, что там было?»
А он в ответ: «Зеленый чай».

Мы воду пили как коровы,
Никак напиться не могли.
А как поили чай зеленый,
К воде все страсти улеглись.

И вот уже почти полвека,
Я пью зеленый, дивный чай.
Благодарю того узбека,
Что повстречался невзначай.

Изобретатель-мыслитель

Шумит, трещит на поле трактор,
Коптит зловещая труба.
Я на досуге думал как-то:
-А сколько он несет вреда.

Кругом цветы, а рядом пчелы,
Стал беспокойным их полет.
Я постараюсь бить ученым,
В науке сделать поворот.

Изобрету я трактор нежный,
Лишаясь сладостных ночей.
Чтоб он работал, как и прежде,
Но лишь от солнечных лучей».

Как только Солнце утром спустит,
На землю первые лучи.
Мотор у трактора запустит,
Что не коптит и не стучит.

Ведь пчелам тоже, как и людям,
Нужны покой и кислород,
Но коль небрежные мы будем,
Нам как ушей не видеть мед!

1957 г.

Измученная Россия

Эх, Россия, ты Россия,
Ты страдальца моя.
За что все народы силой,
Вечно грабили тебя?

Жег тебя татар-монгол,
Изуродовал фашист.
И французский Наполеон,
Всё спалил бонапардист.

Тут и финны, да и шлях,
Русских жгли, брали в полон.
Узкоглазый вечный враг,
Дважды лез к тебе - япон.

А теперь ты стала мощной,
Да и грозною для всех.
Ни один недруг дотошный,
Не посмеет взять на смех.

Ты и жить умеешь дружно,
Помогаешь кой-кому.
И совет даёшь, коль нужно,
Кто полезет - тот ко дну.

Я наперсток перед морем,
Хоть не высок голос мой.
Ты хлебнула много горя,
Пора знать бы, кто с тобой.

Не держи ты сто волков,
От них шерсти ожидая.
Прокорми своих волов,
Для них хватит урожая!

1962 г.

Исповедь алкоголика

Я бросил пить, когда нависло горе,
Над головой измученной семьи.
И из-за водки часто я был в соре,
К себе недооценивал любви.

Как тяжело, когда все смотрят косо,
И ты скандалить из-за пустяков.
Уж лучше быть голодным или босым,
Чем быть от водки круглым дураком.

Порою хлещем мы безбожно водку,
Купив в ломбарде старые часы.
Причина есть - мы дружно мочим глотку
И выбираем место у «косы».

А по утрам друзья опять приходят:
- Давай обмоем новенький костюм.
Й каждый раз причину мы находим,
И очень поздно хватаемся за ум.

Опять «коса», там воздух благодатный,
Лишь шум волны. Ни тещи, ни жены.
После чего на подвиг тянет ратный,
И пьем еще до темной сатаны.

Коса-приманка для таких веселий,
Куда идем мы, дома не спрося.
Она нас манит даже на похмелье,
Лишь только не косеет та «коса».

Пришел домой довольно поздно.
Звонком всех спящих разбудил.
Нас бы пороть, как сидорову козу,
Как кто-то по старинке говорил.

Я сознаю прошедшие ошибки,
И зачастую думаю о том.
Какие водка производит пытки,
Бедою, приползая в каждый дом.

Она приносит язву и саркому,
И прочих хворей никогда ни счесть.
Неужто мы без водки по-другому,
Не можем хлеб насущный есть?

Я мог продолжить и поведать дальше,
Причины пьянок, каковых не счесть,
И сожалею, почему же раньше,
Не мог беды я от семьи отвести.

1970 г.

Кем пугаете?

Кого пугаете, и кем?
Хочу спросить у вас к примеру.
И не задумавшись над тем,
Своих детей милиционером.

Вы лучше пугалом назвали,
Таких безнравственных людей.
Кто деток малых нарожали,
Сдадут в детдом, сами: «0, кэй!»

Потом ищи того иль эту,
Кому обузой был дитё.
Поколятся они по свету,
К закату вспомнят, где оно.

И вот под старость эти предки,
Вдруг, вспомнив деточек малых.
Забыв о том, что эти детки,
Давно уж нянчат своих.

Теперь хотят, чтоб их кормили,
Они же ведь отец и мать.
Не милиционером, а такими,
Детишек надо вам пугать!

1971 г.

Как забыть прошлое

Ко дню защиты детей

Я это видел детскими глазами,
Как истязали Родину мою.
Где Мессершмит, пикируя над нами,
Преследовал, как добычу свою.

Бросал он бомбы, словно на учении,
Злорадствуя, надавит на курок.
А в нашей смерти видел наслаждение,
И, отбомбившись, сразу наутек.

И мы с сестрой попали под бомбежку,
Рука руке бежали за людьми.
И догоняли толпы понемножку,
Ведь там же были сверстники мои.

Она в руке котомочку держала,
А в скарбе том на день, другой еды.
А мне портфель и чайник в руки дала,
Где оставалось два глотка воды.

И привязала крышку крепко ниткой,
А та, упав, стучала по нему.
Я схожим стал с теленком у калитки
Что со звонком подвязанный к нему.

Мы очутились вскоре на вокзале,
Поток людской туда нас уволок.
Испуганными ужасом глазами,
Искали в нем свободный уголок.

Прибились мы к предобренькой старушке,
Та обогрела, словно у костра.
Из вещмешка мне сделала подушку,
И я уснул, ведь рядом же сестра.

Мне снилось ржанье тех коней подбитых,
И тот солдат, который добивал.
И плач детей у мамочек убитых,
Я, вздрагивая, тут же засыпал.

Какие ужасы видел я в эту пору,
Хоть Расскажи, а кто-то скажет: «Врет!»
Я на обидчика взгляну не без укора
Кто не видал, тот это не поймет.

Не жажду я, чтоб кто-то в это верил,
Хоть будет ложь в рассказах всех моих.
Пусть мир откроет нашим детям двери,
Не дай им бог увидеть таковых!

1961 г.

Козлик и волк

На кошаре у сторожки,
Козлик прыгал и шалил.
На довольно хрупких ножках,
На бесенка походил.

И испытывал он радость,
Что рожден на белый свет.
Из него валила шалость,
Ребятишкам спасу нет.

Жеребцом на дыбы встанет,
То завертится юлой.
Вожакom он точно станет,
О нем думали порой.

А как вырос забияка,
Стал кидаться он на всех.
Так и лезет, смело в драку,
А в округе только смех.

Тут и осень наступила,
И козленок уж козел.
А рога, ну словно вилы,
Как бы дров не наколот.

Вот забрел однажды в горы,
Он в прыжках уж знает толк.
Тут и не было бы горя,
Увязался следом волк.

У козла лишь бег спасенье,
Коли шкура, дорога.
Прозевай одно мгновенье,
Не помогут и рога.

И подался он на скалы.
Назад не было пути.
На волка чинить обвалы,
А иначе не уйти.

Добежав до темной кручи,
Вдруг подумал он о том:
Чем погибнуть, а не лучше,
Подурачиться с волком.

Сделал вид, как будто струсил,
Развернулся и стоит.
Ну а волк при волчьем вкусе,
Его цапнуть норовит.

Увильнул козел игриво,
Волк свалился между скал.
Ну, а козлик горделиво,
Восвояси поскакал.

1968 г.

Кукла

Бабуля куклу подарила,
На сбережения свои.
Да и при этом говорила:
Ее ты, внучка, береги!

Она такая, как и дети,
И носик, ротик есть у ней.
И все мы выросли на свете,
Играя с куколкой своей.

Пусть говорить она не может,
Подружка верная твоя.
Зато лицом на всех похоже,
Улыбкой точно на тебя.

1959 г.

Куда и за кем идем?

*Написал с жесткой ненавистью к тем,
кто воспитан в духе вражды к другим
нациям и разжигают ненависть между
братьями. Это - фашисты, и им нет
места на земле. Их надо уничтожать
как бешеных собак, да закапывать
поглубже, чтоб не разлагались по миру!*

Откуда взялись эти силы,
И кто же там за их спиной?
У правосудия опросить бы.
Кто за таких стоит горой?

И под нажимом возбудить бы,
Процесс над смутуою в Москве,
Где хам стоял, гнилой и лживый,
У тех смутьянов во главе.

Кто горлопанством петушиным,
Кричал открыто: «Бей жидов!»
Зачинщик - некий Асташвили,
Из братьев делавший врагов.

Он экстремистам помогая,
Отбросы общества сплотив.
Адольфу как бы подражая,
Себя в «абреки» им сулил.

Но ведь «абрек» шёл на погибель
За дело правое людей.
А кто народ хотел обидеть,
Карал их пулею своей.

А тут козел из мракобесов,
Толкал народы на убой.
Ведь нам же нету интереса,
Вот так решать вопрос любой.

Да и народу не сподручно,
И смысла даже в этом нет.
Идти в упряжке неразлучно,
С козлами подлыми на смерть.

Но поддавались этой спеси,
Забыв про общую беду.
Дошли до кровной даже крести,
Идя у них на поводу.

Ведь была дружба крепче стали,
По всей России у людей.
Нам и обряды не мешали,
Многоязычностью своей.

А вот таких, как Аотэшвили,
Не прятать в ссылку и тюрьму.
А зарывать живьем в могилу,
Чтоб сохранить свою Страну.

Тогда козлам и мракобесам,
Повадно не было б к тому.
Чтоб подбивать народ и прессу,
На национальную войну!!!

1988 г.

Кавказская застольная (песня)

Слова и музыка Шамиля Навахова.

Доработка Евгения Навахова.

За прекрасный Кавказ захотел я сейчас,
От души предложить этот тост.
Полноты, красоты, море, солнце, мечты,
По ночам небо полное звезд.

Воздух твой наполнен ароматом,
Где Эльбрус и Казбек с Араратом.
Воспевал тебя Пушкин не раз,
За твою красоту мой Кавказ.

Всем богат этот край, есть и фрукты и чай,
И сухумский душистый табак.
Самгара, Салхино, да и фруктов полно,
И шампанское есть тут вино.

И лимоны тут есть, апельсины,
И душистые здесь мандарины.
И шелка и кавказская шерсть,
И красивые девушки есть.

Здесь еврей, армянин, дагестанец, грузин,
Осетин, словом все, как один.
Мы их видим везде в благородном труде,
Настоящих советских друзей.

На Кавказе живут все красиво,
Очень дружным большим коллективом.
Этот тост поднимаю и пью я,
За прекрасную нашу семью.

1956 г. Дербент

Ко дню образования Красной Армии

Мы Армией Красной гордились,
И смело вступали в нее.
И многих врагов разгромили,
За счастье людское свое.

Как мать она была родная,
Для братских народов в стране.
Утрата была дорогая,
Солдатов погибших в войне.

И с почестью тех провожали,
Геройски погибших в бою.
Но с доблестью всех повстречали,
Оставшихся в этом строю.

И Армия крепла а России,
Мощною силой своей.
В которой и мы все служили,
Ушедших в страну иудей.

Так пусть она крепнет вовеки,
Во благо и мира земли.
Чтоб не было воин на свете,
И люди покой обрели!

1967 г., г. Огни

К открытию синагоги кавказских евреев

Мы всегда говорили в России,
Поднимая бокалы с вином:
«Через год чтоб уже все мы были
Здесь на землях своих праотцов».

Это было такое желанье
Повсеместно у наших людей.
И вот сбылось уже ожиданье
Наших старых отцов, матерей.

Они грезили тем повседневно,
Чтоб когда-нибудь всех, как один,
Мошиах нас собрал в Иудее
Под звездою Давида, в Иерусалим.

Вот сбылась их мечта очень давняя.
Мы собрались все здесь, чтоб открыть
Этот Храм, словно зал ожидания,
Сефер Торе себя посвятить.

Проходить будут здесь заседания,
И бар-мыцвы, батмыцвы и брит.
Вот и сбылись у предков мечтания.
Жаль, что нет среди нас дорогих.

Торжествуйте, евреи, вовеки,
Что сбылась наших предков мечта,
Чтоб спокойно жилось нашим детям,
Благословенною Тора была!

Да будет Б-г всегда отныне
Над теми, средства кто вложил.
И чтоб они так долго жили,
Сколько Бейт Кнессет будет жить.

2003 г., Сдерот

Кусочек Земли у окна

Нас неплохо отцы воспитали
По уму и учёбе, труду,
Что мы жизнь досконально познали,
И я этим гордиться могу.

Они сами учились у дедов
Познавать этот жизненный путь.
По наследству оставили детям
Мастерство своих доблестных рук.

И частицу души, несомненно,
В воспитанье вложили своё,
С той надеждой, что они непременно
Отдадут в поколение своё.

По приезду в родимый Израиль
Я кусочек земли получил.
И теперь я его удобряю,
Как отец меня в детстве учил.

И клочок этот стал мне разминкой.
Век трудиться на нём я готов.
И на маленькой этой заимке
Я взрастил уж немало цветов.

Цветы живые толк уходу знают.
Общаюсь с ними, словно как с детьми.
И срок свой жизни этим продлеваю.
Дарю их всем и только от души.

2002 г., Сдерот

Курорт Эйлат

Курортов много на Кавказе,
Ассортимент в Крыму не мал,
Но вот их столько вместе сразу
Как здесь, в Эйлате, не видал.

Тут корабли стоят любые,
А шлюпок, глиссеров не счесть,
Где старики и молодые
На них без страха могут сесть.

И в эту сказочную бухту
Плывут народы разных стран,
Что ты в восторге скажешь: «Ух, ты!»,
Коль всех их вместе увидал.

А люди разных цветов кожи
Гуляют мирно все гурьбой.
Ну, словно радуга, что дождик
Принёс на землю их с собой.

Ларьков, киосков, магазинов!
Одним их взором не объять,
Что увидал с супругой Зиной,
И не охота уезжать!

1997 г., Сдерот

Кто в ответе за воду в городе?

Вода фонтаном бьёт с трубы без дела.
Я обращаюсь тут же в Амигур.
А там в ответ: «Какое наше дело?»
Я в их глазах остался балагур.

Я обращаюсь к Алекс Брейтерману.
Пом. мэра тут же звонит на 106.
Они послали кого-то ненормального:
Он тряпкою накрыл, и фонтан исчез.

На всякий случай, я пошёл в полицию,
Мол, помогите хозяина найти.
А там в ответ: «То не наша миссия».
И я решил в редакцию идти.

А вода течёт, в минуту извергая
Полдекалитра и более того.
Но власти города на это наплевали,
Мол, в Кинерете не мало ведь её.

Неужто в нашем городе Сдероте
Собрался тут бездушный весь народ?
Мне жаль стишка, что написал о городе,
Который в памяти у всех живёт.

Теперь сию в большом раздумье
И тщетно задаю себе вопрос:
К какой же обратиться «мумии»,
Чтобы откликнулась на SOS?

2002 г., Сдерот

К 5-й годовщине со дня приезда в Израиль

Сегодня пятый год пошёл,
Как я уехал из России.
И дом в Израиле нашёл
На этой вот Святыне.

Я оказался будто в сказке,
Что и не снилася во сне.
Как мне родные дарят ласки
И пожелания в судьбе.

И в этой радости беспечной
Я очень долго пребывал.
От каждой встречи тут сердечной
Я всё на свете забывал.

Ходил ко всем родным я в гости
И сувениры раздавал.
И получал подарки, просто
Я о которых не мечтал.

Летели дни, да и недели.
Ушёл и год, за ним другой.
Но лишь язык не одолели,
Что оказался непростой.

Нам, старикам, совсем непросто
Язык прадедов одолеть.
Хоть проживи, ну, скажем, до ста,
И всё равно не овладеть.

Зато детишки, да и внуки
Им овладели в краткий срок,
И даже сложные науки,
Что старикам и невдомёк.

Но ничего. Мы всем довольны.
Лишь был бы мир на сей земле,
И стол у вас всегда был полный,
И мир, согласие в семье!

2002 г., Сдерот

Лезгинка

Что может быть красивей танца,
Коль душу вложишь ты в него?
Сравнить мне не с кем дагестанца,
Хоть братьев много у него.

Я знаю, поздно или рано
Согласны будете со мной,
Коль я Лезгинку Дагестана
Сравнил бы с горною рекой.

Она была ручьем певучим,
Впитавши силу ледника.
Затем, рекою став могучей,
Как Волга-матушка река.

А у подножья морем стала.
Но влившись в мощней океан,
С лучами солнца Дагестана
Согрела весь меридиан.

Она всех танцами согрела,
И мерзлоту, да и сердца,
Как долго я не слышал трелей,
Напоминавших мне отца.

Лезгинка всех очаровала.
Ей мир устроил бенефис.
Передохнуть ей не давали,
Все звали «харсами» на бис.

То в лебедином танце нежном,
То в виртуозном, как юла,
Ты окрылила всех надеждой,
Что много братьев обрела.

И Дагестан оваяв славой,
А в мир вошла ты, словно миф,
И цель искусства была главной:
Ковала в танцах дружбу, мир!

1961 г. Кировск, Мурманская обл.

Лезгинка (спустя 25 лет)

В ту пору было мне уже за двадцать,
Когда «Лезгинку» я улицезрел.
От мелодичных, виртуозных танцев,
Да и вообще я чуть не обалдел.

И мне хотелось в этот миг от счастья,
Ну, скажем прямо, подвиг совершить.
Метался я от этакой вот сласти,
А лишь пришлось цветочки подарить.

И я довольный был тогда на сцене,
И ликовал рассудку вопреки,
Читая стих с огромным вдохновением,
Ведь рядом были наши земляки.

Закончив стих, из зала я услышал,
Как кто-то крикнул: «Женя, молодец!»
И, растерявшись, за кулисы вышел,
Как будто я с «Лезгинки» был певец.

А прочитал вот эти я стишата,
Вы извините, коли что не так.
Ведь был я молод, как и те ребята,
И на стихи неопытный мастак.

1987 г. Курорт Талги, ДаССР

Лехаим! За жизнь!

Мы любим все: и свадьбы, юбилей,
И часто ходим на бармицвы и брит.
А также новоселье, дни рождений,
И все находим, что там говорить.

Хоть наш язык не очень-то богатый,
Всего-то букв, чуть больше тридцати.
И все мы можем преподнести хоть как-то,
Чтоб юбилярам радость принести.

Одни и те слова мы часто вторим,
Желая счастья, здравия, добра.
Коль старикам: бесперебой в моторе,
А молодым, чтоб была детвора.

И что там только в наших тостах нету,
Набор всех слов и букв арсенал.
Готовы подарить им всю планету,
Когда особо выпьешь двести грамм.

Но все тосты, от сердца лишь исходят,
Желая ближним радость принести.
Откуда только мы слова находим.
Коль повторяюсь, боженька, прости.

И все приходим к финишу такому:
Хоть скажет тост вам Роза иль Хаим.
Но в сердце мы идем к благому,
Одним лишь словом — Лехаим!

2000 г. Сдерот

Лучи моей жизни

Нет ярче солнышка на свете,
Светил теплее и милей.
Что согревают всю планету,
А также и сердца людей.

Но, а лучи его любые,
Надежду в жизни подают.
Как восходящие, косые,
Которым птенчики поют.

Мои лучи — все мои дети,
И внуки, правнуки мои.
Они мне ярче всех на свете,
Тепло души и всей семьи.

И пусть они не угасают,
До всех своих последних дней.
Как солнца луч обогревают,
Страну родную иудей!

1999 г. Сдерот

День рождения седьмого правнука

Любимый город

Боготворю Дербент я с детства,
Еще парнишкою когда
Мы в этот край, спасаясь бегством,
В воину приехали сюда.

Припев

Своею нежной добротою
Он принял нас в такой момент.
Стал неразлучным я с тобою,
Любимый город мой Дербент.

А дружбу нашу укрепляют
От аксакалов до парней.
Нам и обряды не мешают
Многоязычностью своей.

Припев

Своею нежной добротою
Он принял нас в такой момент.
Стал неразлучным я с тобою,
Любимый город мой Дербент.

И многоликою семьею
Ты словно целая страна.
Стал неразлучным я с тобой.
Дербент, ты - родина моя.

Припев

Своею нежной добротою
Он принял нас в такой момент.
Стал неразлучным я с тобою,
Любимый город мой Дербент.

1985г.

Любовь в моём понимании

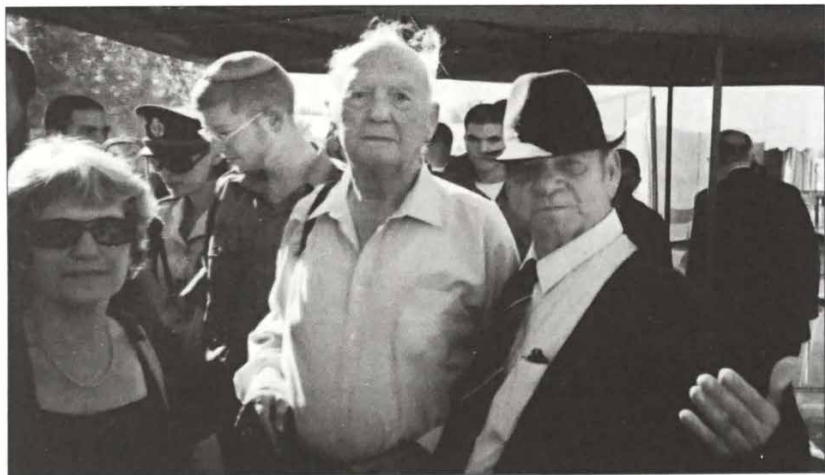
Мне о любви не довелось писать,
Но признаю её в деяниях.
И о любви могу одно сказать:
Она сопряжена в страданиях.

Видать, для этого рождён
Я был на бренной сей планете,
Как мой брат Бен Гурион
Страдать за всех людей на свете.

И я хотел, чтоб весь народ,
И, несмотря на цвета кожи,
Хранил всегда он мира плод
И был на нас слегка похожий.

А в мире, в дружбе всё найдёшь,
Когда бурлит во благо кровь.
И лет сто двадцать проживёшь.
Вот это будет вся любовь.

1997 г., Сдерот

С сыном Бен-Гуриона. г. Сде-Бокер. 2007 г.

Любовь по наследству

Пусть проживу я сотню лет,
И все равно не перестану.
Как завещал покойный дед,
Любить, как любят в Дагестане.

Это любовь к своей Земле,
Спокон веков что зародилась.
Она от матери ко мне,
В момент рождения вселилась.

Любовь что к Матери, к Труду,
Я только это в мире славлю.
А коль из жизни я уйду,
В наследство вам ее оставлю.

1968 г.

***Люди, земля и бог - едины для всех!
Или судьба метисов мира едина***

Из долгих лет, что мне судьбой досталось,
Я и десятка толком не прожил.
«Хохлушка, мать моя, вдовой осталась,
А на пути встречается ей «жид».

Может, любовь у них была, не знаю,
А впрочем, мне зачем всё это знать?
За то, что я родился, понимаю,
- Спасибо им мне хочется сказать.

Неужто в этом, кто-то виноватый,
Что получился из меня метис.
Хоть был бы слеп, а может и горбатый..
Ведь всем дана одна и та же жизнь.

И где б ни был я, в детстве, скажем прямо,
Меня пинали, как щенка, ногой.
Я от обиды мог не только в яму,
А даже влезть и в омут с головой.

Среди «Жидов» урусом обзывали,
А меж «Хохлами» был я просто «Жид»,
Неужто старшие этого не знали,
Что всяк из нас, наверно, хочет жить?

Но ведь у нас на свете очень много,
Есть вот таких детей, подобных мне.
Которым Бог дал право ненадолго,
Прожить черёд свой жизни на земле.

Мне не понять, к чему такие толки,
Что ты не чист по нации, какой.
Ведь все мы люди, а не злые волки,
И небо всем одно над головой.

И бог один, лишь разные названия:
Один - «Аллах», «Худо» - зовет другой.
К нему мы все с надеждой в уповании,
Ежеминутно тянемся с мольбой.

Ну а потом, и счерпав в своей жизни
Запасы дней, что Богом нам даны,
Как нам сошьют костюм из дешевизны,
И никому мы больше не нужны.

Чем же все в короткий срок единый,
Мы желаем блага совместить?
Ведь на земле, что было неделимым.
Никто с собой не сможет унести.

Земля была во все тысячелетья,
Одной единой матерью людей.
И все кормились ею, словно дети,
И не было названия на ней.

А мы, как психи, режемся за землю,
Да и за нацию, пролива я кровь.
Я вот такие жертвы не приемлю,
Ведь к жизни в нас единая любовь.

И кровь одна у черных, да и белых,
Всегда была спокон веков и есть.
Зачем же мы в убийствах тех нелепых,
Потомкам нашим оставляем месть?

Мы им любовь, как и ближним и далеким,
Должны привить с пелёнок до седин,
А не к вражде, бессмысленной, глубокой,
Которой кровной называем мы!

1959 г.

Мечта моей юности

Вот сбылась моя самая давняя
Юных лет золотая мечта.
И звезда моя яркая, ранняя
Осветила мой путь вот сюда.

Как мечтал я щекою коснуться
К той стене, что слезьми облилась.
И в культуру страны окунуться,
Что в страданиях тут родилась.

Пусть я житель в стране запоздалый,
Не владею пока языком,
Но я труд свой вложу небывалый,
Чтобы звали меня «ватиком».

Много вёрст я по миру проехал
И обычаев много познал.
Но когда я в Израиль приехал,
В безысходность как будто попал.

Но ведь многие здесь из России
Тоже были такими, как я.
А потом, как иврит изучили,
Ватиками считают себя.

И я думаю, мне, как и многим,
Кто прибыл сюда век коротать,
Не искать уж обратной дороги,
А упорно иврит изучать.

Пусть немного нас где-то надуют
Финансисты в делишках своих,
Но недолго они повернут,
Как подучимся, стребуем с них.

В основном, тут не так уж и плохо
Тем, кто с детства познал слово «труд».
Ну, а трутни, они будут охать.
Задарма ведь нигде не дают.

Я напомним таким о России,
Где зарплату по полгода ждут,
В ожидание подачи в безделье,
Ослабевши, от голода мрут.

И тем боле в России надолго
Покалечены жизни людей.
Там фашисты вселились надолго,
Чтоб страну разорить поскорей.

Не навесь там во веки порядка.
В беззаконье утопшей стране
В бездну люди летят без оглядки
В этой грязной и братской войне.

А мы тут в магазинах спокойно
Покупаем всё, цен не боясь.
Хоть мы шекели эти достойно
Не смогли заработать, трудясь.

Ведь дают нам тут деньги большие
Лишь за то, что сбежали сюда.
И за то, чтобы нас по России
Не трясли, оскорбляя всегда.

Значит ты, милый друг, не печалься.
И прими всё как должное тут.
Здесь не будут «жидом» обзывать
И в обиду тебя не дадут!

1998 г., Сдерот

Милиционер

Мы говорим, что труд — потребность,
Где больше всех горит душа.
Узнать мне очень захотелось,
Какая должность хороша?

И, память сильно напрягая,
Я просмотрел как в дальномер.
Из тех профессий, что я знаю,
Почтенней мне милиционер.

Что может быть ценней покоя,
И сна детей и стариков?
На эту службу я спокойно,
Сменить профессию готов.

Блюсти покой сограждан наших,
Охрану мирного труда.
Мы возложили на тогдашних,
На ГПУ и на ЧКа.

Лишь только вымолвить сумеешь,
Милиционера позову!
Моргнуть и глазом не успеешь,
Как нет бандита наяву.

Он драпанет, сверкают пятки,
За ним уж пыль столбов валит.
Умчит, как заяц без оглядки,
Его на подвиг не манит.

Но тех, кого так злоба гложет,
Нормальными назвать нельзя.
Он кличкой гадкою обложит,
Милиционера, да и зря.

За то, что он поймает вора,
Не даст преступнику уйти.
Избавит женщин от позора,
К кому с защитой нам идти?

К милиционеру мы любому,
С вопросом можем подойти.
И получать ответ толковый:
Куда? Зачем? И как пройти.

Он нам ответит очень внятно,
И все расскажет, что к чему.
И все равно простой иль знатный,
Мы каждый тянемся к нему.

Отдаст он честь нам, откликаясь,
Подтянут точно как струна.
Скажу я всем, не ошибаясь,
В нем весь закон и вся страна!

1977 г. Дербент

Миру мир, а лжецам нефть

Мне так и хочется сегодня,
Пройтись по миру пешком.
И невзирая на погоду,
С набитым доверху мешком.

В котором будут только розы,
Причем без яростных шипов.
Сирень, и ландыш, и мимозы,
И много ярких в нем цветов.

И всем дарить и взрослым, детям,
Чтоб улыбались они мне.
И так пройти по всей планете,
Чтоб позабыли о войне.

А то уж очень много стали,
По телевизору вещать.
То тут, то там кого взорвали,
Да и детишек похищать.

Ну, где предел? Где остановка?
Всему террору на земле?
И в этой нынче обстановке,
Все разговоры о войне.

Неужто нет других занятий?
Ну, скажем, мирно торговать.
И жить без всяческих проклятий,
Когда детей хоронит мать.

Возьмем, к примеру, тех арабов,
У которых всем ярлык один.
Неверный! Всех зовут, коль надо,
Лишь только верные они.

Они не верят в это сами,
Чему глаголят каждый день.
Ведь в Торе, Библии, Коране,
Изрек всевышний: «Не убей».

Ведь в Писании, Торе, Коране,
Золотятся такие слова:
«Чтоб не строили жизнь на обмане,
И основа была от добра».

А безнаказанно арабы,
Взрывают детские дома.
У них один умрет хотя бы,
Трезвонят всем, уже война.

Причина тут совсем простая,
Араб горючием богат.
Чтоб не терять тот нефти рая,
Евреев надо обвинять.

И не желают в том сознаться,
Что лишь террор виновен тут.
И обвинять их все боятся,
За правду — нефти не дадут.

Значит, за нефть все продается,
Мир на земле, души покой.
Во что все это обернется,
Коль правды нету никакой?

2001 г. Сдерот

Мои наставники

Хоть не закончил вузов, академий,
Но стал слагать стишата я свои,
Набравшись опыта с тех произведений,
Кого считал наставником своим.

Я полюбил побасенки Крылова,
В стихах уместных критику его.
И каждое взвешенное слово
Было началом стишонка моего.

А Лермонтов! Своим героем Мцыри
Он мне для смелости впрыснул «Озверин».
Заслон в душе к моим стихам открыл он
И тоже стал наставником моим.

Омар Хайям. В своём тысячелетии
По меткости он был большим стрелком.
Познавши жизнь в одном его куплете,
Я стал почти в стишатах знатоком.

До Пушкина, конечно, не допрыгнуть.
Не собираюсь делать свой разбег.
Но чтобы малость его умом постигнуть,
Надо б родиться в его великий век.

2003 г.

Мост дружбы

Смотрю я в даль: река большая,
Пусть мало в ней воды течет.
Зато журчит, не умолкая,
На нерест рыбу позовет.

Никто не смог, ничто не сможет,
Реку свернуть обратно вспять.
Прольется в сопках теплый дождик,
В ней конь не сможет устоять.

Река разлилась, землю взрыла,
Преграду, сделала собой.
На том краю отца могила,
Но как туда пройду с семьей.

Один мудрец сплотил деревья,
С чего пример всем показал:
Он плавал к другу на веселье,
Когда тот в засуху позвал.

Мы тоже стали с ними ездить
Кто на плоту, а кто верхом.
Потом собрались, дружно вместе,
Бетонный сделали паром.

Я верю в разумы людские,
Что строят добрые мосты.
Построят также мировые,
С названьем дружбою они.

Мостам неведома усталость,
Хотя труды их нелегки.
Им так по жребию досталось,
Сводить людей, коль далеки.

1968 г.

Моя мечта

Друзья зовут меня Евгений,
И с виду, кажется, не гений.
И со скуки этого «гения»,
Повело на стихотворения.

Моя профессия такая:
Копай, грузи, смотри на повороте,
И не дожить мне лет до ста,
В таком круговороте.

Вот четверть века я тружусь,
На склад, в завмаги не гоюсь.
Но как хотелось бы до смерти,
Иметь машину - не дожусь.

И лотереи каждый год,
Я покупал по тысячи.
А как проверишь - тебя в пот,
С кого утрату взыщешь?

Наверно, будет не по мне,
Иметь машину просто,
Не побывавши на луне,
Не проработав до ста.

Но как купить, за что иметь?
Ведь я всего рабочий.
И не могу я знатно петь,
Или «дела» заворочать.

Промчится «Волга» мимо глаз,
«Москвич» иль «Запорожец».
И мне хотелось бы сейчас,
Иметь такую тоже.

Но как хотелось бы хоть раз,
На собственной машине.
С семьей объехать весь,
Кавказ, Москву и Украину.

Наверно будет не по мне,
Иметь машину просто,
За труд, за доблесть просто,
Не побывавши на Луне,
Не проработав до ста.

Мечты останутся мечтой,
Я все тружусь, как прежде.
Друзья, не смейтесь нею мной,
Ведь вы же не невежды?

1957 г. Янгиер, Узбекистан

Мы не олимпы

Мы не олимпы, как нас называют.
Хоть прошли через ужас веков,
Мы евреи, и все это знают.
А пришли мы на земли отцов.

Хоть и долг наш путь был тернистый
И закрыт он был нашим отцам.
Мы сумели сюда возвратиться
По заветам родителей нам.

Нас шерстили на самой границе
И трясли наши вещи на зло,
Что нажили мы там по крупцам
Обрётённое потом добро.

Что сказать мы могли, уезжая?
Претерпев унижения тьму,
Мы хоть знали, что нету здесь рая,
Зато едем в родную Страну.

Тут нас встретили, скажем, нормально
И пособие выдали нам.
Поражён был я этим буквально
С благодарной слезой пополам.

Будто здесь мы когда-то пахали
Или строили общий наш дом.
Просто нас от невежд подобрали,
Предоставив нам пищу и кров.

Нас с России как будто не гнали
Нелегально вопрос был таков:
Макашов, Баркашов призывали
Выживать из России жидов.

Жириновский задался уж целью,
Когда будет в России главой
То откроет он новый «Освенцим»,
Чтоб евреев загнать всех гурьбой.

Крематории, гетто настроит
Лишь для нации только одной.
Позабыв, что он сам из евреев,
Да и крови он с нами одной.

Антисемитовский лозунг кричали,
Призывая российский народ,
Чтоб евреев с Союза убрали,
Подбивая подобный им сброд.

Но ведь Гитлер был тоже настроен
Уничтожить еврейский народ,
Позабыв, что он тоже был Коэн,
Унаследовав бабушкин род.

Вот такие евреи повсюду,
Асташвили подобная мразь.
Позабыв, что он тоже был «юда»,
Как и те, подноготная грязь.

А мы были, и есть, и мы будем
Умножать свой Великий народ.
Негодяев таких не забудем,
Чтоб свинцом запечатать им рот.

Но история всех не забудет,
Как Эйнштейн, и Ботвинник, Маршак.
И праправнуки помнить их будут,
Какой не был бы в мире бардак!

1997 г., Сдерот

Наказ депутатам

Отдавая голос депутатам,
Хотим лишь только пожелать:
Не будьте в жизни бюрократами,
Чтоб люди стали уважать.

Не прячьте лица в маскхалаты,
Любите правду говорить.
И чтоб в Верховные палаты,
Могли бы с гордостью входить.

Чтоб каждый мог за эти годы,
Ходил с поднятой головой
Служил лишь только для народа,
И был народным бы слугой.

А мы вас твердо заверяем,
Чтоб чести вашей не задеть:
Наказ народа исполняете,
За нас не будете краснеть!

1999 г.

***На работу и к власти нужно
приходить с чистыми руками
и с чистой совестью.
Ведь чистота — залог здоровья.***

Я в политику не лезу,
И она мне не нужна.
Но считаю, что полезной
Она людям быть должна.

Если честно вам сказать,
Я хотел бы мэром стать.
Но подумав я немного,
Что не выдержу там долго.

Грязь я в городе убрал бы
И навёл бы красоту,
И согражданам не врал бы,
Говорил начистоту.

Но, боюсь, найдутся люди,
Ведь на всех не угодишь,
Всё равно судачить будут
И начнут помои лить.

Ты, мол, вор, народ ограбил,
Дом шикарный отхватил.
С головы до ног обгадит,
Лишь за то, что с ним не пил.

Воровать я не умею,
Потому что честно жил.
И об этом не жалею,
Но воров я не любил.

Об одном я лишь мечтаю,
Чтобы добрыми мы стали.
Да и все чтоб люди наши
Были б чище, да и краше.

Не сорили б, где попало,
Воду в доме берегли.
У кого-то что пропало —
В пункт находки принесли.

Не ругались друг на друга,
Словно лагерный блатной,
А стояли б друг за другом,
Как за каменной стеной.

Вот тогда я, может, стал бы
Мэром города Сдерота.
Коль возможности сыскал бы
Людам для работы.

Но, а как со злом бороться
Не могу постичь умом.
Всё равно «козёл» найдётся,
Чтоб облить тебя дерьмом!

И поэтому не стану
Я на пост претендовать.
Из штанин «зеут» достану
И пойду голосовать.

За кого? Я не скрываю.
Пусть вас всех не удивит.
Я шесть лет его уж знаю.
То Бускила, наш Давид!

1999 г.

Наши фотки в альбоме

Пересмотрев свои альбомы,
Себя я в юности нашел.
Всю жизнь увидел по-иному,
И чуть с ума я не сошел.

Ведь был я в жизни тоже молод,
И даже статен сам собой.
Но пережил войну и голод,
Теперь с седой головой.

Года ушли, как сновиденье,
Увяла молодость моя.
И вот теперь, как приведенье,
Стою где карточка своя.

Гляжу я в зеркало, любясь,
На фотку взор свой покосив.
Уже природе повинюсь,
Свой образ с карточкой сравнил.

Ну, что сказать теперь могу я,
Сопоставляя два лица.
В одном уж брови я нахмурил,
В другом я вижу молодца.

Ни тот, ни этот мне не чужды,
Но помнить надо об одном.
Когда года уходят дружно,
Невольно будешь стариком.

С природой спорить невозможно,
И суперечить ей нельзя.
Хотя лицом мы чуть похожи,
Моложе карточка моя.

Но вот, когда я мир покину,
Все дети будут меж собой.
Искать ту фотку на могилу,
Где я еще был молодой.

Спустя года до коль прохожий,
Увидев карточку мою.
Хотя б один цветок положит,
Буду признательным ему.

Не все мы ходим на могилы,
Всегда с цветами полных рук.
Но коль мы будем таковыми,
Тебе ведь тоже принесут.

1966 г. Огни

Хадера. Свадьба внучки

Нашим защитникам

Мы долго шли, шагая в ногу,
Под песню, что еще живет.
Где: «Молодым везде у нас дорога,
А старикам везде у нас почет».

Из уст в уста переходила,
Она по Родине моей.
Но до ума не доходила,
Ее значенье до людей.

Но вот настал и час заветный,
Где наш премьер немолодой.
Закон издал он милосердный,
И старикам принес с собой.

За все неистовые беды,
Что пережили на войне.
И с залпом доблестной Победы,
Принесшим людям на земле.

За ваши доблестные руки,
От кабалы что сберегли.
За то, что наши дети, внуки,
До этих дней дожить смогли.

Спасибо вам, Отцы и деды!
Вы долго, долго жить должны!
За тот великий день Победы,
Как в мире, счастье и любви!!

1971 г.

Ненавистникам евреев

Как мечтал я щекою коснуться
Той стены, что слезьми облилась.
А потом ненадолго вернуться
На воюющий милый Кавказ.

Показать им все фотки, что сделал
С древних стен, да и башен крутых.
Я бы всё им буквально поведал
О Союзе религий троих.

А в России не могут, как люди,
Всё наладить по-братски и жить.
Ведь вскормили вас женские груди,
А не волчьи, чтоб грызться и выпть.

Что творится в России!? Не знаю.
Или Бог наказал их за то,
Что евреев в Израиль прогнали.
И, наверно, расплата за всё.

Ведь мы были для вас как родные,
Горе, радость делив пополам.
Но в душе своей были вы злые
И сквозь смех говорили «абгам».

Подсылали своих рекетёров,
К нам в доверие чтобы войти.
Пили, ели, но волком матёрым
Всё старались украсть, унести.

И за что же вы, нас ненавидя,
Обзывали то «жид», то «еврей».
Но как Боженька это увидел,
Стал карать вас рукою своей.

А не мы ли страну ту большую
Бок о бок защищали в войне?
Одолели разруху такую
В бескорыстном и скромном труде.

Но вы создав нам жизнь вот такую,
Что нельзя было дальше так жить.
И умчались на Землю родную,
Чтоб с волками по-волчьи не выть.

Теперь будем «абгамы» и «хаи»
После смены мы петь и гулять.
Ну а вы там, Ахмеды и Вани,
Меж собой, как зверьё воевать!

1997 г., Сдерот

1997 г. Сдерот. 50-летие Израиля

Несмотря на всё, мы будем жить!

Написать бы мне книгу большую,
Чтоб её прочитать все могли,
Как арабы Святыню родную
Омывали в крови, да и жгли.

Будто им на земле нету места,
На которой мы рядом живём.
Всему миру же это известно,
Как в пустынях мы Рай создаём.

Растим деток для жизни грядущей,
Не жалея мы сил никаких.
Лишь бы хлеб на столе был насущный,
Да и мир был стабильный у них.

Вот и всё, что нам нужно от жизни:
Чтоб никто не тревожил бы нас.
Человек не живёт по две жизни,
Как и все мы живём один раз.

У арабов такие ж мужчины.
И похожи на нас, как один.
Пусть не ищут они дармовщины.
Мы своё никому не дадим.

Но арабы взрывают «улямы»,
«Таханы», где так много людей.
Я не верю, чтоб Коран дал поганый
Им совет — убивать иудей.

Ведь в Коране, Торе и Писанье
Золотятся такие слова:
Чтоб не строили жизнь на обмане,
И основа была от добра.

Нас немало побили фашисты,
Зарывали живьём, жгли в печах,
И ссылали в Гулаг коммунисты.
Но мы верим, придёт Мошиах!

А мы были, и есть, и мы будем
Продолжать свою жизнь всем назло.
Как фашизм истребив, так и будем
И подобных ему за одно.

Нас мудрей и сильнее на свете
Никогда на Земле не бывать.
Мы на всей проживаем планете,
Для того чтоб могли выживать.

Хоть и множимся не как арабы,
Наша сотня, как их миллион.
Их в сто крат будет больше хотя бы,
Мы на всех им управу найдём.

Мы живём в самой гуще арабов,
Как медведь среди пчёл, не боясь.
Они лопнут и треснут хотя бы,
А мы жили и будем же всласть.

Пусть они будут также терпимы,
Как мы терпим их в нашей стране.
Ведь на свете всё благо едино
И любовь, как к детям и Земле!

1999 г., Сдерот

Нестареющее фото

*Посвящаю товарищу, другу
и единомышленнику с Острова Свободы –
Филиппу Туратису*

Кубинское слово «Амиго»,
Я в памяти долго храню.
Услышал его как-то мигом,
Лет двадцать назад я в Крыму.

Нам случай помог подружиться:
Я шел по аллее к себе.
И надо же было случиться,
Тебе обратиться ко мне.

Искал, вероятно, ты что-то,
А может, хотел что купить.
И взглядом ловил ты кого-то,
Но некого было спросить.

Вдруг слышу я слово: «Амиго»,
К тебе повернувшись, стою.
Ко мне торопился ты с книгой,
А я ничего не пойму.

Слегка загорелой рукою,
Ты справочник свой полистал.
Кубинское длинное слово,
На русском я «душ» прочитал.

С тех пор, до конца, поминутно,
Нас видели вместе вдвоем.
И остров Свободы как будто,
В лице я увидел твоим.

Прогулки с тобой совершая,
Дивился вниманием твоим.
Страну ты мою познавая,
Совсем становился другим.

Никитовский сад именитый,
Прошли мы и вдоль, поперек.
Лишь лагерь»Артек» знаменитый,
Тебе показать я не смог.

- Я скоро совсем уезжаю,
- Сказал ты, собравшись, домой.
И в честь нашей дружбы желаю,
Засняться на память с тобой.

Хоть нас разделяют широты,
Проливы, моря, океан.
Так пусть породнит это фото,
Товарищей дружеских стран.

Клянемся мы в дружбе друг другу,
Свидетелем был Алексей.
Я дружески жму твою руку,
И время не властно над ней.

И так двадцать лет пролетело,
С тех пор, как расстались с тобой.
Хоть дружба и мы постарели,
На фотке совсем молодой.

1964 г. Ялта, санаторий

***Не рвите страну на части
в борьбе за престол!***

Я приехал к тебе, дорогая
И хранимая Богом страна,
Не искать тут медового Рая,
А остаться с тобой навсегда.

Чтобы строчкой своей неподкупной
Описать всему миру как есть,
Как ты стала тиранам доступной,
Защитить твою правду и честь.

Есть одна тут загвоздка с дельцами,
Рьяно рвущимися на престол.
Они выглядят все молодцами,
Позабыв про всеобщий раскол.

Защитить все святыни родные
Нам Эхуд, как премьер, обещал.
И кассеты свои боевые
Повсеместно бесплатно давал.

Просмотрев все заслуги Барака,
Ни один усомниться не мог,
Что любые он выдержит драки
И не пустит врага на порог.

Остальное вы знаете сами,
Как Солдатов израильских враг
На глазах у своих истязали.
Вот чего нам устроил Барак.

И теракты в стране участились.
Поднял голову выше Хамас.
Все надежды народа накрылись.
Вот на что обнадёжили нас.

А премьеры меняются часто,
Словно кони в далёком пути.
Неужели надежды напрасны,
Чтобы мир на Востоке найти.

Депутаты все рвутся до кресел,
Одного лишь не могут понять:
Если враг всё захватит и Кнессет,
На кого им придётся пахать?

Ведь народы планеты глаголят:
Самый умный еврейский народ.
Чистокровный еврей не позволит,
Чтобы было наоборот.

Нам премьер нужен точно как Сталин,
Чтобы смог защитить свой народ.
Дисциплина была крепче стали,
Вот тогда мир и русло найдёт.

И поэтому я выбираю,
И в надежде, что справится он,
И в премьеры его предлагаю.
Это должен быть Арик Шарон!

2000 г., Сдерот

Не убей, а созидай!

Осуждаю не нацию, веру,
А лишь только неверных людей.
Ну, возьмём террористов, к примеру,
Убивающих малых детей.

Завещали нам Боги издревле:
Не убей, не воруй и не лги,
Что написано в Библии древней,
Да и в Торе всё то изрекли.

И заветы те люди познали,
Да, в Коране изрёк это жрец.
Неужели арабы не знали,
Что от воин приходит конец?

Ведь от воин одни лишь печали,
Да и жертвы невинных людей.
Вы не уж-то Коран не читали,
Где написано всем: «Не убей!»?

Нам арабы никак не мешали.
И мы жили одною семьёй.
Если б вы Арафата убрали,
Наступил бы, как прежде, покой.

Изолируйте вы Арафата.
Кроме слёз он не дал ничего.
От него лишь исходят проклятья.
Уберите от власти его.

Он фальшивую дарит валюту,
Чтобы вы подрывали себя.
Не своих же он деток и внуков
Натравляет взрывать города.

Неужели вам всем не понятно,
Что он держит вас всех за козлов.
Если б он впереди шёл в атаку,
Он бы смерть свою быстро нашёл.

Ведь народ он к войне подстрекает,
А для вас нету выгоды в ней.
Он лишь «баксы» себе загребает,
Обрекая к убийству людей.

Мы приехали все из России,
Где и жили среди мусульман.
Но они ведь не были такие,
Наподобие вас — басурман.

Мы там жили, как братья родные.
Но как стали сюда уезжать,
И рыдая, как дети малые,
С огорчением в путь провожать.

Уговаривать стали нас вместе,
Даже стали по-братски ругать:
«Неспокойное это всё место.
Вас арабы начнут убивать».

1999 г., Сдерот

Неудачный побег в Израиль

Я знаю точно, после моей смерти,
Среди друзей и недругов моих.
Начнутся кривотолки, даже сплетни,
О похождениях в юности лихих.

Что я, однажды, пустоту тараня,
Решил из дома крадучись сбежать.
В неведомо далекий мне Израиль,
Страну родную в горе защищать.

Собрались мы тогда три лучших друга,
Но сей союз назвав триумвират,
Примкнула к нам веселя подруга,
И смелая Розаля Губерман.

И обсуждая дальнюю дорогу,
И о побеге только вчетвером.
А тут и случай выпал на подмогу,
Был исключен со школы я в восьмом.

Да и к тому же, случай ашхабадский,
Меня увлек разрухою своей.
И я один в морозный вечер адский,
Сбежал от нерешительных друзей.

Да и друзья недолго удивлялись,
Что я в Израиль двинулся один.
Они ведь дома мамочек боялись,
И договор рассеялся, как дым.

Не так уж просто уйти было из дома,
Или сбежать без денег и жранья.
Тем более скитаться по вагонам,
Полураздетым вроде бы меня.

Я взял в дорогу кое-что покушать,
И самодельный шахматный набор.
Да и друзей не стал я долго слушать,
И был таков, и кончен разговор.

И лишь под вечер дома спохватились,
И по друзьям пошли меня искать.
Под стук колес сердечко мое билось,
И в дальний путь от дома удалять.

И тут пошли депеши перехвата,
Что из дому ребенок сбегал.
Но я примкнул уже к одним солдатам,
И на восток спокойно путь держал.

В вагоне там, где ехал я зайчишкой,
Было полно солдатов боевых.
Я сделал доску шахматную с книжек,
Да и фигурки высыпал на них.

И на себя привлек я их внимание,
Как тут подсел ко мне один солдат.
Тогда не знал еще я этих званий,
И оказался ихний он комбат.

Он проиграл мне с первой же минуты,
Под хохот всех солдатов боевых,
И в небеса парил я здесь как будто,
«Алехин» кличку получив от них.

Недолго длилась дальняя дорога,
Я удивлял их знанием своим.
И прибегал во всем им на подмогу,
Для всех я был сыночком дорогим.

Меня солдаты лаской обогрели,
Когда услышав, что я «сирота».
О подобрав по форме приодели,
При этом называя — «сын полка».

И не дойдя немного до границы,
Сошли солдаты в городе Мары.
Я на трубе у них играл «зарницу»,
Пока этапом в Нальчик увезли.

Дела мои там были и неплохи,
Играл я им «подъем», да и «отбой».
Как вдруг комбат позвал меня: «Алехин!
Давай сыграем в шахматы с тобой».

Вот тут попался я на эту кличку,
Узнав с депеши, кто же я такой.
Меня в вагон заперли словно птичку,
И под конвоем увезли домой.

Не то давно я был бы старожилom,
Коли искусно в шахматы не играл.
И мог бы стать уже большим раввином,
Иль был бы я в отставке генерал.

И вот теперь к чему я докатился,
Зачах с мечтой несбыточной своей.
На земли предков к старости явился,
Чтоб умереть на родине своей!

1959 г.

Ностальгия по зиме

Я хожу по асфальту калённому,
Даже пятки горят от того.
Так привык, что теперь по иному,
Я не мыслю уже без него.

Привыкал я когда-то к морозу,
До сих пор даже холодно мне.
На ресницах замёрзшие слёзы,
Отогревшись, текли по щеке.

Хоть соскучился я по метелям,
Но под старость я жажду тепла.
Если пасмурно будет неделю,
Молю Бога, чтоб была жара.

А причина совсем тут простая,
Кровь бурлит, когда молодой.
Как стареем, она застывает,
Это так да не только со мной.

Не стыдитесь вы старости, люди.
И ко всем она точно придёт.
Если ею кто брезговать будет,
Тот до ней никогда не дойдёт.

2000 г.

Октябрь

Мы вечною славой гордимся,
Великого дня октября.
И ни перед кем, ни склонимся,
В сознании это храня.

Мы были как есть, так и будем,
Верны идеалам тех лет.
И Ленина мы не забудем,
Чьим именем мир обогрет.

Его жизни помыслы были-
Сплотить весь народ в монолит.
И долгие годы все жили,
Лелея тот дружбы гранит.

Пусть время идет с нами в ногу,
И мир возрождается вновь.
Но мы не изменим дорогу,
К Вождю, сохраняя любовь.

Пусть партии всякие вводят,
Любой пусть нам вешают груз.
Но мы ни кому не позволим
Ломать наш единый союз.

Союз, он, как был нерушимый,
Останется так навсегда.
Его не дадим сокрушить мы,
Ведь Родина наша Одна!

1977 г., г. Огни

Опомнитесь, люди!

Весной вокруг набухнут почки веток,
А кое-где появятся цветы.
Когда вокруг солнышком согрето,
То нет на свете лучшей красоты.

А землю нашу словно почкам цвета,
Не эликсиром распирает вширь.
Настолько бомбами напичкана планета,
Готова лопнуть словно бы пузырь.

Земля дрожит от ядерных запасов,
Не зная даже, что же будет с ней.
Неужто генералам их лампы
Затмили все: улыбки, смех детей.

Предела нет в научном мире нашем,
И, зная это, движемся вперед.
Хочу спросить: «А что же будет дальше?
Кто участь мира на себя возьмет?»

Конечно, тот, кто раз уже изведal,
Какой ценой им доставалась жизнь,
Кто под свинцом в окопах пообедal,
При свисте бомб кричал другим: «Ложись!»

И тот еще, кто видел в Бухенвальде,
Военнопленных, словно штабеля,
Которых жгли, как мусор на асфальте,
И пепел шел в чужие нам края.

Им удобряли клумбы для нацистов,
Где расцветали пышные цветы,
Их, наслаждаясь, нюхали фашисты,
В которых запах крови и любви.

А ведь война приносит смерть живому,
И слезы горя никогда не счесть.
Неужто мы без воин, по-другому,
Не можем в мире хлеб насущный есть?

Никто не жил два раза или боле,
И очень редко, кто живет до ста,
И нет людей, не испытавших боли,
Какая б кожа не была толста.

Как тяжело смотреть на похороны,
И нелегко оставшимся в живых.
Хотел бы знать, как плачут в Вашингтоне,
И в Бонне, и в Ираке за своих.

Не может быть, чтоб там не знали родства.
Не верю я, что нет у них души.
У нас у всех одни и те же сходства,
Мы плачем все, коль гибнут малыши.

Хочу сказать и даже крикнуть миру:
Всем осторожней надо быть с огнем!
Неужто хуже жить в союзе, в мире,
Чем умереть под ядерным дожем.

1985 г.

О Пушкине

Давно хотел о Пушкине писать
И закатить такую лиру!
Но я боюсь, ведь могут освистать.
И стану я посмешищем у мира.

Писать о Пушкине, себя к нему приблизить,
Никак не поднимается рука.
Боюсь его своим пером унизить.
Поэтому и не валяю дурака.

Писать о Пушкине — ведь это же кощунство.
Не смейте братья даже за перо.
Галиматъя та будет богохульством,
Унизит не тебя, а только лишь его.

Талант коль есть, пиши смелее
Стихи из слов высокопарных,
Писать о Пушкине не смея.
И не старайся быть на равных.

Но если любишь поэзию его,
Не трать ты время понапрасну
И не садись усердно за перо,
Ведь освистают громогласно.

2003 г.

Орел и петух (басня)

Орел, толкуя на досуге,
Спросил у Пети во дворе;
-Я повидал чудес в округе,
Такого не видал нигде.

Ну, ты, признайся по секрету,
Царю всех птиц, как старику,
И чтобы значило все это,
На всех кричишь: «Ку-ка-ре-ку»?

Солидный вроде бы ты с виду,
А как находишь червяка,
То на базу устроишь битву,
Из-за такого пустяка.

Хоть с виду ты о всех хлопчешь,
В восторге крыльями стучишь.
Над каждой курочкой клопочешь
Топтать любую норовишь.

Какой же ты хозяин в доме?
Хотя подумал бы над тем:
Как будто с виду сердоболен,
А сам устроил тут гарем.

Не полноценный ты поклонник,
Чуток помял и весь потух.
А коль ты временный любовник,
Ты просто, непросто «Петух»!

1971 г.

О Сталине, Хрущеве и о других

Я за Сталина в детстве молился,
За него даже мог умереть.
Жаль, что поздно на свет народился,
Чтоб воочию его лицезреть.

Он для нас был отцом и главою,
Государства Великого чин.
Пусть бывал он и строгим порою,
Но достойнейшим был из мужчин.

А особо меж тех, кто при жизни,
Лебезил, голенища лизал.
После скорбной покойника тризне,
За усопшим такое сказал:

Мол, садистом он был и убийцей,
Тайных акций над всеми верша.
И сговоры имел за границей,
Этим самым к престолу спеша.

Так позорные крики Хрущева,
Убеждали, что Сталин садист.
Он для Брежнева и Горбачева,
Грязь оставил, гнилой коммунист.

Обмарал с головы всех до пяток,
Сам то жил для туризма, потех.
Да успел заразить всех ребяток,
Что плюются безбожно на всех.

Не скажу, что был Сталин безвинным,
Да и ангельским был, как Христос.
Но зато народ жил под орлиным,
Под крылом, да и чистых берез.

Не бывали в стране беспорядки,
Да и цены снижались весной.
А теперь все живем в лихорадке,
Будто люди с планеты иной.

Не навесь нам во веки порядка,
В беззаконье утопшей стране.
В бездну все мы уйдем без оглядки,
В этой грязной и братской войне.

Ведь смеются все страны над нами,
Те, кого от фашизма спасли.
С распростертыми сильных руками,
Нас до нищенских дней довели.

И зачем нам нужны были эти,
Демократия, гласность, как есть.
Ведь работали все — даже дети,
Вдоволь было одеть и поесть.

Разбазарили нашу родную,
Расчленили страну, как враги.
А сплотим ли мы снова такую,
Как была, скажем, в годы войны.

Пусть бы Сталин на время проснулся,
Глянул мигом на беды людей.
Он бы, точно, в мгновение рехнулся,
От двуличных и лживых людей.

1979 г., Дербент

КОНТОЛ		Всесоюзная Трестовская	
Прислано	24 го ч. 18.00 пер. № 1815	Всесоюзная Трестовская	Адрес Дербент Ваг
Пришло	Примичева	База № 40	Колхоз
Передано	го ч. м. пор. №		ггг. Хажановича
	в пров. №		Пред Колхоза
Передано	Примичева	Время №	ггг. Новарову М.С.
Из	Москвы	Сл. -	
№	3648 22.02.15 ч. 02.м.		
Благодарю Колхозников и Колхозниц Колхоза ггг. Хажановича и лично Вас Михаила Сиденович за работу О Красной Армии Примичева Мох Привет и благодарности Красной Армии и Сталин			

От судьбы своей не уёдёшь!

Когда-то в детстве падал я с качелей,
Видать верёвка старая была.
Мы испугаться даже не успели,
Как куча мамок тут же набрела.

Одни ругали всех за непослушность,
Другие, плача, похватали нас.
Себя ругали мамочки за глупость,
Что не постлали на земле матрац.

И вот, когда ребята повзрослели
И, вспоминая вопли своих мам,
Мы не видали, чтобы под качели
Пуховые перины стлали нам.

Не проще было б им собраться дружно
И выкопать траншею под песок.
Нам бы теперь опять родиться нужно,
Мы постелили бы соломы целый стог.

Согласно той пословице премудрой,
Как кто-то по-старинке говорил:
Коль знал заранее, где упаду я,
Я бы соломки снизу постелил.

Вернёмся мы к той старенькой качели,
Когда я ноги там переломал.
Я был тогда прикованным к постели,
И очень долго я ещё хромал.

Никто нигде заранье знать не может,
Какая человека ждёт беда.
Пусть никого совесть и не гложет,
У всех была и есть своя судьба.

2003 г.

Ошибка

Хвастунишка Петя Панин,
Во дворе держал экзамен.
Дети задали вопрос:
Для чего мальчишке пес?

Отвечает он мгновенно:
-Когда грязи по колено,
Будет он вперед идти,
Мне показывать пути.

Для чего девчонке спицы?
Это к делу пригодится,
Чтоб для куколки своей,
Связать свитер потеплей.

Для чего у вас ружье?
Хоть оно и не мое.
Сохранять кругом красу,
Истреблять волков в лесу.

Стали путать темы дети,
Ну, про все и всех на свете.
Тут увидел, как несут,
Тети в сетках колбасу.

Для чего бабуле прялка?
Закричала детвора.
Мне ответить вам не жалко,
Нам обедать всем пора.

Вот какой ты молодец!
Неплохой ты вообще!
Мы за кличку «лодырь», «лжец»
Извиненья просим.

1958 г., Дербент

Пахарь

Упал туман, все побелело,
Он словно путь нам преградил.
И выхлопные потемнели,
Когда туман их остудил.

Лишь солнца луч коснулся влаги,
Туман свернулся в дождь росы.
Трава шуршала, как бумага,
Напоминая звук косы.

Ботинки стали чище, ярче,
Всю пыль роса слизнула с них.
Пахали мы сегодня жарче,
Три нормы с другом на двоих.

Пришел я с поля, ты дремала,
Слегка зевнув, открыла дверь.
А с печки пахло, как дурманом,
Я есть хотел, как лютей зверь.

Наевшись шей, я спать свалился,
Сморенный крепким, сладким сном,
Упал и сразу сном забылся,
Довольный собственным трудом.

1957 г.

Пепел бикини

Привлекла она к себе названьем,
По обложке стало ясно мне:
Коль на лицах видны истязанья,
Значит - это книга о войне.

Далее обложка говорила:
Красным светом вспыхнул небосвод.
Черной тучей всё вокруг затмило,
Значит, в ней про атом речь идет.

Мирный атом очень нужен людям,
Обогреться. даже хлеб испечь,
Лишь за мирный мы бороться будем,
Чтобы нашу землю уберечь.

Но маньяки, атом добывая,
Жаждут суммы толстые набить.
И про жизнь, на свете забывая,
Грезят в крови землю утопить.

Ротшильды, Рокфеллеры, другие,
Люди ведь такие, как и все.
Разве будут вечно молодые,
В этой грозной ядерной войне.

1960 г.

Первое впечатление об Израиле

Меня спросили с первых же шагов:
«О сей стране какое впечатление?»
И я ответил: «Будто от врагов
Сбежал сюда на поселение».

Не буду хаять я Великую Страну.
Она ни в чём не виновата.
Лишь подчеркну я сторону одну.
Она политиками очень грубовата.

В них нет заботы о стране своей.
Кругом одна коррупция, безвластье.
А как относятся к нации моей,
Что еле вырвался я из ихней пасти.

К нам относились будто бы к врагам,
Забыв про честь и даже этикеты.
Неужто людям мерзость от богов
Осталась грубость вся вот эта?

Ведь в Коране, Торе и писанье
Золотятся такие слова,
Чтоб не строили жизнь на обмане,
И основа была от добра.

Мне о дорогах нечего сказать.
Всё сделано изящно, не без толка.
Тут рытвин и ухабов не видать.
Дави на газ, да и блаженствуй только.

Ну, о культуре, что тут говорить
Хоть от столицы и до зоны Газа
Российской грязи вовсе не найти,
И чистота исходит с унитазов.

1997 г., Сдерот

Первомай

*(читал на площади И.В.Сталина
в Дербенте 9.05.1996г.)*

Нам не приходило даже в голову,
Что Первомай мы будем так встречать,
И на этой площади полуголой
Великий праздник мая отмечать.

Меняются времена век за веком,
А также и премьеры, и цари.
Простолюдин остаётся человеком,
Которому политики не нужны.

Но ничего, поправим это дело.
Ещё наступит яркий день весны.
Коль обуздаем перестройку оголтелую,
Рассыпятся на площади цветы.

Цветы надежд и ярких красок жизни,
Что обещали детям мы своим,
За что отдали наши деды жизни,
Когда был каждый сильным, молодым.

Желаю вам здоровья и веселья!
Пусть к вам придут надежда и добро.
И следующий праздник наш весенний
Отметим мы с достоинством его.

1996 г.

Первый урок

В первый раз услышат дети,
Долгожданный свой звонок.
Все ребята на планете,
Дружно сядут за урок.

Распахнутся детям двери
В храме знаний и труда.
Вы лишь только б не болели,
Не ленились никогда.

И увидят в классе дети,
Разноцветный и большой.
Силуэт своей планеты –
Глобус круглый, озорной!

Крутанет его учитель,
Он завертится юлой,
Ну-ка, дети, подскажите:
Что же это? - Шар земной!

Остановит его лихо,
И покажет на звезду.
Отвечайте, только тихо:
Что вы видите? - Москву!

Подзовет к себе учитель,
Кого пальчиком маня.
- А точнее подсажи-ка.
- Это - Родина моя!

1985 г.

Перестроились или перестарались?

Я думаю долго, но только,
Никак до сих пор не пойму.
К чему все кричат: «Перестройка!»
Не ясно, порой самому.

И все, словно малые дети,
Почти помешались на том:
И носятся с выкриком этим,
Как курочка ряба с яйцом.

Один нам кричал всё о культе,
Другой колебал целиной.
И каждый идущий до пульта,
Хоть что-то притащит с собой.

И вешая в наглую звезды,
За вымысел разных заслуг.
Считаясь любимцем народа,
Цепляли» за что не пойму.

Хрущев хоть навешал награды,
Заслуги других теребя,
А Брежнев, не зная преграды,
И Маршалом сделал себя.

Ни тот, ни другой не увидел,
Заветной мечты ореол.
Их жадностью бог не обидел,
И сбросил в позорный котел.

А этот не любит регалий,
Желая нам пыль не пускать.
Не вешает звезды, медали,
Чтоб честным себя показать.

И он оказался умнее,
Ошибки других подсчитав,
Добрался до высшей ступени,
И к Нобелю сел в пьедестал.

При тех мы хоть пили и ели,
Работая ночью и днем,
А с этим застряли на мели.
Не зная, куда доплывем.

А может быть слезы народа,
Собравшись в единый поток,
Нас выбросят с этого брода
И будет ли с этого толк?

Но он на своем очень стойко,
Стоит, призывает народ,
И с этой своей перестройкой.
Куда он Страну доведет?

Неужто в Великой и сильной,
Не сыщется большевика?
Кому бы доверить Россию,
Чтоб вывел ее с тупика.

1988 г.

Песня о мире на Земле

Мы живём с надеждою в стране.
И надежда не покинет нас.
Верим: будет мир на всей Земле.
Грезим мы об этом каждый час.

Припев:
Наш Израиль миру шлёт Шалом,
Умоляя Торою в веках,
Чтобы на планете целиком
Был Шалом в народе на устах.

Мы, построив мир на всю страну,
Дружбу, мир сроднили навсегда,
Чтоб никто не слышал про войну,
И о ней не знали никогда.

Неужели весь честной народ
Смысл жизни нашей не поймёт.
Коль друг друга будем убивать,
Так зачем же родила нас мать?

Этим гимном призываем всех
Воспитать народы, как и мы,
А не брать на душу этот грех,
Чтоб разжечь другой очаг войны.

Припев:
Наш Израиль миру шлёт Шалом,
Умоляя Торою в веках,
Чтобы на планете целиком
Был Шалом в народе на устах.

2003 г., Сдерот

Переворот в России

*Это было написано после того, как стала
рушиться великая страна СССР*

Слово мэр, президент нам не ново,
Привыкать стали мы к спикерам.
От которых исходят лишь войны,
Приносящие скорбь матерям.

С появлением их стали часты,
Забастовки и хунты в стране.
Как мы жили без них сладострастно,
И не думал никто о войне.

Я бы поняв, простил к сожаленью,
Если кто объявил нам войну.
Мы собрались бы все в ополчение.
Защитить, чтобы нашу страну.

И тогда была б цель у нас ясной,
Получивши указ от страны.
А теперь только гибнут напрасно,
Неповинные, даже они.

Я не знаю, кто в этом поможет,
Где найти нам таких знатоков.
Чтоб ответил, кто кровь нашу гложет,
Превратив нас в страну дураков.

Вроде все за людей неимущих,
За народ, все, кого не спроси.
Ну, а кто эта кучка дерущих,
Что за власть так грызутся как псы.

Президент был недавней порою,
Самый честный, тряся партбилет.
А теперь, что он сделал с собою,
Что ему ни на грош веры нет.

Говорит он теперь, что напрасно,
Ленин вел к коммунизму народ.
И за ним все кричат громогласно,
«Коммунизм нас в погибель ведет».

Я не верил, не буду им верить,
Тем согражданам, кто бы ни был.
Что Великий и мудрый наш Ленин,
Ни к чему СССР воплотил.

Ведь собрал он народ воедино,
Словно пальцы в ладонях сплотил.
А теперь перед хунтой повинен,
Будто он тот народ погубил.

А теперь кому верить, не знаю,
Президенту, в Верховный Совет,
На словах будто нас защищают,
Лишь толкая на верную смерть.

Неужели в Кремле тугодумы,
Неспособных понять наперед.
Коли власть им нужна до безумья,
Так зачем убивать свой народ.

Пусть мушкетеры бы взяли с собою,
Секундантов наняли из вне.
Чем народ увлекать за собою,
Истребляя его на войне.

1988 г.

Песня о Сдероте

О Сдероте много я наслышан,
Как от малых и больших людей,
Что спокойно человек тут дышит,
Где полно знакомых и друзей.

Припев.

Город мой родной, да и лучистый,
Ты расти в длину, и ввысь, и вширь,
Чтоб ты был всегда зеленый, чистый
И поднялся словно богатырь.

За короткий срок тебя подняли
На забытом богом пустыре,
Чтобы здесь детишки вырастали,
Ставшие ровесником тебе.

Припев.

Город мой родной, да и лучистый,
Ты расти в длину, и ввысь, и вширь,
Чтоб ты был всегда зеленый, чистый
И поднялся словно богатырь.

Города мне многие по сердцу,
Тель-Авив, Беер-Шева и Ашдод,
Но не мог найти уютней места,
Чем любимый город мой Сдерот!

Припев.

Город мой родной, да и лучистый,
Ты расти в длину, и ввысь, и вширь,
Чтоб ты был всегда зеленый, чистый
И поднялся словно богатырь.

1997 г

Письмо в Израиль

***Дорогой сестре М.А. Наваховой
и всем родным***

Вы, покинув Союз неожиданно так,
Что мои помутилися очи.
Этим самым нарушили жизненный такт,
Будто день для меня стал короче.

Мне сегодня от вас телефон не звонит
Я в него не скажу? «Здоровеньки!»
И по этим звонкам мое сердце скорбит,
Вспоминая приветствий моменты.

Лишь недавно умолкли веселья у нас,
А как будто года пролетели.
И когда же теперь я увижу всех вас,
Чтобы снова, как прежде запели?

Вот сию я один в полуночной тиши,
Говоря по бумаге со всеми,
Ты почаще, сестренка, братишке пиши,
Только лишь непечальные темы.

Разбросали когда-то нас предки свои,
Как птенцов из убогих насестов.
Но умом дальновидным все знали они,
Что когда-нибудь все будет вместе.

Вот теперь вы, собравшись огромной семьей,
У стен «плача» и замка «монахов».
Вспоминайте меня, хоть бы в мыслях порой,
Ведь я тоже являюсь Навахов!

1992 г.

Поэт на словах или Письмо в Россию

Пишу я вам с земли обетованной,
Где солнце палит, силы не щадя.
И чувствую себя, как в жаркой ванне,
Где не хватает ветра и дождя.

А также вас - друзей моих, знакомых
Не достает мне на святой земле.
Хоть я живу в апартаментах скромных,
И всё же что-то не хватает мне.

Пусть этот выбор сделал я с горячки,
Уйдя от лживых ельцинских «побед»
И не дождавшись маленькой подачи,
Пока присвоят звание - поэт.

Хотя в народе долго называли,
Меня поэтом разных величин.
Но лишь мандата на руки не дали.
И это было главной из причин.

Но помню я, как мне сказал Абуков
Среди союз писателей страны:
«Не видеть мне детей своих и внуков,
Коль не добьюсь твоей величины».

Какой глупец я, в это все поверил,
Повез труды я долгих своих лет.
Оказывается, бронированные двери
Мне не открыть, коль сил и денег нет.

Потом я понял: дело и не в этом,
Что нету средств да и большой спины,
А чтобы стать паршивеньким поэтом,
Тут гены национальные нужны.

Возьмем пример Гамзатова Расула,
Что написал он, многим не понять.
Благодаря перевода очень умного
И композитора, пришлось его поднять.

А написал Расул свою балладу,
Что называлась просто «Кунаки»,
Но в ней была всего одна отрада,
Козловский Яша сделал «Журавли».

А Френкель Ян, своей аранжировкой
Прекрасным птицам дал большой полет,
Где Марк Бернес пусть голосом негромким,
Поднял повыше, чем шпарит самолет.

И это трио умнейших из евреев,
Расула подняв в заоблачную высь,
За счет трудов вот этих корифеев
Лауреаты и герои родились.

И видно мне к Расулу и Махмуду
Придется обратиться, как они.
Чтоб на аварском печатали повсюду
Мои еще не видевшие свет стихи.

1996

Плюрализм мнений (или письмо в Россию)

По приезду в Израиль, не скрою,
Поменялись сомнения в миг
Из того, что я слышал порою
Там о землях для нас дорогих.

Кривотолки гуляли повсюду
Про культуру и быту всему.
Лицемерить и врать я не буду.
Расскажу все, как есть наяву.

Шёл дорогой по жизни я длинной
И не ждал, не гадал, невдомёк,
Что на крыльях железных орлиных
В санаторный спущусь уголок.

Он припомнил мне будто в Цхалтубо
Я лечусь от недугов своих.
Оскорблений не слышу я грубых,
Отдыхаю я здесь за двоих.

Здесь везде, куда кинешь ты взором,
Всё построено так, словно ты
Отдыхаешь в бору санаторном,
Где кругом на деревьях цветы.

Да и фрукты любых континентов
Как игрушки на ёлке висят.
Не увидишь позорных моментов,
Что их жадно детишки едят.

А под небом открытым машины
Безнадзорно у окон стоят.
Коль угонят мошенники злые,
Вам страховкой вернут их опять.

Тротуары, мощенные плиткой,
А дороги блестят, как пузырь.
И в машине ты катишь с улыбкой,
Как по морю на катере в штиль.

Электричество к каждому дому
На канатах, прижавшись, висят,
Чтобы ветрами их по-дурному,
Не могло в непогоду сорвать.

Здесь и двери прикроются сами,
Будто есть там пружина в петле.
Да и окна, не как наши ставни.
Открывают их словно в купе.

В магазинах тележки гурьбою
В ожиданье клиентов стоят.
Кинешь шекель — покатишь с собою.
Как вернёшь, то получишь назад.

Над прилавком glareют экраны,
Покупатель чтоб алчный не смог
Прихватить с собой тушку барана
Иль бутылъ мандариновый сок.

Словом, есть тут порядок отменный.
Чистоту, словно честь свою, чтут.
По утрам, как в цехах после смены
Подчистую весь мусор сгребут.

Допоздна тут детишки гуляют,
Не боясь ничего до утра.
Да и в школу одних провожают.
Не болеет душа, голова.

Но, а главное, здесь на посмеют,
Как в России жидом обозвать.
Да и ссориться здесь не умеют,
А тем более руку поднять.

Ты не верь, милый друг, наговорам.
Попугаем враждебным не будь.
Коль ты честно трудился — не вором,
То проблемы свои позабудь.

И по праву я жизнь вот такую
Назову, никого не стыдясь, -
Что я в сказку попал неземную,
Закричу на весь мир, не боясь!

Ну, о культуре, что тут говорить
Хоть от столицы и до зоны Газа
Российской грязи вовсе не найти,
И чистота исходит с унитазов.

1997 г., Сдерот

Победа

60-ти летию Победы посвящается

Освобожденье от фашизма,
Салют Победы известил.
И все вернулись к мирной жизни,
Тиранов века победив.

Любых лишений не боясь,
Весь люд от мала до велика.
Работы черной не стыдясь,
Подняли, что было разбито.

Все засияло, словно как тогда,
Красою небывалой силы.
Во вновь воскресших городах,
Добавились и братские могилы.

И обелиски сияют там и тут,
Солдат погибших отраженье.
Они забыть нам не дают,
Великих подвигов сражений.

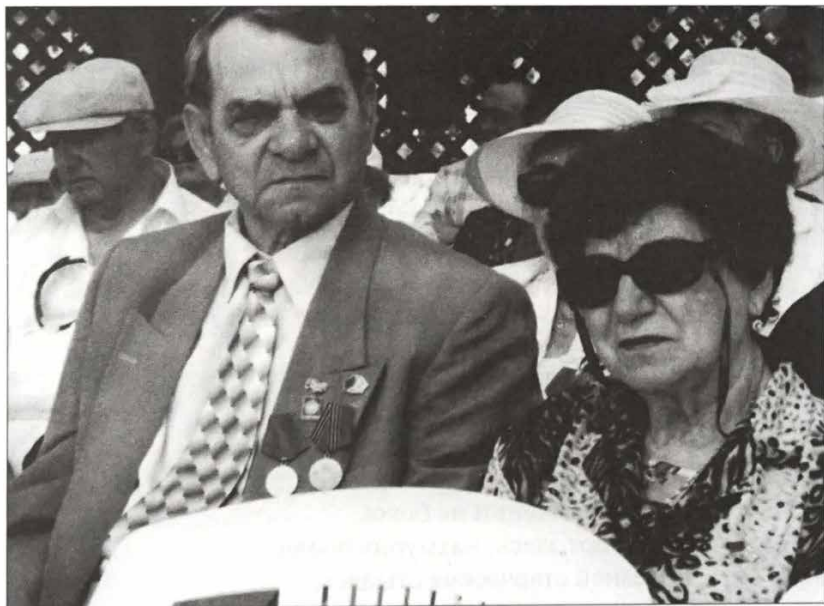
Ушли года, забрав с собою,
Войной израненных солдат.
И вот теперь передо мною
Лишь горстка немощных ребят.

Но повидавших слез и крови,
Любых сражений не боясь.
Сидят вот здесь, нахмурив брови,
Болезней старческих стыдясь.

Ничто не вечно под луною,
Лишь только вечна слава им.
Уже с седой головою,
Но с сердцем юным молодым.

И пусть Всевышний вам поможет,
Чтоб вы не знали больше бед.
И только радости умножит,
На ваши все сто двадцать лет!

И вы отцы и наши деды,
Долго, долго жить должны.
За великий день Победы,
В мире, счастье и любви!

2005 г. Сдерот. На параде Победы

Победителям

С победой всех, кто видел войны,
А также принимал участие.
А кто прошёл её без крови —
Это большое в жизни счастье.

Слава и тем, кто с поля брани,
Не требуя ни паспорта, мандата,
Скрипя зубами, таскали раненных
Под градом пуль своих солдат.

Хвала и тем, кто был в плену,
Не опозорив честь солдата,
И спас там жизнь и не одну
Как будто собственного брата.

И честь тому, кто там, в тылу,
Без сна и отдыха, обеда,
Давали норму, и не одну,
Только для фронта и победы.

С тех пор прошло немало лет,
А мы всё празднуем победу.
Желаю вам прожить сто лет
Без всяких воин и побед.

И вы, отцы и наши деды,
Долго-долго жить должны
За великий День победы
В мире, счастье и любви!

2004 г., Сдерот

Поездка в Израиль по гостевой

Тебя увидел будто бы во сне
И стал ругать себя от злости
За то, что раньше не пришёл к тебе,
А прилетел на время в гости.

Вернусь в Союз и подниму я крик,
И шум такой на всю округу.
И на прощанье закачу пикник,
И возвращусь к тебе, как к другу.

Мне очень жаль, что раньше не пришёл
К тебе хотяб на четверть века.
Я радость жизни здесь себе нашёл
И был достойным человеком.

Но ничего. Хотя и с опозданием
Приду к тебе как певчий соловей.
И выполню все дедовы желанья,
И выращу достойнейших детей.

Они исправят все мои ошибки,
Что я невольно в жизни совершил,
И отдадут себя сполна, до нитки,
Чтоб процветал Великий Израиль.

1997 г., Сдерот

Помогите Чернобылю

Я цену знаю пожарам и разрухам,
Все это видел в прошлую войну.
Есть люди, знающие только лишь по слухам,
А я всё это видел наяву.

Я помню, как горели наши хаты,
После бомбёжек в городе родном.
И как тайком мы бегали в палаты,
Чтоб передать краюху с молоком.

Ведь там лежали парни с погорелой,
Слободки той, что была сожжена.
Мы меж собою родства не имели,
Нас породнила только лишь война.

Чернобыль тоже стал для нас войною,
Пусть от него живу я далеко.
Его беда, как в те года, со мною,
Я сердцем знаю, как там нелегко.

А гонораром пусть маленьким и скромным,
Что я вношу, как капельку крови.
Хочу призвать я мир весь наш огромный,
Чтоб в помощь руки протянул свои.

1986 г.

Праздник Пейсах

Двадцать три ночи у нас на часах.
Скоро заходит к нам праздник Пейсах.
Мы с нетерпением все его ждём.
Бывало, в России встречали с дождем.

А тут он и светлый, сухой, без дождя.
И все ожидаем его мы не зря.
Вечером в гости родные придут
И матану нам на праздник дадут.

На западе тоже все ждут Рождество,
Будто рождение это твое.
Старый и малый день этот ждут,
Им тоже родные подарки дадут.

Подарки не главное в празднике этом.
С праздником этим встречаем мы лето.
Молим мы Б-га, чтоб праздник весенний
Тучи с дождем нам принес со вселенной.

Если Он влагой одарит обильной,
Знать, урожай будет тоже стабильный.
Зазеленеет травую земля.
Значит, и мясо, и хлеб у тебя

Главное то, что сегодня нам нужно -
Чтоб были сыты, и жили все дружно,
Чтобы и мир процветал на планете -
Вот чего ждем мы все только на свете!

1997 г. Сдерот

Прощай, разбитая Россия

Мне надоела жизнь такая,
Какую нынче я влачу.
Прости, Россия дорогая,
За то, что высказать хочу.

Тебя мы все обогащали,
Пахали земли целины
Да и заводы поднимали.
Теперь остались на мели.

А в войнах грудью защищали
И в бой рвались, крича «Ура!»
Не для того, чтоб нас подмяли
И голодала детвора.

А многоликою семьею,
Всемирный твой подняв престиж,
Не для того, чтоб над тобою
Теперь главенствовал фашизм.

Не с любопытства, а с укором
Хочу спросить в последний раз:
Зачем насильственную свору
Ты направляла на Кавказ?

Коль ты являешься главою
Над всем народом по стране,
Так надо ж думать головою,
А не пришельцами извне.

Ты рассуди сама, на милость,
С тобой все жили, как братья.
Как демократы появились
И уничтожили тебя.

В итоге вот что получилось:
Все убегают из страны.
Лишь потому, что появились
Шпионы с вражьей стороны.

Они продали все поштучно:
Твои богатства, острова.
Как воронье огромной тучей
Терзают заживо тебя.

Омыли твой народ слезами,
И в братской крови утопив,
Да иностранными словами
Язык России засорив.

Заводы молча умирают,
Совхозы чахнут в бороне.
Верхушка «баксы» загребает,
А люди гибнут в нищете.

Неужто мы тебя, Россия,
Хотели видеть вот такой,
Чтоб демократы всех в бессилии
Толкали в омут с головой.

Я возносил тебя стихами.
Народ воспел, как соловей.
А ты хоронишь ворохами
Своих заслуженных людей.

И не хочу теперь в бессилии
Всю эту мерзость лицезреть.
Я уезжаю из России,
Чтоб от стыда не умереть.

1996

Прощание со школой

Вот прозвучал уже последний,
Звонок по школам у ребят.
Глаза сиротливо и бледно,
Сказать вам что-то норовят.

А потому, что ком под горлом,
Мешает уж в последний раз.
Птенцам своим уже свободным,
Отдать напутственный наказ.

И, как орел, с большой вершины,
В далекий провожая путь.
Устроил вам свои смотрины,
Сказать он хочет что-нибудь.

Но он молчит и верит в силу,
Десятилетнего труда,
Что стены школы сей покинув,
Вы оправдаете всегда.

И будет горд и счастлив в меру,
Что стал частицею души.
Вселил вам жизненную веру,
Когда вы были малыши.

И вы, раскрыв пред взлётом крылья,
Раздвинув гордо свою грудь.
В последний раз учитель милый
Он скажет вам: «В счастливый путь!»

1972 г.

Птица мира (разговор с соколом)

Мне душу сжигает унынье,
Безмерная в сердце печаль.
Эй, сокол, займи свои крылья,
Хочу я отправиться вдаль.

Туда, где в психозом угаре,
Военной дубинкой грозят.
О новом всемирном пожаре,
Прислужники НАТО грезят.

И долго не мешкая с ними,
Вдолбить им, как клювом, в умы.
Что новый очаг Хиросимы,
А также нейтрон не нужны.

Плюёте на жизнь и природу,
Исходы войны не важны.
Нам хватит погибших народов,
Нам мир и согласие нужны.

И сокол желание понял
«Хоть крылья я дать не могу.
За тихую, мирную долю
Посланье доставить смогу!

Пусть будет мне ветер навстречу,
Без отдыха буду лететь.
За мирное небо отвечу,
Готов за него умереть!

Мы тоже ведь птенчиков любим.
Для нас сей вопрос поважней.
Наверное, больше, чем людям,
Нам чистое небо нужней»!

1972 г.

Радость земная

Люблю я свадьбы все земные,
Здесь отдыхаешь от души.
Где пляшут стар и молодые,
И даже наши малыши.

Тут забываешь все на свете,
И нет мирских, суетных дел.
Коль было б так на всей планете,
И умирать бы не хотел.

Танцуют дружно здесь «Лезгинку»,
Чеченский «Ир» тут могут спеть.
Мугам растянут, как резинку,
Да и цыганский есть дуэт.

Со всей планеты здесь культура,
И танцы, песни всех мастей.
Весь арсенал клавиатуры,
И нету места для страстей.

Но, а в войну куда ты сходишь?
Кругом убийства, все в крови.
И даже места не находишь,
И нету время для любви.

Кому те войны стали нужны,
И терроризм, ХАМАС, Акбар?
Тут всему миру думать нужно,
И пресекать такой базар.

И наказать злодеев этих,
Кому не нравится покой.
Наладить мир на всей планете,
Чтоб крови не было людской.

Давайте трезво мы рассудим,
Как беспредел пошел в Чечне.
Поднялся мир, Россию судит,
И даже тот, кто сам в дерьме.

И Пентагон средства отпустит,
Чтоб превосходство показать.
А сам наемников запустит,
Кого-то, где-то наказать.

А когда США то коснулось,
И терроризм дошел до них.
Они в то горе окунулись,
В котором оказались мы.

Хочу сказать и даже крикнуть миру,
Всем осторожней надо быть с огнём.
Неужто хуже жить в союзе, в мире,
Чем умереть под ядерным дождем.

1999 г. Сдерот

Разгневанная мать-земля

В Степанакерте, а так же в Сумгаите,
Событья распрей стали как в бреду.
Грызней враждебной опутанные нитью,
Из мелочей устроили белу.

От безобидных драк и мордобитий,
Там разразились страсти до огня.
От Карабаха и от Сумгаита,
Летели брызги крови то меня.

Я - Дагестан, ближайший брат по крови,
И по земле, где рядышком живу.
А сердце ноет вот от этой боли,
За что же льется кровь, я не пойму?

Мы братья все, Писание пророчит,
Тора, Коран об этом же гласит,
Так кто ж тогда войны убийства хочет,
Хотелось мне у каждого спросить.

А может клич усопших мракобесов,
Воскрес у предков, шедших на покой.
Ведь нам же нету в этом интереса,
Вот так судить, решать вопрос любой.

Но вот, вмешавшись в эту заваруху,
Глава Союза, братства и любви,
Предотвратив дальнейшую разруху,
Среди братьев порядок навели.

Как будто все немного поутихло,
Но вдруг, откуда сразу не возмись,
Беда с земли силою неслыханной,
На наши головы возьми, свались.

И Мать-Земля на сыновей с обиды,
Нас, наказав, и поглотила все,
За что же мы, друг друга ненавидя,
Разгневали безвременно ее?

Ведь всем известно: поздно или рано,
Все люди будут ею поглощены,
За что же мы торопимся так рьяно,
Чтоб были так за грех осуждены?

В поверье нашем есть такое слово,
Доколе мы друг другу будем лгать.
Что Мать-Земля и жизни всей основа,
Так где ж закон: делить родную мать?

Мы братья все, вскормленные одною,
Как утверждаем, Матерью-Землей.
Неслыханно, чтоб дракой или боем,
Сыны делили маму меж собой.

Но верю, в то, что время остановит,
Обиды, распри в мелочь превратит.
Как малодушие и горячность смоем,
И мир меж братьев снова воцарит!

1986 г. Дербент

Разговор с Богом

Вот когда умирать буду, Боже,
Перед смертью тебя попрошу:
Не вселяй меня в Рай, если можно.
Я халявщину не выношу.

Да и в Ад не вселяй, пожалуйста,
Я очень чертей не люблю.
Возьми меня к себе, сжалуйся,
Я в суетных делах помогу.

Повидал на земле я подлости,
Что от имени Бога творят.
И направо, налево, без совести,
Все бранятся тобой, как хотят.

Христианин, коли рассердится,
Он на всех закричит: «Бога мать».
Мусульманин, если разгневался,
«Аллах Агбар!» и пошёл убивать.

Но, коли верят в тебя эти люди,
Пусть под маской не прячут лица
И заветам пусть верными будут,
Не ругая тебя без конца.

Да и умные люди немало
Им потворствуют в жизни такой.
Все склоняют тебя, где попало,
В нашей жизни и так непростой.

Я хочу из небес твоих, Боже,
За такими людьми наблюдать.
С лицемерами буду построже
За тебя всех неверных карать.

2003 г. Сдерот

Революция свершилась и что же?

Делили власть, а кровь лилась рекою,
За лучший образ жизни на земле.
Рискуя, предки личной головою,
За нас, себя отдали на войне.

О них мы знаем, только лишь по книгам,
Да и в кино покажут кое-что.
Но время шло, цари менялись ликом,
А мы с тех пор не видим ничего.

Лишь на картинках, золотом обшитых,
Видны события очень давних лет.
Где миллионы ни за что убитых,
А жизни той, что ждали, так и нет.

Теперь кричат, зачем им нужно было,
Хоть Ленину и Сталину, другим.
Идти войной на царские миримы,
Социалистам и рабам тупым

И вот в итоге, что же получилось:
Впустую сделав круг, вернулись мы.
Побив народы, снова возвратились,
До той же самой царской кутерьмы.

Тогда хоть царь в России был единый,
По областям законом правил князь,
Но, а теперь народы распустили,
И власти нет, остались кровь и грязь.

Мы грязь отмоем, будет хоть и трудно,
Но как же быть с пролитой кровью нам.
И с тою кучкой, лживой, да и грубой,
Кто нас привел к таким суровым дням?

12 ноября 1991 г.

*Это написал для тех болтунов, которые орали как
Жириновский, а мы им верили. А они, уничтожив
наши устои дружбы, разорили страну.*

Свадьбы на мой взгляд

Люблю я свадьбы не из-за пьянки,
А потому, что радость нахожу.
На них хожу я без приманки,
А в чём секрет, вам расскажу.

Секрет не очень-то интимный,
Кто будет папой, а кто – мать.
Хочу смотреть на говор «голубиный».
Здесь можно петь и танцевать.

Здесь пьют вино, говорят тосты,
Желают людям благих дней.
Лелеют молодых, веселятся гости.
Здесь жизнь становится полней.

Веселья все в подобном Виле
Хотелось в мире учредить.
За песней, танцем все обиды
На время как-нибудь забыть.

И громче пусть звенят бокалы,
И танцы греют вашу кровь,
И чтобы жизнь такую стала,
Где будет вечная любовь.

1974 г., Дербент

Овшол Навахов - председатель колхоза им. Кагановича. г. Дербент

Сбылись мечты наших предков

Мы собрались все на этом месте,
Чтоб отдать почтение свое
Помыслам великих наших предков
И отметить праздник Хануко.

Предки наши только лишь мечтали
Одним глазом это повидать,
Стену Плача Великого Израиля,
По святыне этой прошагать.

Но сбылась не их, а только наша,
Одним словом, общая мечта.
Хоть прошли раздельно, а не маршем,
Чтобы здесь остаться навсегда.

И должны быть верными заветам
Судьбы всех, мы добрым кузнецом.
Не в угоду вражеским наветам,
А заветам наших праотцов.

Мы должны Страну свою украсить,
Но не рвать в корысти на куски.
Чтоб не стать приманкой вражьей пасти.
Чтобы нас не слопали волки.

Дети наши, внуки дорогие,
Никогда не надо забывать,
Что везде мы были всем чужие
Тем, кто стал жидами обзывать.

Радуйтесь, живите, наслаждайтесь
Жизнью той, от бога что дано.
Только меж собою не ругайтесь,
Если быть евреем суждено.

1997 г. Сдерот

У каждого произведения есть своя предыстория. Вот и у поэмы «Свастика» есть свои авторы и соавторы. А ведёт она свою историю со времён Великой Отечественной войны, с 1942 года.

Мой отец, Навахов Алексей Ханукаевич, и его командир, начальник развед. подразделения капитан Болотников Александр, попали под артобстрел фашистов и лечились в госпитале в г. Баку. После выписки им дали недельный отпуск, и они заехали в г. Дербент ДАССР, где мы жили после эвакуации у дяди Навахова Михаила Семёновича. Встреча была неописуемо радостной.

После ужина дядя Саша — капитан Болотников собрал всех домочадцев, раскрыл свой планшет и достал «треугольник», точно такой, какие получали люди во время войны со всех фронтов. Дядя Саша развернул этот треугольник и начал объяснять, как он к нему попал. Этот треугольник был изъят у «языка», захваченного моим отцом в разведке. Пленный оказался немецким коммунистом, а конверт был придуман его друзьями антифашистами. С его помощью можно было сделать пародию на гитлеровскую идею захвата СССР.

И дядя Саша рассказал и показал нам эту пародию. Начал он с того, что Гитлер собрал вокруг себя соратников, чьи фамилии начинались на букву «Г» — Гимлер, Геринг, Геббельс. Сложив четыре буквы в один квадрат, он получил фашистскую эмблему — свастику (хотя этот знак существовал уже давно и был религиозным символом у древних индийцев).

Затем Гитлер взял лист бумаги и, сказав, что это Россия, начал загибать углы, говоря: «Кавказ я дарю Гимлеру, Украину — Герингу, Сибирь — Геббельсу, а Баку и Грозный — нефтяным магнатам». Дальний Восток перепал японцам, и Муссолини он выделил какую-то часть...

Среди присутствовавших при дележе оказался один чекист, а короче — лично Сталин. Он взял конверт, повертел в руках и принялся резать его ножницами, и у него получился гроб, плита, венки и крест. Затем он собрал все обрезки, сложил их так ловко, что у него получилось «СССР».

Наутро я отнёс этот конверт в школу, показал учителям, а директор наш — участник войны, безногий инвалид Яков Романович, сказал: «Женя, береги этот конверт!»

А спустя десять лет, в 1952 году, я написал поэму «Свастика».

Свастика

Созвал четверку свою Гитлер,
С кого он свастику сложил:
Тут Геббельс, Геринг, да и Гиммлер,
И сам Адольф туда входил.

Разгладил лист перед собою,
Адольф всю свору подозревал,
Вот этой собственной рукою,
Я всю Россию вам отдам.

Он сверху вниз загнул листочек,
Немного наискось беря.
И каждый загнутый кусочек,
То область, город говоря.

Ещё загнул один разочек:
- Кавказ я Гиммлеру даю.
Вот это Геббельсу шматочек,
На день рожденья Крым дарю.

Тут Герингу попала доля,
Он знал все слабости его.
Алмазы, жемчуг и раздолье
Курорты, яхты за одно.

Баку и Грозный «Мерседесу»,
И «Фоке-Вульфам», «Тиграм» дам.
Им всем горючее до зарезу,
Летать, рычать по городам.

Японцам тоже перепало,
Немного дал им с ДВКА.
И Муссолини дал немного,
И тут схватился за бока.

Устал делить, пойду, прилягу,
Ведь завтра будет жаркий день.
И с криком: «Хайль!» как у бродяги,
Он чубчик сгладил набекрень.

Когда делить Россию стали,
Средь них стоял один чекист.
В нем оказался лично Сталин,
Лишился речи тут фашист.

«Зачем откладывать на сутки?
В конце получится дебош»...
И Сталин ножницы взял в руки,
«Давай продолжим сей дележ».

Ведь ты, Адольф, не все закончил,
В конверт Россию всю сложил.
Я споры ваши вмиг закончу..
И ножнам дал один нажим.

Он стал раскладывать кусочки,
С конверта точные на вид.
Тут получился гроб, брусочки,
Венок и крест, и пара плит.

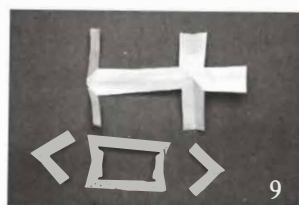
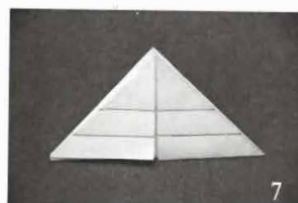
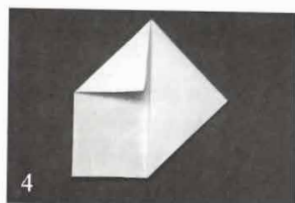
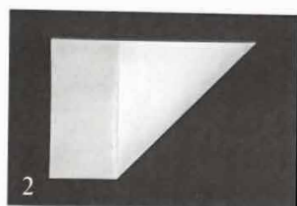
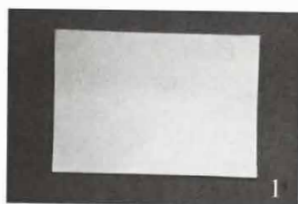
Тут не видать, нигде Баку.
В Крыму вам дули, вместо груши,
А чтоб стереть фашизм в муку,
Я сокрушу на вас «Катюши».

И здесь гробницу вам построю,
Где рыть могилу укажу.
Бетонной плиткою накрою,
Венок и лавры закажу.

Вы бранденбургским маршем шли,
К тому же быстро, важно.
И что искали, все нашли,
Не крест дубовый, а бумажный.

Еще окажу тебе, грабитель,
Не взял Россию и эсер.
Не будет здесь другой правитель,
Здесь был и будет СССР.

1961 г.

Святые книги

Если жили бы все по Исламу,
По написанной книге святой.
То теперь не дошли б до поганой,
Омерзительной жизни такой.

Ведь в Коране, Торе и Писании,
Золотиться такие слова;
Чтоб не строили жизнь на обмане,
И основа была от добра.

Это даже узрели марксисты,
Позаимствовав с книги святой.
И в уставы свои коммунисты,
Этот текст записали простой.

Но история нам доказала,
Что не все выполняли девиз,
И слова искажались с Корана,
Из которых законы взялись.

Постоянно глаголя о чести,
Положивши ладонь на закон.
Говорить только правду без лести,
Обещав, припирали потом.

О таких мне сегодня хотелось,
Лжезаконниках нынче сказать.
Коли власти им так захотелось,
Так зачем же закон искажать.

Мы же будто бы лыком не шиты,
Хоть в верхах заседать не пришлось,
Но зато мы трудом своим сыты,
Где ума почерпнуть довелось.

Мудрецы в свое время сказали;
По одежке встречают людей.
А потом по уму провожали,
Перед выходом их из дверей.

Значит дело не в том, как нам будут,
Обещать все благие слова.
После выборов все позабудут,
И забудутся наши дела.

1996 г.

Сдерот

Люблю бродить по улицам Сдерота.
Кругом деревья, зелень, чердаки.
Все сделано изящно, не без толка.
Мои тут проживают земляки.

Куда ни глянь, то тополь стройный
Или акация белым бела.
Он сверху смотрит очень строго,
Какая та нарядная была.

Инжир стоит с широкою листвою,
Образовав большую тень.
А мы в жару присядем тут с тобою
На лавочку или на пень.

И отдохнув, пойдем мы дальше,
Промеж собою тихо говоря:
«А вспомни друг, что тут было раньше!»
Уйдем мы в путь, за тень благодаря.

30.04.97

Д.Бускила - мэр Сдерота, Таль (Анатолий) Нахшунув - зам.мэра и я

Сдеротские частушки

Наше счастье не простое:
На границе мы живём.
У нас сердце молодое,
Всех врагов переживём.

Нас бомбят и днём, и ночью.
Мы пока ещё молчим.
Террористов, между прочим,
Враз мы можем «замочить»!

Мы терпением богаты
И оружием любим.
Весь Хамас, да вместе с Фатхом
За минуту разбомбим.

Нам ведь жаль ни в чём невинных
Женщин ваших и детей.
Коль придёт бандит с повинной,
Грех отпустим, и балдей.

А войною коль полезут
К нам с арабской стороны,
Моргнуть глазом не успеют,
Всех сотрём с лица земли.

Мы рождённые для мира
И для крепкой дружбы.
Здесь евреи всего Мира.
Нам войны не нужно.

Пусть к нам в гости приезжают
С песнями и танцами,
Но войны не затевают —
Без зубов останутся!

2000 г.

Слепым обвинителям Израиля

Слава Стране нашей, Вечная Слава!
Слава народу. Тут слава вдвойне!
Мы сколько упреков стерпели бесславных,
И обвинений мы терпим в войне.

Я бы совет дал сообществу Мира:
Чем обвинять весь еврейский народ,
Лучше б прошли по садам и по нивам.
Тогда б вы узнали, кто чем тут живет.

Наши детишки с утра и до ночи
Пашут на стройках, а кто на полях
Даже на свадьбы, ходить нету мочи,
Если пошли - чуть стоят на ногах.

Или пример я привел бы получше:
Сколько базаров у нас по стране?
Вы хоть видали, еврей чтобы мучил
Арабов, поднявших товар по цене?

Или же пнул его тряпки от злобы?
Может не дал за покупку деньги?
Это не видел, слепец только мог бы
Нас обвинять в геноциде к другим.

Кроме солдат, у нас все без оружия,
И миштара за порядком следит.
Но у арабов и дети с оружием.
Мир это видит и в тряпку молчит.

Взрывают арабы улямы, где дети
Справляют бар-мицвы, бат-мицвы и брит.
Кто бы стерпел эту мерзость на свете?
Ответь, Кофи Анан, и Мир весь, ответь!

Вы судите только по съемкам арабов.
Да и Россия с поверьем туда.
Вы бы втихую, все глянув сюда бы,
Как разрушает араб города.

Коль по «Хамасу» не бить за теракты,
Нас обвинили бы в трусости все.
Но мы же, фашизм одолев в сорок пятом,
Не можем простить эту бойню извне.

Мы заселяем пустые отбросы,
Где процветают сады города.
Арабы теперь, готовое просят,
Чтоб «на халяву» вселиться сюда!

Кто же отдаст то, что кровью и потом
Было построено братом моим?
Вы, Кофи Анан, отдали б хоть йоту
Того, что построено сыном твоим?

Не будьте тогда вы все лицемером.
Дайте спокойно по-братски нам жить.
Если и дальше трепать наши нервы,
Мы били за взрывы и будем их бить.

Но если у вас у всех загорелось,
И вы захотели Израиль изжить,
То мы вам поможем, и мир уничтожим:
Коль нам нет покоя, и вам всем не жить.

А мы-то имеем такое оружие,
Какое и Миру не снилось во сне.
И все обвинения, мы стерпим, коль нужно,
Но если полезут, сожжем их в огне.

Так будет лучше, чем жить под угрозой
И день ото дня детей хоронить.
Чем над детьми проливать свои слезы
Так лучше совсем никому нам не жить.

Я вспомнил статью из газеты «Россия»
Где НЛО только дали понять:
Коль на Земле не исчезнет насилие,
Надо заразную Землю взорвать.

Еще НЛО сказали иначе:
Планета Земля, как песчинка в степи.
Потеря ее, ничего нам не значит
Таких во вселенной пруд хоть пруди.

Так пусть выбирают народы планеты
Вечные войны, разрухи и кровь.
Или же жизнь, где насилия нету
И процветает лишь дружба-любовь!

2002 г., Сдерот

Давид Бускила, Шимон Перес и я

Слово маме

Мне было семь, когда пошёл учиться,
Ещё не мог я «мама» написать.
Хоть не привык я по звонкам трудиться,
Раз слово дал, так надо и сдержать.

Я обещал мамане быть прилебным,
И не шалить ни в классе и нигде.
Как подрасту, я буду слову верным,
И буду её помощником везде.

Прошло три года, я из сил старался,
Преуспевал в учёбе и труде.
Однажды утром у нас народ собрался,
Промеж собой шептали о беде.

Беда не та, что кто-то заблудился
Или заехал на крыльцо верхом.
А в том, что немец с фашистом породнился.
Войной идёт на нас он напролом.

И стали по радио вещать о маскировке,
И старшекласников военному учить.
На стадион водить на тренировки,
И как фашистов на Руси добить.

А мне уже пошёл десятый,
Из белобрысого не повзрослеть без хны.
А немец нашим наступал на пяты,
И приближался до родной Москвы.

Но вдруг фашисты резко тормознулись,
Ни шагу сделать им ни в бок и ни в перёд.
И как лиса у винограда, улыбнулись,
И до Берлина гнал их наш народ.

А мне уже четырнадцать сравнялось.
Я слово маме с честью смог сдержать.
Не только «мама», но и «Смерть фашизму»,
И «Победа над Берлином!» написать!

1985 г., г. Огни

С новосельем!

С новосельем, дорогие:
Дочка, внуки и зятек!
Пусть цветет вовек отныне
Новый в жизни уголок.

Всеми радугами жизни:
Доволь, здоровье, успех.
Чтоб кусочек хлеба мизер
Вы делили тут на всех.

И дожили до глубокой,
Вместе славной седины,
От болезней быть далеко,
И тем боле от войны.

Чтобы внуки здесь кричали,
На детей своих не зря.
И очаг ваш посещали
Бескорыстные друзья!

1980 г.

Солдатская песня

Мы сменим пост, нахмутив брови,
На страже Родины своей.
Лишь будет слышен пульс у крови
И шелест листьев тополей.

Когда Страна уснёт так мирно
После ритмичного труда,
Мы будем бдить по стойке «Смирно»!
Враг не пролезет никогда!

И чтоб «Хамас» и лиходеи
Не смели рушить наш покой.
Ведь мы - Олимы-Иудеи
За мир в ответе головой.

Батальон «Алия» - наша слава.
Батальон «Алия» - наша честь.
На террор мы находим управу
И найдём, пока были и есть.

2002 г., Сдерот

Сталинград

От Москвы далеко ты по Волге,
Распахнулся в огромную ширь.
Ты Царицыным именем долго,
Как в тени прозябал богатырь.

Затем стал ты могучею кузней,
Мощной техникой землю снабжать.
Нарекли тебя именем узника,
Стал собою ты мир удивлять.

Завод тракторный здесь заложили,
Выпускать стали мощных коней.
И в стальные машины вложили,
Имя Сталина, стали сильней.

Но злодейской рукою надолго,
Был разрушен, истерзан в куски.
И фашист захотел, чтоб по Волге,
Проложить прямой путь до Москвы.

Ни фашист, ни союзник продажный,
Не сумели тобой овладеть.
Хотя шли и торжественно, важно,
Чтоб смиренную петлю надеть.

Из руин, пепелищ и развалин,
Тебя быстро народ воскресил.
Потому, что ты гордое Сталин,
И народное имя носил.

Стал лучше и краше, чем прежде,
Как рубином, собою светить.
А назло всем пришельцам, невеждам,
И геройское званье носить!!!

1975 г.

Строевая песня десантников

Мы все орлы, когда уже в полёте,
А вместо крыльев стропы парашют.
И ждём момент в ревушем самолёте,
Когда тебе команду отдадут.

Одно лишь слово тут же окрыляет.
Когда услышал краткое «Пошёл!»,
Как птицы из дупла мы вылетаем,
И ты уже не птенчик, а орёл.

Летим стрелой к своей заветной цели.
Перед землёй слегка тебя качнёт.
И приземлиться только лишь успели,
Как командир командует: «Вперёд!»

И мы верны отчизне в послушанье,
С презреньем к смерти в бой десант идёт.
Звезда Давида на нашем знамени,
Зовущая «За Родину! Вперёд!»

Припев:

Наши десантники - стальные крылья.
По зову сердца за родину идут.
И террористы пусть любые
На нашу Землю не пройдут!

1998 г., Сдерот

Сын Азербайджана ***(Песня) 1941-45гг.***

*(Музыка народная,
слова неизвестного солдата,
обработка Е.Навахова)*

Когда у стен столицы,
Бойцы дрались, как львы.
У одного спросили:
Ты родом из Москвы?

Ответил он не сразу:
- Москву я берегу,
Но родом я с Кавказа,
Из города Баку!

И вот в одной атаке,
Он знамя выносил.
- Откуда ты солдатик?
Комдив его спросил.

Ответил парень сразу:
- За Родину иду!
А родом я с Кавказа,
Из города Баку.

И вот, окончив битву,
Спросили наугад.
Союзники Берлина:
- Откуда ты солдат?

Ответил парень гордо:
- За мир войной иду.
А родом я с Кавказа,
Из города Баку!!!

1957 г.

Сын ушел на два года служить

Ты уходишь из дома на долгих два дня,
На два дня, но ведь только рожденья,
Я ответил бы так, коль спросили меня,
А для мамы те дни - наважденье.

Незаметно пройдут эти дни для того,
Кто на проводах был лишь случайно.
Но, а если тебя я спрошу самого,
Ты ответить мне должен молчаньем.

лишь в глазах я твоих прочитаю ответ,
Проходила как служба с подъема,
По морщине за год, там останется след,
След тоски по отцовскому дому.

Знаю, служба солдата пройдет нелегко,
Но сравнить ли с моею когда-то.
Ровно пять на ЧФ я служил моряком,
А тебе лишь два года солдатом.

И ты так отслужи эти годы свои,
Как защитник, достойно и честно.
Ведь страна мирно спит под прикрытьем твоим,
Это должно солдату известно!

1974 г.

Талгинский источник

Кто, бывало, скажет слово,
Отвечал я, так: не лги,
Что источника такого,
Нету в мира, как в Талги.

Я, не веря, ухмылялся,
Когда слышал от кого.
Но недолго сомневался,
До недуга своего.

Вот однажды все скрутило,
Был и свет тогда не мил.
Думал все, теперь могила,
Не увижу я светил.

В точку я, упершись взором,
Все глядел на потолок.
Вспоминая разговоры,
Про талгинский ручеек.

И решил я исповедать,
Свою боль тому ручью.
Через десять дней стал бегать,
Свел с недугом счет вничью.

А вернувшись восвояси,
Бегал я лихим конем.
И не верил, что я спасся,
Исцеленный тем ручьем.

А, набравшись силы, свежей,
Я по-прежнему тружусь.
Коль недуги схватят те же,
Лишь к тебе опять вернусь.

1976 г.

Три матери

Коль кто меня властью такой наделил,
Чтоб навек укрепить наше братство.
Я бы нашу политику всю истребил,
И поглубже зарыл, как богатство.

Ведь от братства в Союзе зависело все,
Как история нам доказала.
И любовь, да и дружбу мы все от нее,
Получили в наследство от мамы.

Мама Родина есть, да и мама Земля,
Мама та, от кого я родился.
А в итоге их три было, есть у меня,
Да у всех, кто на свет народился.

От рождения к одной припадали груди,
А вторая ходить обучает.
Ну, а третья всегда нас ведет впереди,
Только смерть нас от них разлучает.

Вот об этом хотелось сегодня сказать,
Всему миру и даже Вселенной.
Коли братья начнут меж собой воевать,
Матерей мы лишимся мгновенно.

Коль одну мы разрушим от бомб и гранат,
То другую угробим морально.
Но, а третьей вообще не дадим процветать,
И сиротами станем буквально.

Нету в жизни дороже нам всех матерей,
В переносном, в буквальном хоть смысле.
Только мы — сыновья, должны думать о ней,
Потому, что без них нету жизни.

1967 г., г. Огни

Тамада

Мне очень часто приходилось
Вести любые вечера.
Лишь стоит появиться,
Меня встречают на ура!

Я говорю довольно просто,
Как подобает тамаде,
А коль я вмажу два да по сто,
Веселью быть на высоте!

Я вызываю к микрофону
Изречь желание молодым.
Потом вручаю я другому,
И все довольны, как один.

Звучат напевы нам родные
И танцы разные для всех.
И пляшут стар и молодые,
Царит вокруг веселье, смех.

Бывают также шум и драки
Совсем недолго, как всегда.
Не даст разгону забиякам,
Утихомирят тамада.

1986 г.

Там не будет ничего!

Ребята, пейте, ешьте, пока живы,
Не упускайте с виду и девчат.
А после смерти не будет вам малины.
Окончится обжорство и разврат.

В гробу не будет ни пива, ни лангета,
Да и тарашки не найдёшь.
А также не будет туалета,
Коли с пивной в могилу попадёшь.

И лишь советую поэтому напиться,
Да и нажраться вдоволь как свинья.
Хотя запас сей там не пригодится,
Зато уйдём мы сыты все туда.

Туда никто не брал ещё с собою
Ни шмукток, денег, ни жратвы.
И в чём мама родила уйдём в покои,
Хоть буду я, а, может, ты.

Так веселитесь, братцы, пока живы,
Не упускайте с виду ничего,
Ведь кто стоит над моей могилой,
Там будет место тоже для него.

Никто не жил два раза или боле,
И очень редко кто живёт до ста.
Не упускайте этого раздолья,
Ведь жизнь людей уж очень коротка.

2006 г., Сдерот

Телеграфные столбы

Стоят столбы, как те солдаты,
Что перед боем выстроились в ряд.
И по цепочке как приказ комбата
По проводу передают наряд.

Наряд на смену и на сутки,
Наряд на месяц и на год.
И им всё выдержать не шутки.
Кто участь провода поймёт?

Пройдут по проводу такие вести,
О том, что в космос кто-то полетел.
Солдат позвонит: «Жди!» - своей невесте.
И о том, что хлеб уже поспел.

Всё терпит очень тонкий провод.
И столб уже почти прогнил.
К чему я вёл весь этот довод?
Как будто смысл его забыл.

Нет, не забыл, когда писал начало.
Вы дайте проводу нагрузку хоть вдвойне.
Но чтобы радио в мире не звучало,
Оповещая народы о войне!

1967 г.

Терпенье и труд

Я бананов не видел на ветке
И, тем боле, не рвал мандарин.
И прожил свою жизнь, словно в клетке,
До приезда сюда, в Израиль.

Для меня и для тех, кто со мною
Прилетели как птицы в насест,
Оказались в Раю с головою
И от счастья парим до небес.

Здесь, я знаю, никто надо мною
Не посмеет глумиться, как там,
Не рискуя своей головою,
Что его не отправят к чертям.

Пусть не сразу мечты за мгновенье
Мои сбудутся, словно во сне.
Только надо набраться терпенья,
Посвятить себя в скромном труде.

А для тех, кто брезглив до работы,
Хоть на той или этой земле,
Не видать ему радость на йоту,
И счастливым не будет нигде.

Знать, работать всем надо упорно,
Кем бы ни был в рабочем строю,
А не ждать чью-то милость покорно,
Представляя всю жизнь как в Раю.

1997 г.

Тоска по любимому

Нет любимого рядом со мною.
На дорогу тоскливо хожу.
И порою нахлынет такое,
Что вот-вот я в петлю угожу.

А вокруг всё прекрасно, как прежде,
Лишь тебя не хватает порой.
Пристают ко мне хамы, невежды,
Ну, хоть в омут влезай с головой.

Норовят, как с игрушкой, со мною
Позабавиться. Только всего.
Становлюсь я тигрицею злою,
Чтоб зубами вцепиться в того.

Кто сквернит обещанье святое,
Пристают, потеряв свою честь.
Лучше б ты и меня за собою
Постарался в могилу увести.

1977 г.

Три Наркомовские премии 1949-1951 гг.

Прошло пять лет, как это всё случилось.
Мне девятнадцатый годик лишь пошёл,
Когда со мною это приключилось,
И я героем в историю вошёл.

Я был СК* тогда на МПСе**,
Водил составы сборных поезда,
Где были грузы с грифом Сов. секрета —
Снаряды, бомбы, золото и шелка.

В составе том, что вёл я из Каспияска,
Были торпеды, «секретно», ВВС***.
Работа с ними сопрягалась с риском
И вызывала серьёзный интерес.

А пунктом назначения их было —
Азербайджан, станция Белиджи.
И, подъезжая, сердечко уже ныло,
И мозг кричал: «Глаз востро держи».

Вот остановка. Я отцепил вагоны,
Погнал в тупик, чтоб груз сей отцепить.
Состав толкали со скоростью огромной,
И я не мог его остановить.

Я заорал часовому очень громко:
«Стреляй три раза, иначе все умрём!»
То был сигнал машинисту: «Остановка!»
Коль он поймёт, то мы ещё живём.

Не будь тогда с винтовкою солдата,
Мы бы взлетели на воздух как один.
И я б не знал всех вас, ребята,
С которыми на флоте я служил.

А через сутки вышел Указ в Союзе
За подписью министра МПС
О той удачной работе с этим грузом
Механика, солдата и КС.

А в одна тысяча девятьсот пятидесятом
Я совершил поступок, но другой:
Ушёл вагон с названием «вагон-лавка»
На станцию Дербент под уклон крутой.

Я машинисту дал сигнал: «Вдогонку!»,
Устроившись на буфере верхом,
Откручивая форкопы потихоньку —
Готовился, чтоб зацепить вагон.

Но вот и всё: стыковка состоялась.
С помощью помощника поднялся я на трап.
В объятьях машиниста оказался.
Видать, Всевышний решил судьбу вот так!

А в том вагоне было много люду,
И в панике кричали все они.
Я эти вопли в жизни не забуду,
Напоминавшие об ужасах войны.

А через день начальник вызывает,
И зачитал мне новенький Указ:
Министр Бещев всех нас поздравляет,
Двойным окладом награждает нас.

А третью Наркомпремию вручили,
Когда мальчонку я от смерти спас.
Это уже под Махачкалою было,
На станции с названием Уйташ.

Мальчонка вёл через пути на выпас
Отару блеющих овец.
Экспресс летел с тревожным свистом,
И все подумали: «Уже конец»!

Меня тогда вдруг что-то подтолкнуло,
И я рванул к мальчику стрелой.
Его с путей всем корпусом смахнул я.
В кювете оказался он со мной.

Но тот экспресс всё ж остановился,
И все сбежались посмотреть на нас.
А машинист — тот радостно крестился,
И слёзы радости текли из глаз.

Мальчонка тот был сыном нач. вокзала.
И жил он там на этаже втором.
Когда вся эта заваруха стала,
То все сбежались, и мать его с отцом.

Услышав плач и вопли мальчугана,
Отец не стал к ребёнку подходить.
В толпе людей меня искал он,
Чтобы спасителя благодарить.

Меня терзал он, в объятиях лобзая,
И слёзы радости ручьём текли.
И он с толпы супругу подзывая,
Просил её устроить всем пикник.

Но а пикник тогда не получился:
Через пять минут мой поезд шёл на юг,
Как будто там ничего и не случилось.
Аж через год мы встретились вдруг.

Когда меня на службу призывали,
Был пир горой, и в тот момент,
Как кто-то наши двери открывает —
Отец мальчонки нам привёз презент.

Привёз он нам готового барана
И ящик водки с пивом пополам,
И говорит: «Коль это будет мало,
Ему Господь пошлёт за то, что сделал нам!»

1958 г.

* СК — старший кондуктор

** МПС — Министерство путей сообщения

*** ВВС — военно-воздушные силы

Цхалтубо

О твоей красоте очень много наслышан,
Долго грезил мечтой, чтобы здесь побывать.
Что родник твой, Цхалтубо, здоровьем насыщен,
Может силой волшебной людей исцелять.

Как ступил я на землю великой Колхиды,
Той осенней порой, в золотом сентябре.
Где с балконов дворцов твои прелести; видны,
Ранним утром, особо, когда на заре.

Очень редко найдешь уголок в этом стиле,
Я без лести скажу на Российской земле,
Пусть живу далеко, за многие мили,
В Дагестане своем я спою о тебе.

Если, скажет мне кто хоть словечко плохое,
О грузинской земле у меня на дому.
Я проклятье пошлю им от сердца такое:
«Пусть отрежет язык «боже» сразу тому».

И Цхалтубо мне стал, будто некий волшебник,
Утонувший в садах небывалой красы.
Возведенный в горах, словно божий наследник,
Что оставил во мне нежный шрам полосы.

И я честно скажу, хоть трясите мне душу,
Я с любовью скажу о грузинской земле.
Этой старой любви я нигде не нарушил,
А теперь та любовь моя стада вдвойне.

1987 г., курорт Цхалтубо, санаторий «Тбилиси»

Чайка

Отбившись от маленькой стайки,
Зад пенистой мощной волной.
Кружилась усталая чайка,
Вернуться мешал ей прибой.

Предвестницы ясной погоды,
Не видно почти над водой.
Слабеющей птице голодной,
Ей смертью грозился прибой.

Но вдруг захлестнуло волною,
И бросило вдаль от себя.
За голой зеленой скалою,
Безжизненной чайка была.

Меня непогода застала,
С собакой сидел под скалой.
Она, как и я наблюдала,
За горькою птичьей судьбой.

Собака скулила, визжала,
Ей как-то хотелось помочь.
Но пена с волною мешала,
Швыряя от берега прочь.

И сила живого инстинкта,
Собаку туда поманив.
Рванула со скоростью спринта,
В тот маленький тихий залив.

Я тоже метнулся за нею,
Про бурю и дождь позабыв.
Одежды своей не жалея,
Которую вмиг замочил.

Об камень ударилась чайка,
Ей смертью он угрожал,
На выручку прыгнула лайка,
И нежно зубами поймал.

А чайка за псом наблюдала,
Не в силах уж больше взлететь.
Свободным крылом не мотала,
Чтоб в острых зубах уцелеть.

И как все устроено в мире,
Собака же хищной слыла,
Но жалкую птицу так мирно,
Рискуя собою, спасла.

Ко мне принесла, положила.
Пока та в себя не пришла.
Сочувственно, тихо визжала,
И чтоб не спугнуть, отошла.

Но чайка недолго лежала,
Взмахнула для пробы крылом.
Затем подняла и другое,
Вдруг силу почувствовав в нем.

Поджав свои тонкие лапки,
Пружинистый сделав толчок.
Теперь, испугавшись, собаки,
Взметнулась ввысь, наутек.

Но лайка не все понимала,
Зачем же птенцу улетать.
Неужто за это спасала,
Не смея чуток поиграть.

Но чайка тут вскоре вернулась
Как будто вину поняла.
В воде еще раз окунулась,
Нам низкий поклон отдала.

1954 г.

***Частушки для ведущих передачу
«ИГРАЙ ГАРМОНЬ» братьям
Заволокиным Александру и Геннадию***

Я признаюсь по секрету:
Вы зажгли во всех огонь.
Готов слушать до рассвета,
Передачу про гармонию.

Полюбилась передача,
Все солисты хороши.
Она схожа не иначе,
Как на ту: «От всей души».

Чтоб увидеть одним глазом,
Я пешком идти готов.
Жаль, что нету на Кавказе,
Заволокиных братьев.

И душой со всею чистой,
Попросить хотел бы вас:
Всю плеяду гармонистов,
Привозите на Кавказ!

В Дагестане есть немало,
И поэтов, и певцов.
Вот таких нам для начала,
Не хватает молодых!

А закончу я куплеты.
Не к тому, что нету слов.
Я ведь с Родины поэтов,
Как Гамзатов и Швалёв.

1975 г. Дербент

Человек и книга

Книга дольше живет человека,
Пусть он даже, хоть сколько прожил.
Его путь исчисляется веком,
Остановка у темных могил.

Но, а книга идет по наследству,
Продолжая свой жизненный путь.
От старейшин доходит до детства,
И от деток до старческих рук.

Пусть на полке лежит позабытой,
Да и пыли покроется слой.
А, коснись к ней, рукой деловитой,
И окажется снова живой.

Человек, коль усоп, позабытый,
Одноразовый он существо.
Но, а книга его - долгожитель,
Будет славить вовеки его.

1972 г.

Человеку, прожившему жизнь достойно

Если мужчина построил свой дом,
Значит, и жил он лишь только умом.
Если и дерево сам посадил,
Значит, всегда благородным он был.

Если мужчина детей народил,
Значит, он родину сильно любил.
Если он их до конца воспитал,
Значит, вложил он большой капитал.

Если мужчина слово сдержал,
Значит, его не напрасно давал.
Но если слова он на ветер кидал,
Значит, он тяжести в жизни не знал.

Все в совокупности качества эти,
Мать нам дала, чтоб мы жили на свете.
Будь то девчонок иль сыновей,
Мать породила с утробы своей.

Маму ведь тоже мать родила,
Значит, все это природа дала.
Давайте тогда все природу любить,
Чтобы могла нам всем радость дарить.

Вот так узнавали людей в старину,
Когда отправляли мужчин на войну.
Он и в разведке там будет молчать,
Да и под пыткой не будет кричать.

Все эти качества в нас, в человеке,
Это богатство! Вы слову поверьте.
Оно по наследству детям давалось,
Если все это сберечь удавалось.

И наши потомки будут сердечно,
Как эстафету нести бесконечно.
Детям и внукам своим отдавать,
Так воспитала нас Родина-мать.

Я говорю вам о личном портрете,
И у меня нет другого на свете.
Если с портретом вот этим согласны,
Значит, и жили вы все не напрасно.

Ведь ваши родители были такими,
Коли вы дружбу отцов не забыли.
Жили всегда вы все по соседству,
Горе чужое восприняли к сердцу.

Вот и сейчас мы собрались все вместе,
Это как дружба парнишки с невестой.
Дань уважения пришли мы отдать,
Так воспитала еврейская мать.

Вот так, дорогие, нам надо всем жить,
И будем когда мы друг друга любить.
И это увидев, враги не посмеют,
Войною напасть, что их враз одолеют.

1999 г. Сдерот

Юный доброволец

*Посвящаю женщинам, не дождавшимся
с фронта своих мужей и сыновей (1961 г.).*

Его так долго на войну не брали,
Но он пошел уставу вопреки.
Он и не думал гнаться за медалью,
Ведь там уже сражались старики.

Война была, как говорят в разгаре,
С фашистом дрался каждый, кто как мог.
Там были наши, чехи и болгары,
И каждый шёл отдать свой личный долг.

Вот добровольцам выдали мундиры,
Ему ничто по росту не нашлось.
С него смеялись даже командиры,
Из-за того, что маленький был рост.

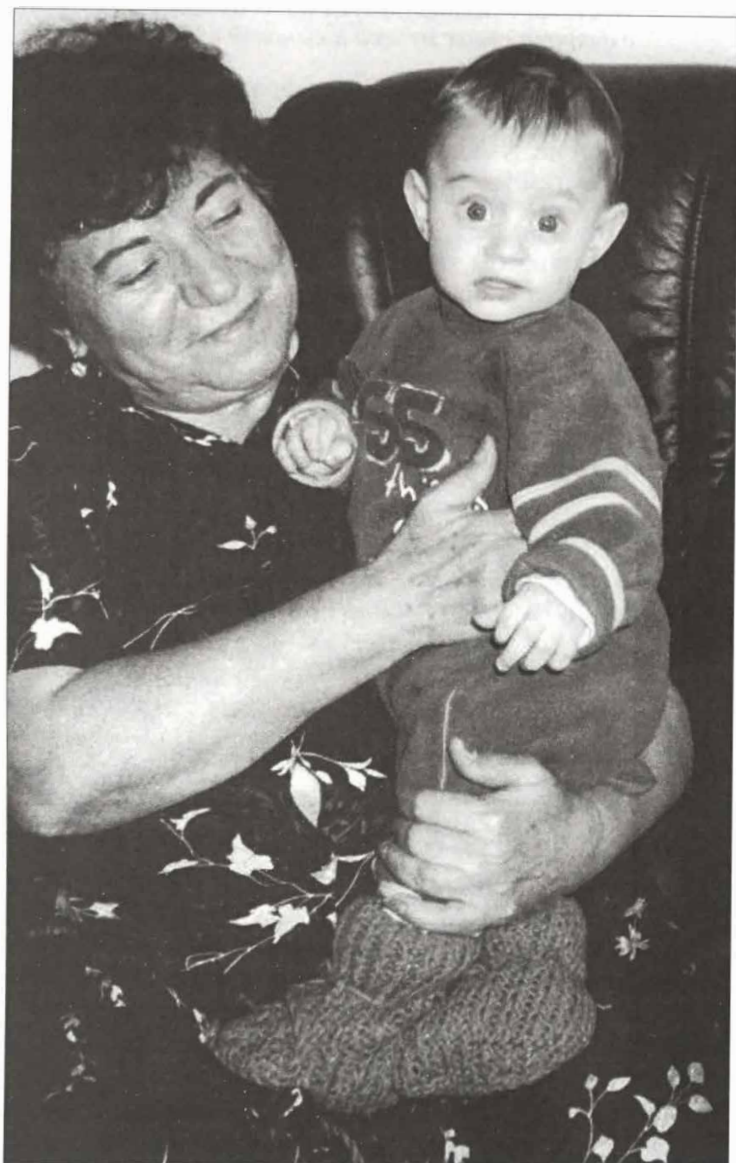
Но, как известно, байка та гласила,
Что дорог всем нам малый золотник.
А мать шла рядом, горько голосила,
И он, юнец, головкою поник.

Не плачь, маманя, нежно глядя руку,
Он говорил ей, подбирая шаг.
-Я изучу военную науку,
Чтоб защищать наш, маменька, очаг.

И полетели дни, как будто птица,
А мать все ждет, хоть весточки какой.
Вдруг почтальон как будто небылицу,
Вручил газету старенькой рукой.

А там портрет на целую страницу:
Подняв винтовку маленькой рукой,
Ее сынок солдат вел вереницу,
Всех, поднимая, звал на смертный бой.

Вот все: седины, боль и старость,
Да вот газете «Красная Звезда»,
От той войны что матери, осталось,
На долгие и горькие года.

Супруга Зинаида Навахова и правнук Владимир

ПОСВЯЩЕНИЯ

***Алексею Дмитриевичу Навахову —
внуку и «отцу» нашему посвящается***

Часы стучат, а стрелка мчится.
Ежесекундно стареет всё вокруг.
И не успеешь в мыслях отлучиться,
Исчез виток у жизни вдруг.

Из тех витков слагаются минуты
И превращаются в часы.
И очень жаль мне стало почему-то.
Зачем же так торопятся часы.

Уходит время прямо в бездну
И безвозвратно, навсегда.
И даже думать бесполезно,
Зачем приходим мы сюда?

А вот в природе очень просто:
Цветок расцвёл и тут же сгнил.
Мы хоть живём порою до ста,
А он неделю не пожил.

Желаю людям всем на свете
Беречь минуты и года.
Жизнь человека на планете
Вспять не вернётся никогда.

А ты, на зло природе, внучек,
Живи, блаженствуй дольше всех.
В финансах, здравии будь круче.
И чтоб сопутствовал успех!

2002 г. Сдерот

***Алеше Якубову - поэту Дагестана
посвящается***

Вчера я слышал новые стихи.
И что мне странно показалось:
Где в них изложены грехи,
И нас сидящих всех касалось.

Поэт читал так тихо, не спеша
«Души прекрасные порывы»
С чего аж плакала душа
И очень долго сердце ныло.

Порой они ласкали слух людей,
Что на какое-то мгновенье
Меня строкой пронизывал своей,
Где получил любовное раненье.

В своих стихах, он рядом шел со мной,
Видать дорогою похожей.
Но лишь не знал, какую он тропой,
А я ведь шел почти такой же.

И вот сегодня встретились мы
В конце пути мытарствий наших,
И, видимо, иронией судьбы
Не повстречались мы пораньше.

И я доволен случаем таким,
Что приглашён на вечер званный.
И, кажется, судьба свела нас с ним
На сей Земле Обетованной.

1998 г., Сдерот

«Бывшие»

*Написал в день памяти об Ю.В. Андропове.
Февраль 1993 г.*

Откуда это прозвище взялось?
Кто нас позорно «бывшими» назвали?
Не дай, Господь, такое, чтоб сбылось,
Чтоб нас буржуйам снова всех отдали.

А началось всё это из верхов,
Кто партбилеты отдали без чести.
Они сей термин, заняв у врагов,
И предав нас с Союзом скопом вместе.

Кому угодно было это все?
Давайте мы оглянемся подумав.
И вспомнив, как, какое-то дерьмо,
На съезде эту подлость надоумил.

Как к микрофонам рвались на пролом,
Забыв про часть и даже этикетки.
Судьбу народов за хмельным столом,
Скомкали так же, как и партбилеты.

И сколько можем мы таких терпеть?
Как злату вошь, на шее их таская
Они же стали уж совсем наглеть,
Наказам нашим даже не внимая.

Пройдет еще быть может год и два,
Они подбросят новые задачи.
А мы влачиться будем лишь едва,
От президентской нищенской подачки.

Бывали дни, дозвонишься в горком,
Что газу нет, и дети голодают.
Там нерадивых сразу на партком,
И виноватых с места убирают.

Теперь к кому ты с жалобой пойдешь?
Кругом одна коррупция, безвластье.
Хоть все пороги лично обобьешь,
Коль нет Советской «бывшей» власти.

И вот сидишь и думаешь о там:
Какую ждать нам всем еще подлянку?
И вспоминая нежно про Горком,
Ох, сколько нам тянуть такую ляжку?

Великий вождь

*К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина.
22 апреля 1970 года*

Окинув мир, как солнца луч
Вперед в века он посмотрел,
Царизму был грознее туч,
Свободой был его удел.

И титаническим трудом,
Сберег народ от экзекуций.
И был уверен, что вот в нем,
Зажег он пламя Революции.

Освободив от всех страданий,
Он жизнь народам посвятил.
И все исполнились желанья,
Горят огни его светил.

Но кто не знает имя это,
И черный, белый, стар и мал.
Его узнала вся планета,
Октябрь Ленина назвал.

1969 г. Дербент

Зинаида и Евгений Наваховы

Золотая свадьба, 53 три года вместе

Верной супруге

Покричи над моею могилой,
Когда будут ее засыпать.
Голос твой и родной, и любимый,
Среди всех я смогу распознать.

А когда все засипят могилу,
Разойдутся, забудут меня.
Навести ты меня, хоть я сгину,
Ведь я все же лелеял тебя.

А вернуться к тебе мне обратно,
Не поможет с могилы никто.
Это даже усопшим понятно,
А живым это ясно давно.

Пусть не все свои годы со мною,
Прожила ты, как в сказке, сказать,
Я в душе грезил только тобою,
Хоть на людях не мог показать.

Не ходи на могилу ты часто,
Не спеши ты в объятья мои.
Поживи для детей сладострастно,
Я согрев тут камни твои.

Хоть задержка твоя будет в тягость,
Принесешь ты мне радость с земли.
А за верность твою в благодарность,
Протяну тебе руки свои.

1964 год

Внучке Анне Сергеевне посвящается

Вот четверть века пролетело
Со дня рождения на свет.
И мама с папой поселили.
Про деда с бабой слова нет.

Вчера как будто бы девчонкой
Играла с куколкой своей.
Теперь своих уж два ребёнка
Растишь ты с доченькой моей.

Она ведь тоже, как и все вы,
Такой же раннею была:
Мы оглянуться не успели,
Как стала бабушкой она.

Ну, а тебе до своей мамы
Ещё ведь долго надо жить.
Взрастишь сыночка и Алину,
Ну, а потом уже женить.

Не торопись галопом время
От себя прочь кнутом погнать.
Оно само уйдёт со временем,
И бабкой станешь, как и мать.

Ну, а пока живи, блаженствуй.
Будь умной, сильной, как атлет.
Как папа с мамочкой счастливой
И проживёшь сто двадцать лет!

2008 г., Сдерот

Внучке Елене Дмитриевной Наваховой

Дорогая внучка Лена,
Шлем тебе большой привет.
Чтоб жила ты непременно,
Ровно, ровно сотню лет.

И была красивой, стройной,
Ну, как мамочка твоя.
Чтобы правильной дорогой,
Жизнь всегда вела тебя.

Будь всегда веселой, нежной,
Бескорыстною для всех.
Чтобы в жизни безмятежной,
Лишь сопутствовал успех.

Никогда не зазнавайся,
В этой жизни непростой.
И почаще улыбайся,
Даже сложною порой.

А как вырастишь большую,
Будем мы уже стареть.
Ты люби нас всей душою,
Вот, как мы тебя теперь.

Ведь на свете непременно,
Знай ты это наперед.
Что со сменой поколений,
Старость к ним всегда придет!

1998 г.

***Внуку моему
Василию Сергеевичу Афанасьеву
К 14-летию***

Пусть небольшой и нестепенный,
Тобой уже проделан путь.
Но в этой бурной жизни пенной,
Себя успел ты окунуть.

Познал немало ты по-детски,
Всего на жизненном пути.
Аплодисментов даже всплески,
Успел себе приобрести.

Похвал и взбучек доставало,
И всхлипов, маленьких обид.
И все за этот срок немалый,
А ты лишь начал только жить.

Но я уверен, что как прежде,
Отцу и матери своей,
Ты будешь радостью, надеждой,
Да и немножечко добрей.

Желаю быть тебе счастливым,
И жизнерадостным всегда.
И чтобы всеми был любимым,
И не болея никогда.

Забудь про детские капризы
И стань достойным, волевым.
Чтоб никакие стрессы в жизни,
Тебя унижить не смогли!!!

1992 г.

**80-летию писателя
Миши Бахшиева посвящаю**

Я помню, будучи мальчишкой,
Попала в руки как-то мне.
Его написанная книжка,
Еще в ту пору о войне.

Он в ней писал, когда на фронте,
Сплотившись люди в монолит.
На суше, в небе и на флоте,
Стеной стояли, как гранит.

Там были строки боевые,
Не стану все перечислять.
Как наши парни молодые,
Ушли Отчизну защищать.

Где на фронтах бывали; Райкин,
И Бернес песни пел для всех.
И юный Ойстрах, Жора Малкин,
Дарили фронту радость, смех.

И люди разных вер и наций,
Раскрыв душевных закрома.
Не только слыли от оваций,
И от великого ума.

И им воспеты все герои:
Герой войны, Герой труда.
И малолетние герои,
Не счесть которых никогда.

Его заслуги все мирские
За жизнь одну не перечсть.
Должны гордиться мы отныне,
За его славу и за честь.

За весь народ наш многоликий,
Воспетый строчкой от души,
И за талант его великий,
Мы будем чествовать Миши!

1985 г.

***Правнуку нашему,
Навахову Евгению Алексеевичу,
посвящается!***

А свято место пусто не бывает,
Глаголет текст пословицы одной.
Когда один из клана убывает,
То его имя носит уж другой.

И вот сегодня, декабрь дня восьмого
Рождён в Беер-Шеве правнук у меня.
По телефону внук сказал такое,
Что появился тёзка у тебя.

Я очень рад такому извещению,
Что появилась копия моя.
Навахов Алексеевич Евгений —
Есть продолжатель рода у меня!

Да не иссякнет этот род во веки,
И этому задаток уже есть,
Что в этот год выходит сборник в свете,
И он займёт одно из главных мест.

Люби ты, правнук, всех и вся на свете,
И чтоб тебя бы также свет любил,
Чтоб мир царил на всей планете,
И ты, как я, достойно век прожил.

Живи, блаженствуй, будь счастливый
И умный, сильный, как атлет,
Как папа с мамочкой красивым
И чтобы жил сто двадцать лет!

9.12.2007, г. Сдерот

***Внуку Сёме от деда Жени
к 20-летию посвящается***

Ты двадцать лет своих отроду,
Азы морские изучил.
Познал, и шторм, и непогоду,
Диплом отличный получил.

И как моряк, я Черноморский,
Питавший к морю много грёз.
Через пролив, ты мне Босфорский,
Чтоб в память мичманку привёз.

И чтобы в рейсе, очень длинном,
Моря, твой Крейсер бороздил,
Фарватер был всегда без минным,
В порты родные заходил.

Семь футов будет пусть под килем,
Но без готовности «Один».
И чтобы враг, пустивший мину,
В корабль твой не угодил.

А вот, когда, свой срок отслужишь,
Морскую честь не замарав.
Меня ты стареньким увидишь,
Чтоб был ты в чине – АДМИРАЛ!

*Бывший моряк черноморского флота
мичман Навахов Евгений Алексеевич.
Ныне пенсионер.*

Сдерот, Израиль. 24.07.2002 год.

Герой Труда

*Посвящая герою Социалистического труда
Огинского стеклозавода стекловару
ГЕБЕКУ НАСРУЛЛУАЕВУ*

Коль едешь к югу из столицы,
И все, что встретишь впереди.
Ты пролетишь на чудо птице,
Все, оставляя позади.

В пути нам встретятся тоннели,
Шумящих, стройных тополей.
Каналы, собранных с панелей,
Сулакский пленник в них ручей.

Направо глянешь - сена груды,
Налево тут стоит каскад.
Гудят дымящиеся трубы,
Манасский здесь песчаный склад.

И в белой силикатной пыли,
Стоит побеленный завод.
У стекловаренной машины,
Гебек стоит, стекло дает.

Но с чем сравнить сей труд мозольный?
Конечно, с битвою труда.
Идет стекло вагонами оконное,
В конечном счете - поезда.

И если землю обмотать,
Народу данного стекла.
Стеклянным мог бы шарик стать,
Что дал Гебек, Герой труда.

Хоть постарел наш друг - герой,
Но не отходит от машины.
Вокруг него ребячий рой,
Собрались, как на именины.

Пройдет с десяток, может, лет,
Уйдут на отдых старики.
Другой появится Гебек,
Ушедшей славе вопреки.

1972 г. Огни, Дагестан

***Варварушке - внучке
ко дню бат-мицва!***

Варя миленькая, здравствуй!
Внучка милая моя.
Мы собрались, чтоб поздравить,
С днём рождения тебя.

Ты живи наша родная,
Долго, долго - не болей.
Да другого дня рожденья,
Будь здорова, веселей!

Тебе вчера было двенадцать,
Осмелюсь всем я доложить.
Мы пожелаем все сто двадцать,
И в полном здравии прожить.

И, чтобы воин, бед не зная,
Цвела на жизненном пути.
В стране великого Израиля,
Смогла ты счастье обрести.
Аминь!

2002 г.

***10-летию создания клуба ветеранов
Великой Отечественной войны
посвящается***

*Вот, прошло уже почти 60 лет, со дня окончания
самой зловещей войны на земле, которая унесла более
50 миллионов человеческих жизней со всей планеты.*

Мы собрались здесь на этот вечер,
Чтоб отдать почтение свое.
Зная, что и время словно ветер,
Нас примчит в другое торжество.

Десять лет, как птица пролетели,
Многих уже нету среди вас.
Остальные сильно поседели,
Но не покидают свой матнас.

Я желаю вам всем, ветераны,
С доблестью несите этот груз.
Здесь у вас залечатся все раны,
Чтобы был бы вечен ваш союз.

Живите, пойте, наслаждайтесь!
И будьте здоровы, как атлет.
На возраст свой не обижайтесь
И проживете сотню лет!

2000г., Сдерот

*Дорогим папе и маме
к юбилею и к Золотой свадьбе*

За красивым праздничным столом
Вы сидите, как жених с невестой.
Для любви, что мы для вас храним,
В этой жизни ей не хватит места.

Милые родители мои!
Нежно вас и крепко обнимаю.
С юбилеем вашим Золотым
С мишпахою всею поздравляю.

Я хочу, чтобы у вас глаза
Радостно и молодо сияли.
И в любимых правнуках всегда
Вы себя почаще узнавали!

2007 г., Сдерот

г. Сдерот, улам «Мария», 75-летие и Золотая свадьба

***Дорогому сыночку
Владимиру Евгеньевичу Навахову
посвящаю к 20-летию***

Ты родился на свет в ту осеннюю пору,
В ясный солнечный день, в золотом сентябре.
Мы в семейном кругу разразились спором:
Что за имя тебе подарить на заре.

И пошел сыр да бор между дедом и мною,
Не хотел он своё имя заживо дать.
И махнул я тогда своей резко рукою,
И решили тебе имя вечности дать.

Сорок дней между тем разделяли события,
День рождения твой ото дня Октября.
Вспомнил имя Вождя, это было открытие,
И Володей тогда мы назвали тебя.

И ты должен беречь то для всех дорогое
От пороков земных, это имя Вождя.
В постоянном долгу перед ним мы, не скрою,
Пусть обяжет навек это имя тебя.

1987 г.

***Дорогому зятю
Афанасьеву Сергею Алексеевичу
к 40 летию***

Букет изысканных напитков,
Пусть красит взор твоих очей.
И пусть такие только пытки,
Бывают у твоих друзей.

Тебе недавно тридцать девять,
Сравнялось, вроде бы вчера.
Мы оглянуться не успели,
Как сорок лет справлять пора.

Хоть разменял уже и пятый,
Десяток жизни на земле.
Я пожелаю, чтоб десятый,
Ты мог прожить ну как во сне.

И чтобы воин, бед не зная,
По жизни скромного труда.
Ты шел и пел, не унывая,
Во все оставшиеся года.

Да пусть умножит твои годы,
Всевышний щедростью своей,
Запрятав беды и невзгоды,
Внимая гостям всех друзей.

А мы его еще попросим,
Чтоб он из тех небесных смет.
Забрал те сорок и отбросил,
И выдал чек на сотню лет!

1991 г.

***Дедушке Жене —
в день рождения от внуков***

Поздравляя с днем рождения,
Как на празднике своем.
В честь родного деда Жени,
Мы вам песенку споем.

Ты живи, наш деда Женя,
Долго, долго, не болей.
До другого дня рождения,
Будь, здоров и веселей.

Будем весело и дружно,
Мы для дедушки плясать.
Потому что ему нужно,
Настроение поднять.

Деду нашему ведь только,
Мы откроем вам секрет.
Коль добавить еще столько,
Будет только сотня лет.

1982 г.

הכנסת
KNESSET

MEMBER OF KNESSET
YOSEF SHAGAL

חבר הכנסת
יוסף שאגל

Г-ну ЕВГЕНИЮ НОВАХОВУ

Уважаемый Евгений!

Искренне и сердечно поздравляю Вас с 75-летним юбилеем! Как человек, который сам имеет некоторое отношение к литературе, скажу Вам совершенно искренне: тот факт, что Вы являетесь одновременно Заслуженным поэтом и России, и Дарестана означает, что Ваш талант и Ваша способность проникать в глубины человеческих сердец подтверждены и зафиксированы людьми, покоренными Вашим творчеством.

Желаю Вам творческого долголетия!

Что же касается долголетия биологического, то Вы, в этом плане, совсем еще юноша – до ста двадцати Вам еще жить и жить, радуя свою семью, друзей и поклонников Вашего таланта!

Примите мои самые сердечные поздравления с 75-юбилеем!

Искренне Ваш

Йосеф Шагал

*Дорогому внуку
Алексею Дмитриевичу Навахову*

Леша, внучек наш любимый!
Ты же папа наш родной.
Мы семьей одной единой,
Шлем тебе привет большой.

И от всей души желаем,
Чтобы в школе и в дому.
Был бы всеми уважаем,
Верен долгу своему.

Кому брат, кому сыночек,
А нам внучек и отец.
Чтобы рос ты, как цветочек,
Был здоровым, как борец.

Пусть всегда твои успехи,
Только радуют семью.
Постарайся без огрехов,
Жизнь налаживать свою.

А когда ты станешь взрослым,
Не забудь где старики.
Пусть характером несносным,
Будут выглядеть они.

Никогда не обижайся,
Что ворчливые они.
Только чаще улыбайся,
Вспомнив шалости свои.

Ибо дети с пожилыми,
Как с покон веков велось.
Были вечно шаловливы,
Надоедливы до слез.

Вспоминая ваше детство,
Как бы образно сказать.
Сколько мы терпели бедства,
Чтоб вас на ноги поднять.

Мы терпели бой посуды,
И в шкафах переворот.
Бабка шлепнет безрассудно,
Ну а дед наоборот.

Правда, было очень жалко,
Вещи новые терять.
Бабка тянется за скалкой
Деду было наплевать.

И не мы одни такие,
Не жалели ласки, средств.
Чтоб вас вырастить большими,
Рады были до небес.

Вот вы как росли, родные,
Внуки милые мои!
Ну ведь вроде не чужие,
Чтобы нас забыли вы.

Не забудь внучок любимый,
Вспомнить нас на посошок.
Прочитав не очень длинный,
Вам написанный стишок.

Может он тебе напомним,
Детства радостные дни.
Если ты о нас не вспомнишь
Знай, не вспомнят и твои.

1990 г.

***Дорогой доченьке
Анжелике Евгеньевне***

Лишь только брызнет луч рассвета,
А домочадцы крепко опят.
Ты у кастрюль стоишь одета,
Что вкусным запахом манят.

И лишь к работе всех разбудишь,
И стол уже почти накрыт.
А ты все мечешься, колдуешь,
И можешь завтракать забыть.

Ты вечно крутишься, как белка,
лишь не хватает колеса.
Пусть не ржавеет твоя стрелка,
На нержавеющей часах.

1976 г.

***Елене Дмитриевне —
нашей старшей внучке к 30-летию***

Ведь тридцать лет не так уж много,
Да и немало, честно говоря.
Третью века пройдена дорога.
Двое детей, и жизнь прошла не зря.

И дети уж не маленькие крошки,
А полнокровные девушки уже.
Нам остаётся подождать немножко,
Как они сами найдут себе мужей.

И ты уж станешь молодой бабулей,
Ещё моложе, чем бабушка твоя.
Ведь молодёжь выходит замуж пулей,
И невзирая проблемам бытия.

Не ты одна наделена сей долей
Сначала мамой и бабушкою стать.
Пусть дети жизнью наслаются вволю,
Но чтобы им «касамов» не видать.

Желаю всем вам радости и счастья,
И чтоб ничем серьёзно не болеть.
И чтобы в жизни Яночка и Настя
Смогли невзгоды все преодолеть.

И чтоб семья твоя была большою,
Скажем такой, примерно, как у нас.
Нас с бабой Зиной сначала было двое,
Ну а теперь уж тридцать стало нас.

Пусть будет мир на всей планете,
Чтоб никогда вам воин не видать.
И чтобы каждый отмечал столетье,
А в жизни был покой и благодать!

2008 г., Сдерот

Женщинам ко Дню 8-го Марта

Приглашение

Дорогие наши дамы,
Как девчонки, так и мамы.
Все работы отложите
И на праздник приходите.

Этот день для вас свободный,
А точнее международный.
Дома можно не трудиться
И на праздник свой явиться.

Потому что все мужчины
Могут даже в вашу честь,
Как на ваши именины,
И сготовить, и поесть.

***К 4-й годовщине совместной жизни
сына Вовы и Леночки***

Четыре года уже совместно,
Прожили вы как муж-жена.
И только Б-гу лишь известно,
Какая доля вам дана.

А доля ваша вот такая:
Могу заране предсказать.
Чтоб была свадьба золотая,
И бриллиантову сыграть.

И чтобы в доме вашем было,
Детишек много, как в яслях.
И внуки правнуки ходили,
Ну скажем так: на головах.

Желаем вам, без всякой боли,
Совместно сотню лет прожить.
Желаю детям лучшей доли,
А также правнуков женить!

2002 г. Сдерот

К серебряной свадьбе Серёжи и Анжелы

Вот четверть века пролетело,
Со свадьбы вашей, пышной той.
И нам бы с мамою хотелось,
Дожить до свадьбы Золотой.

И посмотреть на радость с боку,
Как вы все будете плясать.
Ведь с нас уже не будет толку,
Чтоб это счастье поддержать.

Но мы и этим будем рады,
Своим присутствием на них.
А это больше, чем награда,
Веселье правнуков своих.

Ну, а пока, живите дружно,
Да не болейте никогда.
Пляшите, радуйтесь, коль нужно,
И не взирая на года.

Чтоб был достаток в доме вашем,
И смех и плачь своих детей.
Не забывайте предков наших,
И всех нам родственных людей.

И чтобы воин, бед не зная,
Цвели на жизненном пути.
В стране Великого Израиля,
Смогли б вы счастье обрести.

2002 г., Сдерот

Когда мужчины плачут

*Посвящается другу, наставнику моему
Абдулу Раджабовичу Раджабову,
члену Союза писателей СССР*

Очень редко увидишь на свете,
А особенно горских мужчин,
Чтобы плакали так, словно дети,
На могиле своих иль чужих.

Здесь лишь дети заплачут над теми,
Кто родил их на сей белый свет.
А мужчины стоят, словно тени.
Может, есть у них некий секрет?

Но, а я не могу удержаться
Над могилой друзей и братьёв,
Может, грех мне мужчиной считаться?
Иль я сердцем совсем не здоров?

Может, вёл я себя недостойно,
На могиле рыдал, как дитя?
Ведь не мог перенести я спокойно,
Покидая навеки тебя.

1986 г., г. Огни

К сватовству

Дети наши, прежде чем жениться,
Друг о друге что-нибудь узнать,
Здесь решили просто обручиться,
Чтоб друг друга суженым назвать.

А скрепляет пару не словечко,
За углом что можно обещать,
А вот это круглое колечко,
За поступки чтобы отвечать.

Хоть кольцо не путы, не оковы,
Чтобы пару вместе заковать.
Если парень будет бестолковый,
И кольцом союз не удержать.

Или, скажем, девушка не будет
Требованиям общим отвечать.
Парень эту девушку разлюбит,
И кольцом союз не удержать.

Намеренья ваши всем понятны.
Будем лишь на разум уповать.
Вы бы здесь нам дали клятву,
Чтоб кольцо назад не возвращать.

Клятву эту примем за основу,
За обдуманный, единый шаг.
Чтобы ту венчальную корону
Сохранить, как собственный очаг.

Чтобы все напутственные речи
От родных, и близких, и друзей
Водрузили вы на свои плечи
И несли до старости своей.

Мы вам, дети, только пожелаем:
С доблестью несите этот груз.
Радости и здоровья желаем,
Чтобы вечен был бы ваш союз.

1999 г., Сдерот

Молодожёнам

Вы, как два голубя сегодня,
Спустились с неба свить гнездо.
И это стало нынче модным -
Справлять вот так вот торжество.

Собралась здесь на этот вечер
Вся родословна Мипшаха,
Чтоб радость общую отметить,
Как взрослый, так и детвора.

И этот день у вас сегодня
Как у ребёнка первый шаг.
И пусть всегда он будет твёрдым,
Да и уверенным всегда.

Шагайте в жизни чётко, смело
И не сходите вы с пути.
Какая б хворь не одолела,
Пусть будет вам легко идти!

До той конечной остановки,
Которой старостью зовем.
И без ремонта и поломки
На финиш свой пришли вдвоём.

Ну, а пока что веселитесь,
Танцуйте, пойте, как и мы.
Почаще только лишь плодитесь,
Чтоб в мире не было войны!

И чтобы горя, бед не зная,
Цвели на жизненном пути.
В стане Великого Израиля
Смогли б вы счастье обрести.

А вам я, гости дорогие,
Хочу одно лишь пожелать,
Чтоб вы всегда здоровы были,
И был бы повод погулять.

1998 г., Сдерот

Молодожёнам

Стремились вы бежать из детства,
Чтоб стать девицей, молодцом.
От вас года умчались бегством,
Пора быть мамой и отцом.

Закон любви, как сильный дождик,
Ничем нельзя остановить.
Вам до ста лет желаю дожить,
И много деток народить.

И чтобы дети ваши, внуки,
Могли б с гордостью сказать.
За ваши трепетные руки:
Спасибо вам отец и мать!

А войны вам пусть только снятся,
После романов и кино.
Учите петь детей, смеяться,
На сколько жить будет дано.

Судьбе своей вы покоритесь,
Пусть будут нежными уста.
Родным своим вы поклонитесь,
Любите, нежьте лет до ста.

А вам друзья я пожелаю,
Приятно кушать, в меру пить.
Веселья, здоровья желаю,
Позвольте чарку осушить!

1972 г., Дербент

Молодоженам

Вот я пришёл на свадьбу вашу,
Хочу одно вам пожелать:
Не забывайте радость нашу,
Живите в мире лет сто пять.

Желаю также много деток,
И внуков, правнуков иметь,
Чтоб были сыты и одеты,
И гордо на люди глядеть.

Ещё одно вам пожелаю:
Не забывайте мать, отца.
Без них нам счастья не бывает,
Любите, нежьте до конца!

А вам друзья, я пожелаю,
Приятно кушать, в меру пить.
Веселья, здоровья желаю,
Позвольте чарку осушить!

1967 г.

Молодожёнам

Вы родились на свет далеко от Святыни,
Да и детство прошло на чужбине вдали.
А, приехав сюда, вы уж стали большими,
И, взрослея, мужали на радость семьи.

И как вам повезло, наши детки родные,
Что венчаетесь тут на Святейшей Земле.
Хотя вы и не артисты большие,
И тем более ещё не кумиры страны.

Но, а главное то, что вы тут создаёте
Свой очаг и семью, словно птицы гнездо.
И надеюсь, что вы до седин доживёте,
И пополните здесь Государство своё.

И пусть будет у вас много деток красивых,
И чтоб Боженька их всех умом наделил.
Да и старость у вас была также счастливой,
Как теперь на балу среди близких, родных.

Желаю быть тебе любимой,
Любимым мужу твоему.
И пусть семья будет счастливой,
Живите в мире, по уму!

А вам друзья я пожелаю,
Приятно кушать, в меру пить.
Веселья, здоровья желаю,
Позвольте чарку осушить!

1998 г., Сдерот

Моему кумиру
Владимиру Семеновичу Высоцкому

От печали падает слеза,
А у многих издаются стоны.
И от влаги мутные глаза,
У Высоцкого Володи похороны.

Ты навеки стал для всех родной,
Пролетая песней, как мгновенье,
Был при жизни ты совсем простой.
После смерти оказался гений.

Жаль, что поздно поняли тебя,
Не при жизни, а лишь после смерти.
Это только прихоть бытия,
Да и мы со злом смирились этим.

Гласность жаждет, правды не тая,
Ведь народ воздвиг нерукотворный.
Памятник навеки для тебя,
И камня - любви Огнеупорной!

1980 г. Дербент

Маме

В сорок первом году, а точнее в июне,
Шёл открыто фашист, разрушая страну.
В скорой помощи мать увезли чуть живую,
А отец, как и все уходил на войну.

И врачи, торопясь, перед самым рассветом,
Удалили «кисту», сделав всё, что смогли.
Мы с сестрою тогда и не знали об этом,
Что сиротами станем в начале войны.

Подозвал нас хирург, глянул в бледные лица
И сказал он нам тихо: «Везите домой,
Ведь под госпиталь эту отводят больницу,
А ей нужен хороший уход и покой».

И с тех пор день и ночь у её изголовья
Мы посменно вдвоём, как солдат на посту.
Позабыли про сон и про голод, не скрою,
И боролись за жизнь, отгоняя тоску.

И подняли мы мать. Не волшебною силой,
А лишь нежною лаской душевной мольбы.
Не напрасно прошли труды наших усилий.
Это был наш ответ своей верной любви.

Вот года пронеслись, словно птица над крышей,
Я утоп с головой в белой мгле седины.
Лишь порою во сне стоны матери слышу,
И как в сказке прошли эти годы войны.

А теперь эти дни вспоминаю порою,
Хоть прошло с этих пор вот уже сорок пять.
Мне хотелось вернуть только малость, не скрою,
Не военные дни, а лишь только бы мать!

1971 г., г. Огни

***Навахову Дмитрию Евгеньевичу,
нашему сыну к 50-ти летию
посвящается***

Ты прожил полсотни лет,
А с виду точно как атлет.
Видно жизнь прожил ты мило,
Что хвороба не сломила.

За период сей огромный,
Поднял дом, потом хоромы.
Ни к кому не обращай,
Жил ты вволю, словно князь.

Не одну имел машину,
Да без помощи родных.
Делал деньги, словно глину,
И работал за двоих.

И завистников немало,
Было в жизни у тебя.
Но, а ты, плевал на хамов,
Свое дело заводя.

Жил ты скромно, не шикуя,
Обзавелся и семьей.
И трудом своим ликуя,
Вел детишек за собой.

А бывало рано утром,
Обрывая детский сон,
Брал с собою дочь малютку,
Торговать спешил в район.

Не искал ты в ней подмогу,
Брал за то, чтобы она,
Не дала уснуть в дороге,
И членом бизнеса была.

И с таким трудом нелегким,
Бизнес множился семьи.
От старухи до ребенка,
Шили шапки вы свои.

И от рэкетов халявым,
Выходил всегда сухим.
Но делился с ним немало,
Оставался невредим.

А когда страну большую,
Разорили всю дотла.
Ты собрал семью родную,
И приехал к нам сюда.

А теперь ты, слава Б-гу,
Жив, здоров и домик есть.
Растишь внуков понемногу,
В том тебе хвала и честь.

Ты живи себе, блаженствуй,
На еще полсотни лет.
Труд во внуках совершенствуй,
Будь здоров, ну как атлет.

Любимым будь и будь счастливым,
И умным, сильным, как твой дед.
Как папа с мамочкой красивым,
И чтобы жил сто двадцать лет!

2006 г. Сдерот

***Надежде Григорьевне Наваховой
к 45-летию посвящается***

Тебе сегодня сорок пять,
Справляем дружную семью.
И все хотим тебе желать,
Чтобы и в сто была такою.

И чтобы в мире не случилось.
Какой бы не был в нем конфуз.
Тропинка жизни долго длилась,
Крепчал и множился союз.

Союз семьи, детей и внуков,
А также правнуков твоих.
У внучек нянчила, правнуков,
И чтоб все счастье обрели!

2003 г., Сдерот

Правнуку нашему Тимуру Навахову

Вот в это время непростое
Тебе сравнялся только год.
И я уверен, что Золотое
К тебе со временем придёт.

Так пусть тебе Господь поможет
Мужать, крепчать и умным быть,
Да и года твои умножит,
Чтоб в мире, счастье долго жить!

2006 г., Сдерот

***Навахову Евгению —
народному поэту Дагестана***

Я вас не знала никогда
Но раз прочла души творенья.
И я могу сказать в глаза,
Что Вы — Большой поэт,
Без всякого сомненья.
Прочла о горе и слезах,
О тех парнях, что шли под пули,
О людях тех, что навсегда в Отечественной уснули,
Прочла я о Родной земле,
Что жизнь дает и забирает,
Но не нашла нигде,
О том, как люди любят и страдают...
О тема!
Тема о любви,
Ты вечная, как жизнь Вселенной!
Мне интересно,
Как смогли бы Вы... развить ее,
В сей жизни нашей брэнной?
За дерзость Вы мою простите,
Что вызов бросила я Вам...
И как Большой поэт...
Перчатку подберите...

Клейман Жанна

1995 г. Сдерот

А есть ли вообще любовь?

*Ответ на стихи поэтессы Жанны Клейман,
присланные мне из государства Израиль
в Россию в 1995 г.*

Я еще никому о любви не писал,
И о ней не кричу, к сожаленью.
Я бы даже об этом на плахе сказал,
Что писать о любви не умею.

Я могу от души делать людям добро,
Приласкать и щенка, и котенка.
Не могу причинить окружающим зло,
А тем боле обидеть ребенка.

Мне не ведом характер явления иным,
И не мог бы назвать их любовью.
Может я из утробы родился таким,
Что не мог дорожить своей кровью.

Я направо, налево разбрызгал ее,
Не берег я себя ни в какую.
Если кто пожелал войти в сердце мое,
Ему вскрыл бы, как книгу большую.

Разве можно подряд все любовью называть,
Если да, то скажите на милость.
Коли женщина может собой торговать,
Что под каждого сразу стелилась.

И мне кажется это совсем не любовь,
А животная просто потребность.
Коли в ней разыгралась платонически кровь,
Не любовь это — бурная зрелость.

Значит, нету на свете великой любви,
Есть привычка, желанье, влечение.
О подобной любви даже грех говорить,
Ведь такая несет унижение.

Ответ Жанны Клейман

Прочел я ваше нежное посланье,
От всей души за что благодарю.
И появилось скромное желанье,
На всю планету крикнуть: «Я — люблю!»

Хотя в стихах, да и в своих поэмах,
Я от людей все это не скрывал.
Не на словах, как у других поэтов,
А добрым отношением выражал.

Я всех люблю — евреев и узбеков,
И русских, и чеченцев, и грузин.
Лишь потому, что каждый человеком,
От мамочек родился, как один.

А ведь любовь приходит к нам о мамы,
С какой бы нации не была она.
Из этого не надо делать драму,
Лишь потому, что Мать и Земля одна.

А ведь Земля во все тысячелетия,
Была единой матерью людей.
И все кормились ею словно дети,
И не было названия на ней.

А мы, как психи, режемся за Землю,
Да и за нацию, проливая кровь.
Я вот такие жертвы не приемлю,
Ведь к жизни в нас единая любовь.

И кровь одна, у черных и у белых,
Всегда была с покон веков и есть,
Зачем же мы в убийствах тех нелепых,
Потомкам нашим оставляем месть.

Мы им любовь как ближним и далеким,
должны привить с пеленок до седин.
А не к вражде бессмысленной глубокой,
Которой кровной называем мы.

Вот это все, что знаю о любви я,
И ни какой другой не признаю.
Ведь все мы братья от плоти да и крови,
И вот за это я людей люблю.

***Нашему сыну-первенцу
Дмитрию Евгеньевичу Навахову
к 50-летию***

Мне папой быть и не хотелось,
Боясь, что молодость уйдёт.
Но это время притерпелось,
И сыну — сорок пятый год.

И сын уже на только папой,
А дедом дважды стал уже.
И мы с природою не властны
Качать права насчёт мужей.

Так пусть поймут все наши дети:
Не спорьте с Богом-мудрецом,
Ведь все на свете непременно
Должны быть мамой и отцом.

А коли так, я пожелаю
Всем внукам, правнукам своим,
Пусть, не боясь, детей рожают,
Лишь в мире не было б войны.

А старость к нам, как не хотели,
Она со временем придёт.
Лишь только вы бы не болели,
А смерть пусть в старости придёт.

В итоге вот что пожелаю
Тебе, сыночек дорогой:
Как сорок пятый провожаем,
Пусть сотый тоже так уйдёт!

2007 г., Сдерот

***Наваховой Керен Владимировне
посвящается***

В начале нового столетья,
Господь нам внучку подарил
Её назвали «Лучом» Света,
Чтоб жизни путь ей озарил.

Хоть имя это неземное,
Но в этом есть благой мотив.
Коль нужно небо голубое,
Пусть будет множество светил.

И этот луч пускай сияет,
Над нашей маленькой страной.
И жизнь народа озаряет,
Совсем не пахнувшей войной.

А войны пусть лишь только снятся,
После мультфильмов и кино.
И часто, весело смеяться,
Насколько жить будет дано.

Желаю быть тебе счастливой,
И умной, сильной, как атлет.
Как папа с мамочкой красивой,
И чтоб жила сто двадцать лет!

2000 г., Сдерот

***Народному певцу, поэту и композитору
Ефрему Амирамову посвящается***

Мы с тобой с одной буквы зовемся:
Ты - Ефрем, ну, а я же - Евгений.
И при встрече с тобой улыбнемся,
Предвкушая особых забвений.

Я ведь знаю тебя лет пятнадцать.
Ну, а ты обо мне — ничего.
Нам пожить бы с тобой по сто двадцать,
Не унизив собой никого.

Наши песни, стихи приласкали
Тех, кому посвящаем любя.
Пусть их нежно поют и читают,
Вспоминая тебя и меня.

Может петь и читать нам недолго -
Ненадежным становится мир.
Я хочу, чтоб звучали бы долго
Для всей нашей с тобой мишпахи

Пусть голос твой не очень зычный,
Как голосистых крикунов.
Но, как артист мне симпатичный,
Тебя я слушать век готов.

Коль жизнерадостных талантов
Ты подобрал вокруг себя,
Среди прекрасных музыкантов,
Как жаль, что нету и меня.

Я бы воспел заслуги ваши
И возносил их до небес.
Коль лицезрел бы вас почаще,
Как Леню с «поля из чудес».

И смысл песен твоих сильно
Меня пронзили, как стрелой.
Я в каждом слове чуял силу,
Уйдя в мотивы с головой.

Благодарю тебя мой милый
За жизнерадостную песнь.
Готов молиться я отныне
За то, что ты на свете есть!

Новорожденной в Израиле

Как тебе повезло, когда глазки открыла,
Что увидела Землю ты предков своих.
И по праву теперь ты уж дочь Израиля,
И счастливою быть ты должна за двоих.

И гордиться своею судьбою ты будешь,
Что родилась на свет на Священной Земле.
И надеюсь, что ты праотцов не забудешь,
Что остались лежать на чужой стороне.

Ты расти, ни воин, бед не зная.
Всегда цвети на жизненном пути.
В стране отцов, великого Израиля
Смогла ты счастье полное найти.

Желаю быть тебе любимой,
А кавалеров — батальон.
И в лотереях быть счастливой,
Чтоб выпал целый миллион.

2001 г., Сдерот

Поздравление к 8 Марта

*Посвящается Народной артистке СССР
и Узбекистана, Лауреату Сталинской премии
Тамаре Ханум (Петросьян) к 50-летию.
Я в это время работал на Целине.*

Нет в мире краше женщин наших,
И духом, волею сильней.
Везде: от космоса до пашен,
Сменяли девушки парней.

Да будем также объективны,
Хотя бы кто и отрицал -
Мы все без женщины бессильны,
Я как мужчина бы сказал.

Мы можем делать все не хуже.
Без женщин точно, как без рук.
Она и мать, и врач к тому же,
И в аппарате всех наук.

Я вспомнил грозные те годы,
В ту пору были мы мальцы.
Про красоту забыв и моды,
Нам мамы стали как отцы.

И до сих пор мы не забыли,
Как в дни жестокие войны
Мужские тяжести взвалили
На плечи нежные свои.

В бою, в тылу, с мужчиной в ногу,
Вы, как защитники, могли
Громить фашистскую берлогу
И приближать конец войны.

А сколько женщин есть героев:
Герой войны, герой труда.
И многодетные герои,
Не счесть которых никогда.

Заслуги ваши все мирские
За жизнь одну не перечесть.
Готов молиться я отныне
За то, что вы на свете есть!

1956 г., Ташкент

***Памяти посвящаю другу, наставнику
Раджабову Абдулу Раджабовичу***

Мне душу сжигает унынье,
Безмерная в сердце печаль.
Остался я в жизни отныне,
Без друга и брата» а жаль.

Так лучше б остался без крова,
Без черного хлеба куска.
Но коль потерял я такого,
Тебя мне заменит тоска.

Утратой подобной не скрою
Я в самое сердце раним,
А кто мне те двери откроет,
Чей дом мне так был дорогим?

Тебя успокою, как брата,
Тут временным было жилье,
Не ключ мне откроет - лопата
В подземное царство твое.

17 декабря 1986 года

1987 г. Цхалтубо, санаторий «Тбилиси»

Памяти посвящаю

*Человеку, обладающему всеми титулами величия
Страны Советов, Истинному Марксисту-Ленинцу
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ!*

Звучит печально и тревожно лира,
Оповещая землю об одном:
Ушел от нас знаменосец Мира,
И заскорбил весь честный люд о нем.

Вся жизнь его в грядущее глядела,
Как будто в песне хорошела жизнь,
Он продолжал то Ленинское дело,
Которым жил, как верный коммунист.

Он был кузнец большой всемирной дружбы,
Народы мира к единству призывал.
Покой и отдых были ему чужды,
И как боец себя сполна отдал.

Склоняет низко голову планета,
Внезапная утрата велика.
И вся Отчизна в трауры одета,
Уж очень наша рана глубока.

Тебя не скоро мы забудем,
Иные даже в мире никогда.
Скорбеть и помнить долго будем,
С тобой прожитые года.

*За этот некролог, опубликованный в Севастополе,
командующий черноморским флотом адмирал Горшков
присвоил мне офицерское звание «мичман».*

1953 г.

***Посвящаю нашим сынам,
отдающим интернациональный
долг в Афганистане.***

Далеко на Афганской границе
Знаю, мальчики, Вам нелегко.
Из-за Вас мне, порою не спится,
Хоть живу я от Вас далеко.

Знаю, служба солдата - не манка,
Что сготовила мама к утру.
Но другая там мама-афганка,
Плачет тоже в семейном кругу.

Она грезит о том, чтобы вместе,
Подружили сыны всей земли.
Без вражды и какой-либо мести,
Мирным сном в свои койки легли.

А, проснувшись, подняли головки,
Как цветы на роскошном лугу!
И чтоб пули из Вашей винтовки,
Не летали по брату-«врагу».

1985 г.

Посвящается молодым

Гляжу на вас и пару представляю,
На озере сидящих лебедей.
Я вам сейчас такое пожелаю,
Которое должно быть у людей.

Не всем все сразу в жизни удастся,
Завести семью, да и украсить быт.
Но если каждый терпенья наберется,
То можно жизнь красивую сложить.

А красота не та, что лишь снаружи,
Порой обманывающая нас.
Лишь сохранить тепло души и в стужу,
И чуточку веселья, как сейчас.

Нередко жизнь такое преподносит,
Нехватка средств, здоровье шалит.
Но ведь «Любовь» и не такое сносит,
Когда «Она» в семье царит.

Так пожелаю, дети дорогие,
Не разменяйте тряпки на любовь,
Тряпье порвешь и купите другие,
Но только вы не купите любовь.

Так пусть все снашивается, рвется,
А любовь ваша вечно остается!
Сто лет вам совместной жизни!

Пророчество

Зине и Карине к Батмицве посвящается.

Вам сегодня почти четверть века,
Каждой больше чуть-чуть десяти.
Но для молодого еще человека,
Это только начало пути.

Вот сегодня Зинуле двенадцать,
А Кариночке меньше на год.
Когда будет вам всем по шестнадцать,
Подойдет к сватовству ваш черед.

Этот возраст как будто не спелость,
А лишь только девичья пора.
Но наступит аж полная зрелость,
Когда будет своя детвора.

Но до этого вам еще нужно,
Не одно ведро каши поесть.
Вы живите и в мире и в дружбе,
Чтобы вам оказать эту честь.

А пока что вы только в учебе,
Познавайте всю суть бытия.
Все родные собрались тут чтобы,
Веселиться, гулять до утра.

А созрете вы мы, нагрянем,
Все на свадьбу у вас как один.
И под кипую хором мы грядем,
Как примерно сейчас: «Лехаим!»

2005 г. Сдерот

Посвящается правнуку Владимиру

Ты родился на свет в очень трудное время,
Когда стали взрывать наши земли враги.
Не взирая, на всё ты вошёл в наше племя,
И пополнил собой своих братьев ряды.

Но мы можем тебя защитить от пороков
И от внешних врагов, будь спокоен сынок.
Это всё я тебе говорю ненароком,
Чтобы ты был готов ко всему наш внучок.

А сейчас позабудь эту вечную тему,
Мы собрались сюда по причине другой.
Ты расти, не болей, сам решишь ту дилемму,
Пронесутся года, и ты будешь большой.

И молиться всегда, постоянно мы будем,
Чтоб тебя никогда не коснулись враги.
Этот радостный день никогда не забудем,
Сохранит тебя Бог, ты надейся и жди!

И надеюсь на то, когда будешь ты взрослым,
Что заранее тебе пожелать я хочу.
Постарайся ты стать умным, выносливым,
И невзгоды тогда будут все по плечу.

Я уверен и в том, что ты будешь счастливым,
И умным, сильным, как твой дед.
Как папа с мамочкой, красивым,
И чтобы жил сто двадцать лет!

2004 г., Сдерот

Посвящается бар-мицве

*Указ Президиума Верховного Совета
о присвоении звания мужчины.*

Сегодня ты становишься мужчиной,
Хотя с рожденья был уже ты им.
Свистать наверх! На эти именины
Пришел Указ всем близким и родным.

И вот собравшись на этом вот плацдарме,
Я зачитаю родственный Указ:
Чтоб через пять лет ушел ты в армию,
А, отслужив, позвал на свадьбу нас.

Еще параграф есть такой в Указе:
Чтоб ты достойно Родине служил.
И, не теряя родственные связи,
До самой старости здоровеньким дожил.

Учись, трудись на стройках, в банке,
И будь опорой всем своим.
Ходи на свадьбы и гулянки,
Но только не в «купат холим».

Живи, блаженствуй, будь счастливым,
И умным, сильным, как атлет,
Как папа с мамочкой красивым,
И чтобы жил сто двадцать лет!
Аминь!

1998 г., Сдерот

Сватовству посвящается

Добрый вечер, дорогие!
Братья, сёстры по крови.
Мы сюда вас пригласили,
Чтоб расслабиться смогли.

Вот открывая вечер этот,
Скажу я прозою поэта,
Что вы всегда везде желанны
На сей Земле Обетованной.

Здесь играют музыканты —
Всенародные таланты.
А от вас нам только нужно,
Чтоб вы радовались дружно!

Сегодня вечер необычный,
И мы собрались все сюда,
Чтоб эту пару симпатичную
Привести к присяге навсегда.

И пусть они дадут нам клятву,
Что как отныне и навсегда,
Начнут они детишек жатву,
Пока не скончатся года.

И на совместной этой ниве
В согласьи, верности, любви
Чтобы дружно долго жили,
И в мире не было войны!

И чтоб родных не забывали,
А навещали иногда.
Ушедших в мир тот поминали
И не болели никогда.

Пусть будет жизнь у вас во власти
Любви и радости большой.
Всегда наполненная счастьем
И вечно с юною душой.

А вам я, гости дорогие,
Хочу одно лишь пожелать,
Чтоб вы всегда здоровы были,
И был бы повод погулять.

2001 г., Сдерот

***45-летию доченьки
Анжелики Евгеньевны
посвящается***

Так быстро время пролетело,
Как тебя мама родила.
Мы оглянуться не успели,
А ты уж внука обрела.

И годы наши, словно в песне,
Что пела Гурченко в кино,
Как пять минут все пролетели,
А мы уж старые давно.

Коль у детей у наших внуки,
А нам все правнуки они,
Мы не умрём теперь со скуки,
Коль столько деток обрели.

В них наша плоть и ваша тоже,
И всех достоинств их не счесть.
За то, что вы на нас похожи,
За это вам хвала и честь.

И пусть Господь тебе поможет
Взрастить внучат, да их детей.
Здоровья, радости умножит
Всевышний щедростью своей!

2003 г., Сдерот

***Спасибо наставнице!
Наваховой Нами — маме.***

Я брюки глажу как портной
Без риски, складочки одной.
Утюг мой — преданный каток.
Стал в этом деле я знаток.

Я с детства этим занимался,
Когда фашист с цепи сорвался.
На фронт забрали всех моих,
И я работал за троих.

Рубил дрова, носил водицу
И крал из тока я пшеницу.
Стал печь лепёшки, борщ варить,
Чтоб мать больную накормить.

Ушли года, фашизм разбили.
Меня как будто подменили.
Когда пришёл с войны отец,
Я был уже не сорванец.

Не по годам я стал уж взрослым,
Хоть и не выдался я ростом,
А делал всё я по уму.
Откуда это? Не пойму.

А просто надо понимать:
Мне диктовала это мать.
С больничной коечки своей
Была училкою моей.

И вырос я опрятным, добрым,
Да и отзывчивым к людям.
Да и детей себе подобным
Всегда воспитывал, любя.

И, слава Богу, я спокоен
За внуков, правнуков своих,
Что их воспитают достойно,
Как мать меня, они своих!

2001 г., Сдерот

Спасибо сестре

*Дорогой сестре
Марии Алексеевне Наваховой
к 70-летию*

Я поведать хочу сокровенность того,
Кто привил мне любовь к сочинению.
Это старшая дочка отца моего,
Но, а мне же сестренка блаженна.

Когда был я еще несмышлениш, нагой,
И коверкал слова, как попало.
Вырастала она в этот миг предо мной,
Подзатыльником тут награждала.

И с тех пор, вроде стал уважать свой язык,
А года улетаи, как птица.
Коли не был тогда предо мной этот лик,
Ничему бы не смог научиться.

Вот пишу как обычно я новенький стих,
Долго рифму к нему подбирая.
Я мальчишкам желал бы сестренек таких,
Подзатыльником чтоб угощали.

Благодарность сестре я за все приношу,
И поклон ей за тот подзатыльник.
Коли стану велик я, о ней напишу,
Кто в поэзии стал мне светильник.

1992 г.

Мария Алексеевна и Евгений Алексеевич Наваховы. 2002 г. Сдерот

2000 г. Сдерот. У памятника павшим в ВОВ

60-летию Израиля посвящается

Этот возраст не очень огромный,
А сравнялось всего шестьдесят.
Пожелаем стране нашей скромно,
Чтоб помножить сей срок и на пять.

А потом уж посмотрит Всевышний,
Сколько жить Иудейской Стране.
Коль живём мы три тысячи с лишним,
Значит, вечно нам жить на Земле.

Пусть не гневают нас окруженьем,
Не злорадствуют малым числом,
Мы не прятались за кем-то в сраженьи,
Воевали со всеми с умом.

Выплывали всегда на поверхность,
Из огня выходили живьём.
Сохранял нас Всевышний за верность,
За молитву, что вечно несём.

Наши предки учили нас вере.
И к любви всех народов Творца.
Мы несли и несём к Нему Веру.
Будем преданы ей до конца.

Потому и хранит нас Всевышний,
Что не смеем «Акбар» всем кричать.
Спекуляция эта излишне
Его именем люд убивать.

Надо жить всем достойно и честно
Перед Богом и миром всегда.
Это должно народам известно.
И воссияет Давида Звезда!

2008 г., Сдерот

Сыну Владимиру к 35-ти летию

Вот восемь лет, как ты уехал,
На Земли наших праотцев.
Я пожелал тебе успеха,
Когда ты вышел на крыльцо.

И мама тоже со слезами
Всё наставляла в дальний путь
Успеха в жизни пожелала:
Ты нас, сыночек, не забудь!

Прошли года и мы собрались,
Хотя и в разных городах.
На землях предков оказались,
А мы уж в старческих годах.

И вот сегодня отмечаю,
Твоё тридцатипятилетие,
Успеха, здоровья желаем,
А также и долголетия.

Живи с семьёй своей счастливо,
И жизнерадостным ты будь.
Живи богато и красиво,
И папу с мамой не забудь!

А также брата и сестренку,
Да их детей не забывай.
И ту родимую сторонку,
И чаще детство вспоминай!

2007 г., Сдерот

Учителю-наставнику Борису Гаврилову посвящается

*Все мои достижения в поэзии,
а также миллионы аплодисментов почитателей
моего таланта на 80% - его заслуга.
Низкий поклон памяти первого моего учителя
Гаврилова Бориса Гавриловича.*

Я Гаврилову многим обязан,
Научившим стишата слагать.
И с поэзией крепко повязан,
Стал серьёзные вещи писать.

Он поведал мне мудрость простую,
Словно ноты по тактам писать.
И при этом всё пальчики гнул я,
Будто вновь я учился считать.

Но премудрость не в том заключалась —
В дарованье природном моём.
Коль стишата мои удавались,
Ликовали мы вместе вдвоём.

Если стих мой прихрамывал где-то,
По головке не гладил меня.
Он вселял мне уверенность в этом,
И журил он лишь только любя.

«Погоди веселиться заранее,-
Говорил он. — Куплетик хорош.
Рифмовать нет особого знания.
Хорошо, коль сюжет подберёшь».

Ну, а главное то, что нашёлся
У меня лишь единственный друг.
По уму и по сердцу пришёлся.
Его нежно я Борей зову!

Юной чемпионке

Посвящаю Елене Водорезовой

Тебя, увидев как-то на экране,
Хоть малолеткою для всех была.
Звездой льда ты стала очень рано,
И покорить поклонников смогла.

Рисуешь ты на льду круги и пируэты,
Средь ярких звезд незримою была.
Талантом превзошла больших поэтов,
И приз «Моску» в упорстве забрала.

Тебе тринадцать только что сравнялось,
Совсем недавно в прошлом лишь году.
Мне пожелать от всей души досталось,
Быть первою на Олимпийском льду.

1978 г.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

В память о матери

Не можем мы смириться, мама,
Что ты ушла от нас тогда.
У нас в душе открылась рана,
Что не залечишь никогда.

Наше сердце безропотно ноет,
Что покинула ты нас на век.
Твои двери никто не откроет,
Даже самый родной человек.

Лежи спокойно, наша мама,
Ты жизнь отдала нам свою.
Хоть и ушла от нас так рано,
Мы сбережём любовь твою.

Лежи ты, мамочка, спокойно
И не тревожься ни о ком.
Свой жизни путь прошла достойно.
Мы тоже все туда уйдём.

Земле мы пухом быть желаем,
Когда из близких кто умрёт.
На самом деле засыпаем
Землём, которая нас ждёт.

Мы как пришли, так и уходим.
Этот процесс не по уму.
Зачем сюда мы все приходим
Лишь ясно Богу одному.

Тебя не скоро мы забудем.
Иные даже никогда.
Скорбеть и помнить долго будем
С тобой прожитые года.

1968 г., Дербент

Дорогому отцу от детей и внуков

Орлу подобно, вольной птицей
Ты свил гнездо птенцам своим.
Они летают вереницей
По наставлениям твоим.

Ты был хоть строг, но справедливым
И верный путь нам указал.
По жизни был всегда правдивым,
Умом и силой обладал.

Урок твой в жизни пригодился.
Его не сможем позабыть.
Тобою будем мы гордиться,
А также помнить и любить.

На путь, который ты наставил,
Нам это хватит навсегда.
За то, что на ноги поставил,
Большая честь тебе, хвала!

Ты был отцом у нас героем,
Взрастив детишек и внучат.
И пусть тебя не беспокоит
Судьба дальнейшая ребят.

Не мог найти покоя в мире,
Летел по жизни как орёл,
Но в тёмной маленькой квартире
Покой ты вечный приобрел.

1971 г., Кизляр

К годовщине со дня смерти матери

Ещё год пролетел как мгновенье,
Как ушла ты от нас навсегда.
Да и время в другом измеренье
Проходить будет лишь у тебя.

Наши стрелки часов будут прыгать,
А твои уж навечно стоять.
Перестанем рыдать да и хныкать,
Только будем порой вспоминать.

Ты не гневайся, мать, на природу,
Ведь Всевышний создал её так:
Он составил свой график народу.
Для него это сущий пустяк.

Без разбору берёт он на небо
И детей, молодых, стариков
С этой жизни, хоть кто бы ты ни был.
Значит выбор у Бога таков.

Обижаться на Бога не можем,
А тем более ханить, хулить.
Перед ним лишь смириться мы можем
И гордыню свою усмирить.

«Всё от Бога», - порою мы вторим,
И на всё быть готовы должны.
Хоть и рано из жизни уходим.
Значит, Богу мы тоже нужны.

1999 г., Сдерот

Куплеты для надгробий

Все говорят, что время лечит,
Что позабудешь ты беду.
Но кто на это мне ответит:
А где я Мамочку найду?

Не можем мы понять одно?
Зачем судьба для нас жестока,
Коль век прожить нам не дано,
А проживаем лишь полсрока?

Мы как пришли, так и уходим.
Этот процесс не по уму.
Зачем сюда мы все приходим
Лишь ясно Богу одному.

Ну что за жизнь у человека?
Зачем на свет он приходил,
И, не проживши полувека,
В сырую землю угодил?

Жестокость к нам пришла на землю,
Её не можем обуздать.
Всевышний! Ты же царь вселенной,
Когда начнёшь за зло карать?

Ушёл отец скоропостижно,
Как будто там тебя кто ждёт.
Лежать ты будешь неподвижно,
И вряд ли кто к тебе зайдёт.

Зачем тебя от нас так рано
Всевышний в Рай к себе забрал?
Ну что за Рай, скажи нам Боже,
Коль он и внуков не видал?

1998 г., Сдерот

Маме в мир иной

Где же ты, мама моя дорогая?
Где же ты мой ангелочек родной?
Мне бы тебя пригласить с того Рая
И посадить бы тут рядом со мной.

И спросить бы тебя, как живётся
На том свете в Раю иль в Аду?
Хоть тебя мне вернуть не придётся,
Может я к тебе скоро приду.

Это скоро не так уж далёко.
Хоть бы время я знал наперёд,
Я б грехи замолил ненароком
Перед тем, как наступит черёд.

Все мы смертные, мама родная.
Лишь не знаем когда да и где.
Приглашение придёт нам из рая.
Это только известно судьбе.

Тебя часто я здесь вспоминаю
С благодарной слезой пополам.
И украдкой её вытираю,
Чтоб никто не завидовал нам.

Про тебя написал я поэму,
О тебе посвятил я стихи.
И во сне прихожу на мгновенье,
На Земле оставляя грехи.

Хоть задержка моя тебе в тягость,
Принесу тебе радость с Земли.
А за нежность твою в благодарность
Принесу тебе розы свои.

2001 г., Сдерот

Отцам

Отцов есть множество на свете,
Но нет любимее для нас.
Ушёл от нас ты в самом цвете.
И свет очей наших погас.

Ты был бесхитростным и честным,
На людском горе первым был.
На торжествах ты был известным,
И радость, смех вокруг царил.

Ты был отцом и даже мамой,
А также другом добрым был.
Зачем от нас ушёл так рано
И чёрной тучей жизнь затмил.

Ты бы пожил ещё немного,
Пока правнуки подросли,
Чтоб в эту дальнюю дорогу
Тебя на плечах понесли.

Покинув мир, отец любимый
Своих детей осиротил.
Бетонной плиткою могильной
Себя от нас огородил.

Лежи теперь отец спокойно
И не тревожься ни о чём.
Свою ты жизнь прожил достойно.
Мы тоже все сюда придём.

Ты был и есть и будешь с нами,
Как не печален час разлуки.
Твой взор всегда перед глазами
Друзей, родных, детей и внуков.

Лежи спокойно, папа милый,
Ведь рядом — избранный народ.
Мы будем чтить твою могилу,
Пока наступит наш черёд.

Земля тебе пусть пухом будет
И даже мягче, чем постель.
И пусть никто не позабудет,
Что всех нас ждёт такой «хостель».

Наше сердце безропотно ноет,
Что покинула ты нас на век.
Твои двери никто не откроет,
Даже самый родной человек.

Расстался с нами ты навечно
И с этим ясным, светлым днём.
Лежи, отец и друг сердечный,
Мы тоже все сюда придём.

Один твой взор перед глазами,
Нельзя который разлюбить.
Его не смоешь и слезами,
Да и тем более забыть.

Тебя не скоро мы забудем.
Иные даже никогда.
Скорбеть и помнить долго будем
С тобой прожитые года.

И как над нами не глумились,
Где б не носила нас судьба,
На земли предков возвратились,
Чтоб здесь остаться навсегда!

1998 г., Сдерот

Память о родителях

Мы поминаем своих предков
Не за какие-то долги.
А потому, что мы их детки,
И вспоминать всегда должны.

Родных всегда нам помнить надо
За ласку, нежность, доброту.
За их заботливые взгляды,
За сокровенную мечту,

В которой нас хотели видеть,
Чтоб мы достойными росли.
Желая в чём-то не обидеть,
И чтоб мы счастье обрели.

Уйдя в тот мир, они на веки
Своих детей осиротили.
У нас самих большие дети.
Но мы свой долг не позабыли.

Никто не смог, не сможет сроду
Усопших снова оживить,
Ведь так устроена природа,
Хоть сколько будем мы молить.

Но а пока мы будем живы,
Нам нужно помнить об одном:
Не забывать родных могилы,
Иначе в Ад мы попадём.

Мы все обязаны им только
За то, что мы вообще живём.
Пройдут года, не знаем сколько,
И тоже все туда уйдём.

Живите, род свой продолжайте
И будьте счастливы всегда.
О долге лишь не забывайте -
Бог не простит нас никогда!

2000 г., Сдерот

Спасибо, мамочка, за то,
Что ты на свет нас народила.
И как обидно, что за всё
Тебе досталась лишь могила!

Ты грудью нас своей вскормила,
Покой и сон наш берегла.
Душа твоя в земле остыла,
Но к тебе наша никогда.

Ты была у нас в семье вождём.
И в доме была полна чаша.
Хоть будешь вечно под дождём,
Любовь к тебе не смоем нашу.

Зачем вы плачете, родные,
Что ухожу я навсегда.
Ведь все, и стар, и молодые
Уйдут со временем туда.

Носите траур, но не долго.
Ведь у покойных длинный путь.
Живите вместе в мире долго.
Назад усопших не вернуть.

1968 г., Дербент

Человеку, прожившему жизнь достойно

Если мужчина построил свой дом,
Значит, и жил он лишь только умом.
Если и дерево сам посадил,
Значит, всегда благородным он был.

Если мужчина детей народил,
Значит, он родину сильно любил.
Если он их до конца воспитал,
Значит, вложил он большой капитал.

Если мужчина слово сдержал,
Значит, его не напрасно давал.
Но если слова он на ветер кидал,
Значит, он тяжести в жизни не знал.

Все в совокупности качества эти,
Мать нам дала, чтоб мы жили на свете.
Будь то девчонок иль сыновей,
Мать породила с утробы своей.

Маму ведь тоже мать родила,
Значит, все это природа дала.
Давайте тогда все природу любить,
Чтобы могла нам всем радость дарить.

Вот так узнавали людей в старину,
Когда отправляли мужчин на войну.
Он и в разведке там будет молчать,
Да и под пыткой не будет кричать.

Все эти качества в нас, в человеке,
Это богатство! Вы слову поверьте.
Оно по наследству детям давалось,
Если все это сберечь удавалось.

И наши потомки будут сердечно,
Как эстафету нести бесконечно.
Детям и внукам своим отдавать,
Так воспитала нас Родина-мать.

Я говорю вам о личном портрете,
И у меня нет другого на свете.
Если с портретом вот этим согласны,
Значит, и жили вы все не напрасно.

Ведь ваши родители были такими,
Коли вы дружбу отцов не забыли.
Жили всегда вы все по соседству,
Горе чужое восприняли к сердцу.

Вот и сейчас мы собрались все вместе,
Это как дружба парнишки с невестой.
Дань уважения пришли мы отдать,
Так воспитала еврейская мать.

Вот так, дорогие, нам надо всем жить,
И будем когда мы друг друга любить.
И это увидев, враги не посмеют,
Войною напасть, что их враз одолеют.

1998, Сдерот

**ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
ПОТОМКИ**

Грабитель

Стихи неизвестного автора

И воскликнул Гитлер:
- Радуйся, Германия!
Кончились отныне
Все твои страдания.

Я иду разбойничать,
Грабить Украину.
Привезу я хлеба
Тощему Берлину.

Привезу я масса,
Привезу я мёду.
Будет угощение
Моему народу.

Говорят фашисты:
- Милый кровопийца!
На тебя надежда
Каждого арийца.

Мы тебя, бандита,
Любим-обожаем!
Приезжай скорее
Сруским урожаем.

И уехал Гитлер!
Немцы с голодухи
Бродят по Берлину
Сонные как мухи.

Наконец, о, счастье,
Прямо из России
Поезда примчались
Длинные такие.

И Берлин от радости
Пляшет, веселится:
Наконец-то прибыла
Русская пшеница!

И, ликуя, немцы
Кинулись к вокзалу:
- Будем мы сегодня
Сыты до отвалу.

Смотрят, торжествуя,
В тёмные вагоны.
Только вдруг от туда
Доносились стоны.

Да, людские стоны
Слышатся от туда.
Удивились немцы:
- Это что за чудо.

Вместо хлеба, сала,
Сахара, свинины
Раненые прибыли
К нам из Украины.

На полях России
Избранная раса
Скоро превратится
В рубленое мясо.

1942 г.

Болтун

Стихи неизвестного автора

Рано утром, вечером,
Поздно на рассвете
Треплет Геббельс языком
У себя в газете.

Узнаём о чудесах
Из фашистской сводки:
- Немцы сбили в небесах
Три подводных лодки.

- Наш пехотный капитан,
Будучи в разведке,
Вышел в Тихий Океан
На мотоциклетке.

- Провалился Ленинград,
Утекла Фонтанка.
Окружил один солдат
Три советских танка.

- Из Тибета шлёт Мадрид
Шведских крестоносцев.
Протаранил мессершмидт
Двадцать броненосцев.

А затем, войдя в пике,
С помощью турели
Наловил в Москве-реке
Триста тонн форели.

Болтуны всегда вредны.
Слушать их не надо.
Но сейчас, в разгар войны,
Болтуны и шептуны
Нам вреднее яда!^{***}

1942 г.

*** Этот куплет принадлежит т.Сталину. Октябрь 1941 г., газета «Россия»

Гестаповец

Стихи неизвестного автора

Юный Фриц, любимец мамин,
В класс идёт держать экзамен.
Задают ему вопрос:
- Для чего фашисту нос?

Отвечает Фриц мгновенно:
- Чтоб вынюхивать измену
И строчить на всех донос.
Вот зачем фашисту нос.

Вопрошает жрец науки:
- Для чего фашисту руки?
- Чтоб держать топор и меч,
Чтобы красть, рубить и жечь.

- Для чего фашисту ноги?
- Чтобы топтать по дороге
Левой, правой, раз и два.
- Для чего же голова?

- Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
Чтоб не думать ничего —
Фюрер мыслит за него.

Похвалил профессор Фрица:
- Этот парень пригодится!
Из такого молодца
Можно сделать подлеца!

Рада мама, счастлив папа —
Фрица приняли в Гестапо!

1942 г.

Письмо Маргариты Алигер к Илье Эренбургу

В чужом жилище руки грея,
Я вас осмелилась спросить:
«Кто ж мы такие?» Мы евреи!
Как же я смела это позабыть?

Полерея девушка на Рейне,
Юных струн зелёных полусон.
В чём виновен Генрих Гейне?
Чем не угодил и Мендельсон?

Я спрошу у Маркса и Энштейна,
Кто великой мудрости полны.
Может им от гроба эта тайна
Нашей перед вечностью вины?

Милые полотна Левитана,
Добрые свечения берёз,
Чарли Чаплин с белого экрана,
Вы ответьте мне на мой вопрос.

Разве всем, чем были мы богаты,
Мы не разделили без лишних слов.
В чём же мы пред миром виноваты —
Эренбург, Багрицкий и Свердлов?

Жили щедро, не щадя таланта,
Не жалея лучших сил души.
Я спрошу врачей и музыкантов,
Тружеников малых и больших.

И сынов могучих Маковея,
Мудрых сыновей своих отцов,
Тысячи воюющих евреев,
Сотни командиров и бойцов.

Отвечайте мне во имя чести,
За что же мы несчастные в веках —
Мальчики, пропавшие без вести,
Юноши, сгоревшие в печах.

Танками раздавленные дети,
С этикеткой «иуда», с кличкой «жид».
Нас уже почти что нет на свете.
Нас уже ничто не удивит.

Мы евреи! Сколько в этом слове
Горечи и беспокойных лет.
Я не знаю, есть ли голос крови,
Знаю только — есть у крови цвет.

Ответ Ильи Эренбурга

На ваш вопрос ответить не умея,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы евреи,
И виноваты в том, что мы умны.

Мы виноваты в том, что наши дети
Все стремятся к мудрости земной,
В том, что мы рассеяны по свету,
И не имеем родины одной.

Сотни тысяч, жизни не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтобы слышать после: «Это кто? Евреи?»
Они в тылу сражались за Ташкент».

Нас не любят за то, что мы евреи,
Что наша вера — составляющая вер.
Но я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я Еврей, товарищ Алигер!

Мы часто плачем, очень часто стонем,
Но наш огонь прошедший чист.
Не даром слово «жид» всегда синоним
С большим великим словом «коммунист».

Не даром ведь, как самых ненавистных,
Подлейшие с хвастливою душой,
Эсесовцы жидов и коммунистов
В майданах первыми слали на убой.

Нас задушить хотели в грязных гетто,
Сломить в могилах, в реках утопить.
Но, несмотря на это, Маргарита,
Мы будем жить, мы будем жить!

И мы сумели, таланта не жалея,
И сможем это миру доказать,
Ну, что ж такого в том, что мы евреи,
Мы тоже вправе жить и процветать!

Нам кровь и слёзы дали это право.
Благословим мы жертвы из могил,
Чтоб наш народ для лозунгов и славы,
Для новой жизни впредь их вдохновил.

Народ бессмертен! Новых Макковеев
Он с гордостью грядущему в пример.
Да, я горжусь, горжусь и не жалею.
Что я Еврей, товарищ Алигер!

Выписано из альбома узника Освенцима,
1951 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Рафаилов.	Дорогие мои старики	56
Человек из легенды. 4	Елка в Израиле	57
	Ёлки Израйля	58
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	Ёлка Кремля	59
Бакинский нефтяник	Журавли на еврейский лад	60
Блюститель порядка	Желаю сто лет жизни	62
Боги с нами	Завещание	63
В гостях хорошо, а дома лучше	Запрет на все	65
Век воли не видать	Зачем жить под страхом	67
Ветеранам	Звонок из Америки	69
Ветеранам	Зеленый чай	71
Великой Отечественной	Изобретатель-мыслитель	73
В защиту мира	Измученная Россия	74
Взгляд в будущее	Исповедь алкоголика	75
Военные осколки	Кем пугаете?	77
Возвращение к любимой	Как забыть прошлое	78
Возврат к прошлому	Козлик и волк	79
Война в Афганистане	Кукла	81
Война не вечна, вечны герои!	Куда и за кем идём?	82
Вопрос к шибко грамотным	Кавказская застольная	84
Воспоминание	Ко дню образования	
Встреча на Эльбе	Красной Армии	85
Герасим и Муму	К открытию синагоги	
Герой с синяком	кавказских евреев	86
Героям павшим и живым	Кусочек Земли у окна	87
Годы берут свое	Курорт Эйлат	88
Голодная степь	Кто в ответе за воду в городе?	89
Гонимый народ	К 5-й годовщине	
Город Огни	со дня приезда в Израиль	90
Грязнуля	Лезгинка	91
Гуманизм — это жизнь	Лезгинка (спустя 25 лет)	92
Две матери	Лехаим! За жизнь!	93
900 дней блокады Ленинграда	Лучи моей жизни	94
Дембель	Любимый город	95
День Победы	Любовь в моём понимании	96
День Победы	Любовь по наследству	97
Добро и зло	Люди, земля и Бог	98
Добрый джин	Мечта моей юности	100
Дойч	Милиционер	102
Дом без ворот	Миру мир, а лежцам нефть	104
	Мои наставники	106

Мост дружбы	107
Моя мечта	108
Мы не олимпы	110
Наказ депутатам	112
На работу и к власти	113
Наши фотки в альбоме	115
Нашим защитникам	117
Ненавистникам евреев	118
Несмотря на всё, мы будем жить! ..	120
Нестареющее фото	122
Не рвите страну на части	124
Не убей, а созидай!	126
Неудачный побег в Израиль	128
Ностальгия по зиме	131
Октябрь	132
Опомнитесь, люди	133
О Пушкине	135
Орёл и петух	136
О Сталине, Хрущеве и о других ..	137
От судьбы своей не уёдёшь!	140
Ошибка	141
Пахарь	142
Пепел бикини	143
Первое впечатление об Израиле ..	144
Первомай	145
Первый урок	146
Перестроились или	147
Песня о мире на Земле	149
Переворот в России	150
Песня о Сдероте	152
Письмо в Израиль	153
Письмо в Россию	154
Плюрализм мнений	156
Победа	159
Победителям	161
Поездка в Израиль по гостевой ..	162
Помогите Чернобылю	163
Праздник Пейсах	163
Прощай, разбитая Россия	165
Прощание со школой	167
Птица мира	168
Радость земная	169
Разгневанная мать-земля	171
Разговор с Богом	173
Революция	174
Свадьбы на мой взгляд	175
Сбылись мечты наших предков ..	177

Свастика	179
Святые книги	182
Сдерот	184
Сдеротские частушки	185
Слепым обвинителям Израиля ..	186
Слово маме	189
С новосельем!	190
Солдатская песня	191
Сталинград	192
Строевая песня десантников	193
Сын Азербайджана	194
Сын ушел на два года служить ..	195
Талгинский источник	196
Три матери	197
Тамада	198
Там не будет ничего!	199
Телеграфные столбы	200
Терпенье и труд	201
Тоска по любимому	202
Три Наркомовские премии	203
Цхалтубо	206
Чайка	207
Частушки для ведущих	
передачу «Играй гармонь»	209
Человек и книга	210
Человеку, прожившему	
жизнь достойно	211
Юный доброволец	213

ПОСВЯЩЕНИЯ

А. Д. Навахову	216
Алеше Якубову	217
«Бывшие»	218
Великий вождь	219
Верной супруге	221
Внучке Анне Сергеевне	222
Внучке Е. Д. Наваховой	223
Внуку моему	224
80-летию Миши Бахшиева	225
Правнуку Навахову Е.А	226
Внуку Сёме от деда Жени	227
Герой труда	228
Варварушке	229
10-летию создания клуба	230
Дорогим папе и маме	231
Дорогому сыночку	232

Дорогому зятю.....	233
Дедушке Жене.....	234
Дорогому внуку.....	236
Дорогой доченьке.....	238
Елене Дмитриевне.....	238
Женщинам ко Дню 8-го Марта	239
К 4-й годовщине... ..	240
К серебряной свадьбе... ..	241
Когда мужчины плачут	242
К сватовству	243
Молодожёнам	244
Молодожёнам	245
Молодоженам	246
Молодожёнам	247
Моему кумиру В.С. Высоцкому ...	248
Маме	249
Навахову Д.Евгеньевичу.....	250
Н.Г.Наваховой к 45-летию	252
Правнуку нашему... ..	252
Навахову Евгению... ..	253
А есть ли вообще любовь?.....	254
Ответ Жанны Клейман	255
Нашему сыну-первенцу... ..	256
Наваховой К.Владимировне.....	257
Народному певцу	258
Новорожденной в Израиле.....	259
Поздравление	260
Памяти Раджабову А.Р.	261
Памяти посвящаю	263
Посвящаю нашим сынам.....	264
Посвящается молодым	265
Пророчество	266

Посвящается правнуку.....	267
Посвящается бар-мицве	268
Сватовству посвящается	269
45-летию доченьки	270
Спасибо наставнице!.....	271
Спасибо сестре	272
60-летию Израиля посвящается ...	275
Сыну Владимиру к 35-летию	276
Учителю-наставнику.....	277
Юной чемпионке	278

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

В память о матери	280
Дорогому отцу	281
К годовщине	282
Куплеты для надгробий.....	283
Маме в мир иной.....	284
Отцам.....	285
Память о родителях.....	287
Спасибо, мамочка	288
Человеку, прожившему жизнь достойно	289

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ ПОТОМКИ

Грабитель	292
Болтун.....	294
Гестаповец	295
Письмо Маргариты Алигер к Илье Эренбургу	296
Ответ Ильи Эренбурга	297

Литературно-художественное издание

Навахов Евгений Алексеевич

Тем, кого люблю

Сборник стихов разных лет

В авторской редакции

Дизайн обложки и компьютерная вёрстка – Э. Алиев
Общая редакция издания – Издательский дом «Мирвори»

Подписано к печати 11.07.2008

Формат: 60 x 90 1/16

Гарнитура Newton

Печать офсетная

Усл. печ. листов 19,0

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные – 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2007-2008 году
вышли в свет следующие книги:**

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №№ 1-4

Ю.Ягданов.
ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ.
Сборник стихов.

З.Семендуева. ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.
Сборник произведений
на горско-еврейском языке.

Д.Раханаев.
НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ...
Сборник стихов.

Овгониль духдер Гилил.
ХУДО НУВУСДЕО.
Сборник стихов
на горско-еврейском языке.

Е.Навахов. ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ.
Сборник стихов.

Их подвиг не забудется.
Книга воспоминаний ветеранов ВОВ,
жителей г.Сдерот. (иврит).

С.Ягудаев. КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ.
Учебное пособие.

Разукрась картинку выучи стишок.
Книжка-раскраска для детей.

В.Давыдов.
**ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ
ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ.**
Сборник статей.

М.Якубов.
ПУТЬ САНЬКИ.
Повесть.

М.Елизаров.
ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА.
Сборник рассказов.

М.Козакова.
ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.
Сторонний взгляд
непостороннего человека.
Сборник очерков и статей.

Б.Ханукаев.
И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО.
69 белых пятистиший.

Й. Розенталь.
ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ МЕЧТУ.
Стихи и тексты песен
с приложением нотных записей.

И.Йегуди.
**ЗАМЕТКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ЕВРЕЙСТВА**

С.Гаврилов. ОГОНЬ СВЕЧИ.
Сборник рассказов, раздумий,
зарисовок и сказок.

А.Лифшиц.
Я ВАМ СТИХИ СВОИ ПРОЧТУ...
Сборник стихов.

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №5
Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.
Бухарские евреи: кто мы? Энциклопедия. IV том.
Альбом-каталог горско-еврейских художников.

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
Художественный дизайн и графика.
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

НАВАХОВ Евгений Алексеевич

Родился 12 февраля 1932 года в Чечено-Ингушетии. С 1997 года живёт в Израиле, в г. Сдероте. С юношеских лет у Евгения Навахова было тяга к творчеству. Он писал стихи и прозу, откликаясь на все события, происходившие в стране. Широкий отклик в народе получили его стихи о трагедии в Чернобыле, об Афганской войне. Он писал о повседневной жизни, о хороших людях, посвящал свои произведения близким и друзьям. Его произведения печатались в различных газетах, журналах альманахах. Его перу принадлежат около 500 произведений – стихотворений, поэм, рассказов и статей.

В данную книгу вошли стихи Евгения Навахова, написанные в разные годы и посвящённые его новой родине – Израилю, любимым городам Дербенту и Сдероте, родным и близким, а также философская лирика.